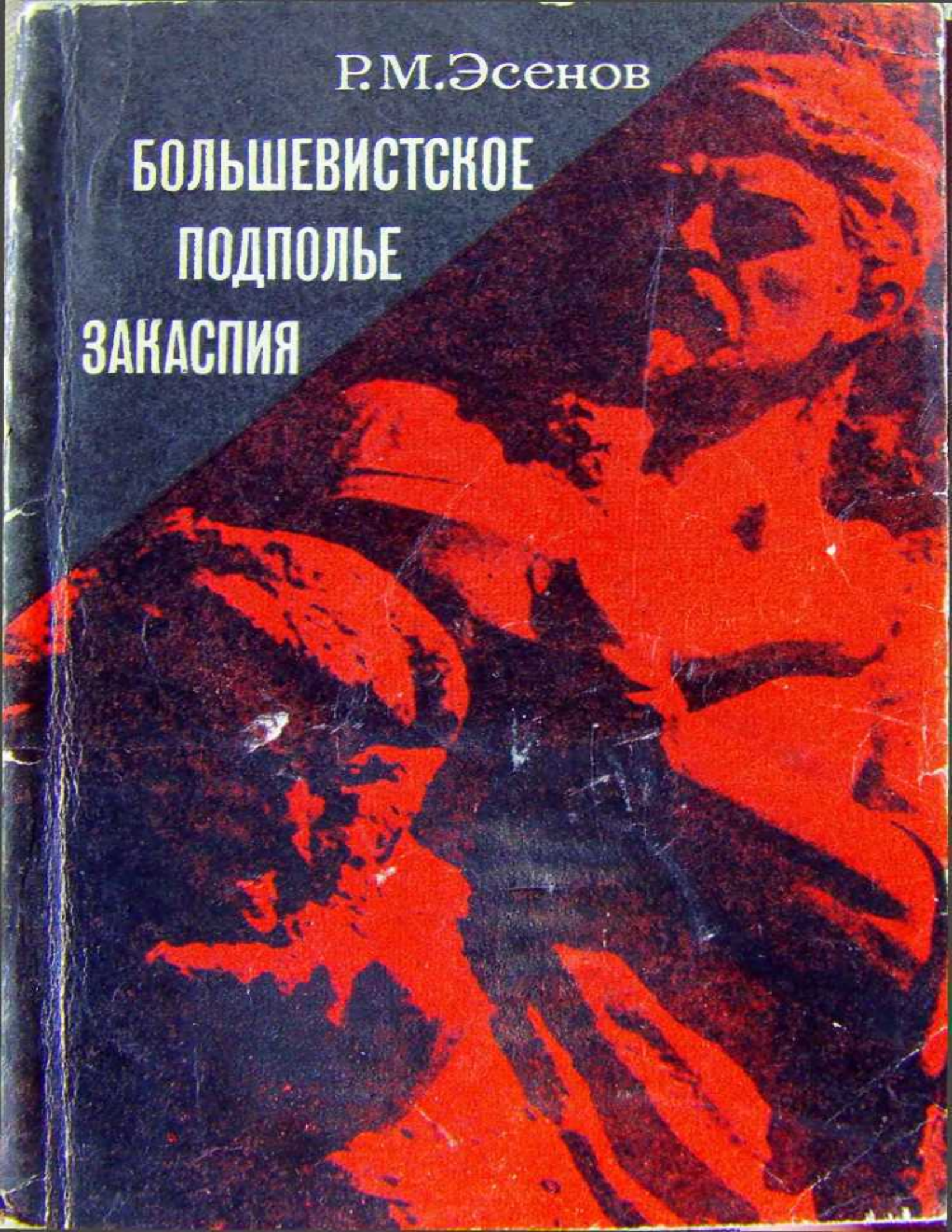

Р.М.Эсенов

**БОЛЬШЕВИСТСКОЕ
ПОДПОЛЬЕ
ЗАКАСПИЯ**

Annotation

Книга воскрешает героические страницы борьбы трудящихся Средней Азии против националистической контрреволюции и иностранных интервентов в годы гражданской войны. Широко используя новые архивные материалы, автор показывает большевиков Закаспия как организаторов и руководителей героической борьбы трудящихся масс. С особым интересом читаются разделы, рассказывающие о подготовке вооруженного восстания, борьбе партизанского отряда Аллаяра Курбанова, в котором плечом к плечу сражались туркмены и русские.

-
- [ВВЕДЕНИЕ](#)
- [Глава I](#)
 - [1. СОЗДАНИЕ ПОДПОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ГРУПП](#)
 - [2. НЕЛЕГАЛЬНЫЕ И ПОЛУЛЕГАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ](#)
 - [3. УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ С МАССАМИ](#)
- [Глава II](#)
 - [1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЗАКАСПИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 ГОДА](#)
 - [2. БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ И ПРОФСОЮЗЫ. ЗАБАСТОВКИ РАБОЧИХ](#)
 - [3. СВЯЗИ С БАКУ](#)
 - [4. ПОДГОТОВКА К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ](#)
 -
 - [5. ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ](#)
- [Глава III](#)
 -
 - [1. ПОЗИЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ «ВЕРХОВ»](#)
 - [2. ПЕРЕХОД ТРУДОВОГО ДАЙХАНСТВА НА СТОРОНУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ](#)

- [3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ](#)
- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
- [ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)

- [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
-

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Посвящается пятидесятилетию Туркменской Советской
Социалистической Республики и Коммунистической партии
Туркменистана

ВВЕДЕНИЕ

В бессмертном международном пролетарском гимне «Интернационал», принадлежащем перу поэта-революционера, героя Парижской коммуны Эжена Потье, есть пророческие строки:

Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Рабочий класс нашей страны под руководством партии большевиков во главе с В. И. Лениным стал первым отрядом «всемирной армии социализма», который положил начало революционному преобразованию человеческого общества, созиданию нового мира.

Главной задачей победившего пролетариата великий вождь считал строительство нового общества, государства рабочих и крестьян. После победоносного штурма Зимнего дворца и падения последнего буржуазного правительства России эксплуататорские классы не сложили оружия. Внутренняя контрреволюция, объединившись с международным империализмом, начала атаку на молодое Советское государство. Ленин предупреждал, что дорога к социализму «никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной...»¹.

Павел Герасимович Полторацкий

В. И. Ленин, гибкий и осмотрительный политик, образец революционной отваги, решительности, целеустремленности, в те дни не раз вспоминал знаменитый девиз революционеров прошлого: «Смелость, смелость и еще раз смелость!»

Этот девиз взяли на вооружение находившиеся на нелегальном положении большевики, революционные рабочие и дайхане Закаспия (так до революции называлась Туркмения), где в середине июля 1918 года при вооруженной помощи английского империализма произошел контрреволюционный переворот, приведший к власти белогвардейско-националистические элементы.

В июне 1919 года Ашхабад^[1] еще находился под властью контрреволюционных сил, а в Реввоенсовете Закаспийского фронта, размещавшемся в освобожденном Мерве (Мары), уже

была подготовлена «Схема организации асхабадского пролетариата». В ней, в частности, говорилось: «Первое организационное собрание (ашхабадской коммунистической ячейки. – Р. Э.) созывается закрытым, только из членов *подпольной коммунистической организации, существовавшей в городе* (подчеркнуто мною. – Р. Э.). По заслушании доклада представителей подпольной организации коммунистов, члены таковой могут быть зачислены в действительные члены Российской Коммунистической партии с правом решающего голоса»².

На станции Баба-Дурмаз, на подступах к Ашхабаду, председатель Реввоенсовета Закаспийского фронта Н. А. Паскуцкий, издавая приказ о составе будущего уездного ревкома, предлагает вторым заместителем председателя назначить местного жителя, рекомендуемого подпольной организацией коммунистов³.

Приведенные документы дают основание утверждать, что Реввоенсовету было известно о существовании в Ашхабаде большевистской подпольной организации и что он поддерживал с ней связь.

11 июля 1919 года, на третий день после вступления частей Красной Армии в Ашхабад, было созвано собрание большевиков, избравшее организационную комиссию для создания партийной ячейки. Ее костяк составила подпольная большевистская группа. Реввоенсовет фронта назначил новый ревком, в состав которого вошел И. Р. Зотов – представитель ашхабадских большевиков-подпольщиков. Вскоре ревком назначил на должности заведующих отделами народного хозяйства и продовольствия видных деятелей большевистского подполья В. Кулешова и И. А. Кукаева, выдвинутых ашхабадской подпольной организацией Коммунистической партии⁴.

Николай Антонович Паскуцкий

Автору этих строк удалось разыскать в архивах Москвы ряд документов, проливающих свет на существование в Ашхабаде не одной, а нескольких подпольных большевистских организаций. Б. Е. Каширский, представитель Ташкентского военного комиссариата, везший из Москвы через Закаспийскую область военное снаряжение, застрял там в дни контрреволюционного мятежа. Пять месяцев он томился в ашхабадской областной тюрьме. 24 мая 1919 года в письме на имя председателя Реввоенсовета Закаспийского фронта Б. Е. Каширский писал: «Мне известно, что в Ашхабаде имеется подпольная организация коммунистов. Член [ом] этой организации состоит тов. Николай Николаев – от рабочих, а от военной организации быв. поручик Смирнов (бывший инструктор Ташкентского

военного училища), с которыми^[2] советую для скорейшей ликвидации Закаспийского фронта установить связь».

Есть и другие материалы, свидетельствующие о существовании в Ашхабаде подпольной организации во главе с Сазоновым и о том, что подобные организации действовали в Мерве, Кушке, Кизыл-Арвате и даже на передовой линии фронта белогвардейских войск. С многими подпольными организациями Советское командование поддерживало связь.

О существовании ашхабадского подполья говорит и другой весьма любопытный документ, связанный с жизнью и деятельностью латышского большевика, члена партии с 1910 года Отто Августовича Лидака^[3].

Работая охранником ашхабадской областной тюрьмы, он сблизился с заключенными здесь соратниками и родственниками бакинских комиссаров, помогал им, организовывал встречи с посланцами Бакинского комитета большевистской партии, интересовавшегося положением арестованных.

Отто Лидак вместе с Самойленко и Меменоси организовал группу из 14 коммунистов. Удостоверение, выданное О. Лидаку Полторацким комитетом РКП 19 сентября 1919 года, подтверждает, что он был председателем этой партийной ячейки, с ее согласия дезертировал из белой армии и переехал в Баку⁵, где городской комитет партии, тоже действовавший в подполье, остро нуждался в опытных партийных работниках.

А. И. Микоян, томясь зимой 1918/19 года в тюрьмах Закаспия, познакомился с Отто Лидаком в ашхабадской тюрьме. «Я стал его (О. Лидака. – Р. Э.) расспрашивать о том, какие коммунистические организации есть в Ашхабаде и имеет ли он с ними связь, – вспоминает А. И. Микоян. – Он сказал, что о таких организациях ему ничего не известно. Тогда я попросил его, а также Артака^[4] и Топуридзе^[5] во что бы то ни стало нащупать связи с подпольными коммунистическими организациями Ашхабада, потому что я не допускал мысли, чтобы таких организаций в Ашхабаде не было»⁶.

Вот что писал по этому поводу в 1926 году в своих воспоминаниях Артак: «Микоян решил собрать ашхабадскую организацию. Первое организационное собрание он поручил провести одному товарищу по имени Отто Лидак, который впоследствии был одним из организаторов и участников ленкоранского восстания в 1919 году. Мне было поручено держать связь между организацией и Микояном. Мне довелось быть на первом организационном собрании в колбасной мастерской одного из наших товарищей, который впоследствии в Баку был активным клубным работником»⁷.

Итак, в Ашхабаде, бесспорно, действовала не одна, а несколько нелегальных организаций, сумевших организовать и сплотить вокруг себя революционные массы. Конечно, нельзя утверждать, что все эти организации целиком и полностью состояли из коммунистов. Возникшие по инициативе коммунистов и советских работников, они объединяли солдат, дайхан, людей различных сословий и вероисповеданий, даже представителей мелкобуржуазных партий – левых эсеров и гнчакистов^[6], вставших на советскую платформу, понявших, что несут с собой белогвардейско-националистические элементы, пришедшие к власти при вооруженной помощи английского империализма.

В начале 60-х годов в Ашхабадской группе содействия Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС во время дискуссии был подвергнут сомнению факт существования большевистского подполья Ашхабада. Тогда же было решено поручить старым коммунистам П. Д. Понычеву и П. В. Бухаренко (бывшему члену Военно-политического штаба Туркестанской республики, а затем члену политотдела Реввоенсовета Закаспийского фронта) проверить этот факт по документам. Анализом архивных документов и опросом участников событий 1918–1920 годов было установлено, что подпольная группа в Ашхабаде существовала, активно действовала, боролась⁸.

Подобные сомнения высказывались и в 20-х годах, когда отдельные лица пытались с непартийных позиции оценивать вклад большевистских организаций в дело освобождения трудящихся масс Закаспия от иностранных интервентов и белогвардейщины, игнорировали неоспоримый факт существования подпольной организации Ашхабада, ставшего по сути центром большевистского подполья Закаспия.

На полтора с лишним года па территории Закаспийской области воцарился кровавый режим белого террора, державшийся на штыках английских интервентов. В этих невероятно трудных условиях избежавшие ареста и оставшиеся в живых большевики создали в Ашхабаде, Красноводске, Казанджике, Кизыл-Арвате, Мерве, Кушке и других местах подпольные организации и группы. Они вели активную политическую работу не только среди трудящихся масс Закаспийской области, но и в войсках интервентов и белогвардейцев, совершали дерзкие диверсионные акты, наносили врагу ощутимый материальный урон.

Исследование деятельности большевистского подполья, вписавшего яркую страницу в героическую летопись Коммунистической партии Советского Союза, важно тем, что оно освещает практику местной партийной организации, обогащает революционный опыт рабочего класса и его авангарда – коммунистов, раскрывает роль всех классов и социальных групп в обстановке гражданской войны, иностранной военной интервенции.

XXIV съезд КПСС, поставивший важные задачи перед общественными науками в области изучения проблем социального развития нашей страны, подчеркнул, что партия всегда придавала серьезное значение правильному, объективному освещению истории нашего государства. В связи с этим изучение деятельности большевиков – подпольщиков Закаспия, сумевших творчески использовать в местных условиях богатый опыт борьбы партии (умение сочетать в определенных условиях нелегальные и легальные формы деятельности), получивший свое яркое выражение в усилении влияния

большевиков в профсоюзном, рабочем движении, в победе большевистской линии, приобретает особую значимость, позволяет выявить и увековечить на страницах истории имена героев, незаслуженно забытых борцов за Советскую власть.

В настоящей монографии автор предпринял попытку исследовать и обобщить революционный опыт большевиков Закаспия как организаторов и руководителей героической борьбы трудящихся масс, в частности подпольных партийных организаций и групп, сумевших творчески использовать богатый идеологический арсенал партии; рассказать об участии рабочих организаций, профсоюзов в революционных событиях, отразить место и роль ашхабадского подполья, подпольного Бакинского комитета партии, рабочего класса Закавказья, имевших связь с подпольем Закаспия, влиявших на развитие революционного движения; осветить борьбу местного населения против внешней и внутренней контрреволюции, возникновение партизанского движения; показать позиции феодально-байских кругов и широких дайханских масс в период гражданской войны и коснуться некоторых других вопросов, связанных с деятельностью большевиков и командования советских войск, активно влиявших на революционные события.

Чтобы решить эти проблемы, фактический материал, правда весьма разрозненный, мы собирали в партийном архиве Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Партархив ТФ ИМЛ), Центральном государственном архиве Туркменской ССР (ЦГА ТССР), Центральном государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА), в партийном архиве Азербайджанского филиала Института марксизма-ленинизма при

ЦК КПСС (Партархив АзФ ИМЛ), Центральном государственном архиве Азербайджанской ССР (ЦГА АзССР) в Баку и в Центральном государственном архиве Узбекской ССР в Ташкенте (ЦГА УзССР). Скучные, но ценные сведения о борьбе большевистских организаций, о революционном подъеме рабочего класса и трудового дайханства, о позиции лояльных и враждебных национальных эксплуататорских «верхов» в годы

гражданской войны содержатся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) в Москве^[7].

Революционное движение дайханских масс освещено в ряде научных работ А. А. Рослякова, Ш. Ташлиева, О. Кулиева, М. Языковой, Е. Н. Куприковой, П. Реджепова и других туркменских историков. Используя их материалы, автор привлек и некоторые новые документы, до сего времени не введенные в научный оборот. Особый интерес представляет переписка контрреволюционных властей и доклады белогвардейского командования в ставку Деникина.

При освещении вопроса о возникновении партизанского движения были использованы в основном бесценные документы подпольного Бакинского комитета и Закавказского краевого комитета РКП (б), хранящиеся в партархиве Азербайджанского филиала ИМЛ, а также источники Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА).

Партизанской борьбе в горах Копетдага посвящено немало исторической литературы. В основном это воспоминания участников событий тех лет, а также монографии Ш. Ташлиева, Е. Куприковой, П. Реджепова, А. Каррыева и Ю. Пермяк и другие труды. Их авторы в целом воссоздают картину действий партизанского отряда Аллаяра Курбанова по материалам воспоминаний и архивным документам советского командования. Мы пытаемся дополнить ее по трофейным документам белогвардейского командования, а также белогвардейской печати, особенно из официоза контрреволюционных властей – газеты «Голос Средней Азии».

Для изучения истории большевистского подполья и партизанского движения в Закаспии важным источником являются записки самих участников революционных событий, особенно членов подпольных большевистских организаций. Мы использовали наиболее ценные воспоминания П. В. Васильева, А. А. Мелькумова, И. И. Тимофеева, И. А. Кунаева, С. И. Сунгурова, П. Ф. Панькина, П. Акимова, Г. С. Кадыгроба, М. М. Дулина, И. С. Копьева, Т. Исаева, Г. А. Степкина, Я. П.

Запорожцева, Г. С. Ивлиева, Н. И. Кузнецова, А. Е. Олифера, В. Ф. Данилова, С. Г. Арутюнова, М. С. Мазура, Худанберды Нурали-оглы, Аннадурды Курбандурды, Аширгуль Шагельды-гызы, Ягшымурата Кочмурат-оглы, Ораздурды Атадурды, Хан Ходжа Дурды-оглы, Мередали Гельды-оглы и других.

Автору удалось побеседовать лично со многими участниками революционных событий тех лет и записать их воспоминания. Мы выражаем особую признательность Ивану Васильевичу Бухаренко, Леониду Семеновичу Сунгурову, Василию Николаевичу Бабенко, Михаилу Игнатьевичу Мирошниченко, Аннакули Артыкову, Кизилу Сарыеву, Нурмамеду Клычеву, Михаилу Федоровичу Куплевахскому, Акмамеду Ибрагимову и другим, которые сообщили очень много ценного, помогли глубже изучить сложную, противоречивую обстановку, позиции всех классов и социальных групп общества в годы военной интервенции и гражданской войны.

При работе над монографией большую помощь автору своими дельными советами и замечаниями оказали А. А. Росляков, Ш. Т. Ташлиев, А. В. Головкин, О. К. Кулиев, К. Я. Аннакулиев, М. Языкова, В. Г. Мелькумов, работники Азербайджанского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Х. Г. Везиров и Д. Б. Гулиев. Всем этим товарищам автор выражает свою глубокую благодарность и сердечную признательность.

Глава I
БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В
НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (июль-
декабрь 1918 года)

1. СОЗДАНИЕ ПОДПОЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ГРУПП

Как же разворачивали свою деятельность большевистские организации и группы, зародившиеся в Ашхабаде, Мерве, Красноводске, Казанджике, Кизыл-Арвате и в других районах Закаспия, томившихся в 1918–1919 годах под властью белогвардейцев и английских интервентов?

Прежде чем ответить на этот вопрос, попытаемся дать предысторию контрреволюционного мятежа 11 июля 1918 года, охарактеризовать обстановку, сложившуюся в Закаспии после перехода власти в руки Советов. Это сделает более понятным и ясным ход событий и сложность обстановки после июльского мятежа в Туркменистане [\[8\]](#).

1918 год был очень трудным и сложным для Советского государства. Хотя капиталистический строй пал, победила Октябрьская революция, все же упрочение Советской власти, создание основ новой социалистической экономики проходили в неимоверно тяжелых условиях. Буржуазия и помещики не желали примириться с победой социалистической революции. В. И. Ленин предупреждал, что свергнутые эксплуататоры «после первого серьезного поражения.... с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая»...» ¹

Уже в ноябре 1917 года атаман Дутов со своими бандами, захватив Оренбург, отрезал Туркестанский край от Центральной России; в Коканде была провозглашена буржуазная «автономия» Туркестана, образовано буржуазно-националистическое «правительство» во главе с Чокаевым, Тынышпаевым и другими буржуазными националистами.

Дутовские белоказаки, наступая на самарском, челябинском и ташкентском направлениях, установили связь с контрреволюционным отребьем Средней Азии, и в первую очередь с «Кокандской автономией». По приказу Дутова

выступили против Советской власти казачьи полки, возвращавшиеся через Туркестан с Кавказского фронта и из Хивы. Белоказаки под командованием полковника Зайцева подняли мятеж в Чарджуе и двинулись на Ташкент, захватывая по пути станции, арестовывая советских работников. Активизировалась так называемая армия ислама, предводительствуемая бывшим басмачом Иргашом. «Автономисты» в ночь на 31 января 1917 года попытались захватить Кокандскую крепость. В Закаспий из Каракумов вышла банда тедженских феодалов, возглавленная Эзиз-ханом.

Грозная опасность нависла над Советским Туркестаном.

Коммунистическая партия, Советское правительство во главе с В. И. Лениным предприняли все, чтобы быстрее разгромить дутовщину. 23 января благодаря смелым действиям туркестанских красногвардейцев и рабочих отрядов России был освобожден Оренбург. Дутов с остатками своих разгромленных банд бежал в степь. Красногвардейцы и революционные солдаты Ташкента, Самарканда и городов Закаспия разоружили казачьи части полковника Зайцева,

Еще до разгрома белоказачьих отряды Красной гвардии выбили из Теджена банду Эзиз-хана и разогнали «Кокандскую автономию». «Армия ислама», не пользовавшаяся ни поддержкой, ни сочувствием местного населения Средней Азии, разбитая красногвардейскими отрядами, бежала в горы. В Ашхабаде был разоружен Текинский запасной эскадрон – опора местных националистов, а контрреволюционный «областной мусульманский комитет», выражавший волю феодально-байской верхушки аулов, разбежался.

Советская власть, сломив сопротивление эксплуататорских классов, отразив первые натиски контрреволюционного лагеря, приступила к созданию системы новых административных и судебных органов, а также надежных вооруженных сил. Но хотя уже в первой половине 1918 года Советская власть восторжествовала во всем Туркестане, враждебные силы все же не были сломлены окончательно, еще предстояли кровопролитные схватки с затаившейся контрреволюцией.

Перед славным авангардом рабочего класса – Коммунистической партией – стояли сложные задачи: нужно было до конца разгромить внутреннюю контрреволюцию; создать многомиллионную рабоче-крестьянскую Красную Армию, дисциплинированную, обученную, во главе с преданными Советской власти командирами, военачальниками, политическими комиссарами; изгнать с родной земли интервентов, разбить многочисленные белые армии, кулацкие банды, басмаческие шайки; победить голод, эпидемии, экономическую разруху.

Молодая Советская республика, находясь в огненном кольце врагов, кишела агентами разведок многих капиталистических стран, тайными всех мастей контрреволюционными организациями, терроризировавшими население убийствами, диверсиями, подготавливавшими мятежи. Никогда ни одно правительство не находилось в таком, казалось бы, безвыходном положении. История человечества не знала подобных примеров. Но история человечества не знала, пока не свершилась Октябрьская революция, и такой формы власти, как власть Советов, скрепленная братством рабочих и крестьян, не знала и такой партии, как партия коммунистов, которую возглавили светлые умы России под водительством гения человечества В. И. Ленина.

Защита революции, ее окончательная победа была немыслима без связи с массами трудящихся города и села, без вовлечения в партию наиболее передовых, сознательных представителей трудового населения. С первых дней Советской власти трудящиеся Средней Азии вовлекались в советское строительство. Именно это служило залогом несокрушимости и непобедимости диктатуры пролетариата в бывших колониях царской России, вставшей первой в мировой истории на путь социалистического развития. Новые, нелегкие задачи, вставшие перед партией большевиков и перед Советской властью, вызвали к жизни новые партийные организации и значительное пополнение большевистских рядов.

В первой половине 1918 года в Закаспии действовали шесть большевистских организаций: ашхабадская, чарджуйская, мервекая, красноводская, казанджикская, кизыл-арватская. Небольшие не оформленные в организации группы работали в Кушке и в Байрам-Али. Большевики, работавшие на таких станциях, как Фараб, Джебел и другие, состояли в какой-либо из основных шести организаций. В Северном Туркменистане и в туркменских районах Бухары (за исключением Чарджуя) большевистских организаций не было. В Закаспии не было также ни одной сельской парторганизации.

За этот период большевистские организации значительно окрепли. Росли их ряды. В партию вступали представители местного населения, рабочие и ремесленники восточных национальностей. Вокруг большевистских организаций, проводивших планомерную массово-политическую работу (собрания, доклады для трудящихся на злободневные темы), рос актив, возникали группы сочувствующих Советской власти.

Все большевистские организации Закаспия, печатные органы местных Советов, издававшиеся в Ашхабаде, Чарджуе, Мерве, вели постоянную борьбу с меньшевиками, правыми эсерами, дашнаками, заметно усилили массово-политическую работу, идеологическую пропаганду. Однако на деятельности большевистских организаций Закаспия сильно сказывались политическая неопытность их руководителей, отсутствие единого партийного центра и весьма нерегулярные связи с Центральным Комитетом партии. Не случайны поэтому их крайне слабые связи с туркменским дайханством, а также элементы «объединенчества» с мелкобуржуазными попутчиками – левыми эсерами, гичакистами и т. и. В Кизыл-Арвате, где партийная организация прошла сложный путь, стояла вначале на меньшевистских позициях, важнейшие политические решения принимались на объединенных собраниях большевиков и левых эсеров. В официальных документах советских и партийных органов Закаспия зачастую проводилась ошибочная мысль, будто большевики, левые эсеры, гичакисты (а иногда и анархисты-коллективисты) стоят на одной политической

платформе. В Байрам-Али, к примеру, небольшая группа большевиков во главе с Е. Гераскиным по сути дела растворилась в многочисленной организации левых эсеров. А в Ашхабаде большевистская организация была почти все время связана с гичакистами.

Острой классовой борьбой сопровождалась в Туркестане национализация земли и промышленности, конфискация запасов хлопка и другого сырья. Край, как и вся Советская Россия, напоминал осажденную крепость без хлеба, топлива, продуктов питания. Катастрофически сказывалась сильнейшая засуха 1917 года, погубившая посевы.

В борьбе с Советской властью контрреволюционные буржуазные и феодально-клерикальные элементы не брезговали ничем – использовали и продовольственные затруднения, и отсутствие топлива, и перебои в работе транспорта. Меньшевики и правые эсеры вели антисоветскую агитацию, стремясь оторвать массы от Советской власти, спровоцировать «голодные бунты», свергнуть диктатуру пролетариата. Развернув самую гнусную антибольшевистскую пропаганду, они устраивали всевозможные провокации, призывали к погромам. Так, правоэсеровские лидеры Кизыл-Арвата, пытаясь, с одной стороны, завоевать дешевую репутацию «народолюбцев», а с другой стороны, сорвать снабжение хлебом восточных районов Туркестана, агитировали рабочих отцеплять вагоны с кавказской пшеницей, идущие из Красноводска на восток. Правоэсеровская демагогия оказывала определенное влияние на измученное голодом население.

Мелкобуржуазные контрреволюционеры, не прекращая нападков на Советскую власть, клеветая на политику большевиков, пытались развернуть шумную кампанию протеста против разгона Учредительного собрания, настроить трудящихся против заключения Брестского мира, давшего необходимую для страны передышку. В Закаспии против органов Советской власти, диктатуры пролетариата особенно рьяно выступали эсеры, меньшевики, дашнаки, сохранившие влияние на многочисленное мелкобуржуазное и полупролетарское

население городов, а отчасти и на рабочих-железнодорожников. В результате засилья в городах мелкобуржуазных элементов некоторые местные Советы, как, например, Ашхабадский и Кизыл-Арватский, были захвачены меньшевиками и правыми эсерами и фактически перестали существовать как органы диктатуры пролетариата.

Враги, спекулируя на экономических и политических трудностях, под ширмой «беспартийных» сумели провести в областной Совнарком двух своих представителей. Правые эсеры и меньшевики, поддерживаемые буржуазными националистами и феодально-байской верхушкой аулов, рассчитывали на свержение Советской власти при первом же удобном случае. Контрреволюционеры Кизыл-Арвата на общегородском митинге протащили резолюцию о передаче власти Учредительному собранию. Ставленники туркменских феодалов Ораз Сердар и Эзиз-хан, развернув широкую антисоветскую кампанию, стали требовать от дайхан уплаты налогов им, а не советским органам. В Байрам-Али контрреволюционеры пытались силой оружия свергнуть Советскую власть. В городах Закаспия создавались полулегальные заговорщические организации контрреволюционного офицерства и чиновничества. Областной Совнарком не принимал против контрреволюционных сил никаких мер – его состав был засорен соглашателями, замаскированными врагами Советской власти.

Большевики Туркестана дали отпор контрреволюционным силам. Революционные рабочие решительно выступили против происков враждебных сил. Партийные организации Туркестана, отстаивая диктатуру пролетариата против мелкобуржуазной стихии, повели борьбу за упрочение союза победившего пролетариата России с освобожденными Октябрем пародами Средней Азии.

Чтобы отстоять завоевания Октябрьской революции, необходимо было установление советской автономии Туркестана и значительно более широкое привлечение местных трудящихся к управлению краем. В тот момент это было главным звеном в борьбе за упрочение диктатуры пролетариата.

30 апреля 1918 года V краевой съезд Советов принял историческое постановление об образовании Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики. Этим знаменательным актом было положено начало национальной советской государственности народов Туркестана, закрепились величайшие завоевания социалистической революции в крае. Образование республики означало, что народы Советского Туркестана на равных правах входили в семью народов Российской Федерации. Тем самым был нанесен сокрушительный удар по коварным планам отторжения Туркестана от Советской России, которые вынашивали буржуазные националисты, а также империалисты Англии и Америки. Провозглашение автономии Туркестана явилось убедительным свидетельством успеха ленинской национальной политики большевистской партии.

13 мая 1918 года VII съезд Советов Закаспийской области, выражая волю трудящихся, вынес постановление о роспуске Ашхабадского и Кизыл-Арватского Советов и передал их власть ревкомам, которые возглавили большевики. Съезд вывел также соглашателей и замаскированных контрреволюционеров из областного Совнаркома и обязал его укреплять диктатуру пролетариата, бороться против контрреволюции. Однако многие Советы все же были сильно засорены враждебными элементами. Политическая обстановка в Закаспийской области оставалась крайне напряженной.

Провозглашение советской автономии и последовательный курс правительства Туркестанской республики на укрепление дружбы народов, на вовлечение широчайших слоев коренного населения в советское строительство похоронили надежды контрреволюции на возвращение к власти путем захвата Советов изнутри. Теперь враждебные силы, учитывая, что к лету 1918 года победа Октябрьской революции в Туркестане не была еще окончательно закреплена, делали ставку на подготовку мятежей с помощью иностранных штыков, прежде всего английских.

Английский империализм, придававший большое значение захвату Советского Туркестана, одного из форпостов социалистической революции на Востоке, играл главную роль в организации военной интервенции. Туркестан в планах иностранной военной интервенции занимал особое место, так как по своему географическому положению он являлся как бы мостом, соединяющим социалистическую Россию с угнетенными странами Востока. Британский империализм всячески стремился изолировать их от революционной России.

Еще в начале 1918 года в Мешхеде (Иран) была создана специальная английская военная миссия во главе с известным разведчиком генералом Маллесоном. Весной того же года в Туркестан под предлогом «оказания помощи» прибыла так называемая военно-дипломатическая миссия, возглавляемая подполковником Ф. М. Бейли [\[9\]](#). В ее составе был также американский консул Тредуэлл². На «благодарения» заморские гости не поскупились – создали в Ташкенте контрреволюционную «Туркестанскую военную организацию» с отделениями в Ашхабаде, Коканде, Самарканде, Фергане, Андижане и других городах; возглавил ее царский генерал, бывший шеф жандармов Джунковский. В эту организацию вошли белые офицеры, русская и местная буржуазия, меньшевики, правые эсеры, главари феодально-байской верхушки аулов.

В июне 1918 года контрреволюционеры Закаспия, вдохновляемые английской разведкой и «Туркестанской военной организацией», пытаются свергнуть Советскую власть. В качестве провокационного предлога они использовали приказ Военного комиссариата Туркестанской республики о регистрации мужского населения в возрасте от 18 до 35 лет. Правые эсеры стали агитировать собравшихся на регистрацию не выполнять приказа и предприняли попытку поднять контрреволюционный мятеж. Провокация эсеров сорвалась: их выступление было подавлено рабочими и красногвардейцами³. Ашхабадский ревком, в большинстве своем состоявший из левых

эсеров и гичакистов, занял трусливую позицию, повел переговоры с правыми эсерами и согласился с решением «примирительной комиссии» отменить регистрацию населения.

20 июня 1918 года Туркестанский Совнарком и ЦИК для расследования причин происшедших событий послали в Ашхабад специальную комиссию во главе с чрезвычайным комиссаром коммунистом Андреем Фроловым, председателем Самаркандского Совета, человеком твердым, решительным, беспощадным к врагам революции. Прибыв в Ашхабад с небольшим отрядом 24 июня, Фролов объявил город па осадном положении, отменил решение так называемой примирительной комиссии, распустил соглашательский Совет, издал приказ об обязательной сдаче оружия населением, перевел из Ашхабада в Ташкент управление Среднеазиатской железной дороги (это учреждение по сути дела превратилось в сильный контрреволюционный эсерово-меньшевистский центр). Чтобы изгнать чуждые элементы, А. И. Фролов предложил провести новые выборы в Ашхабадский и Кизыл-Арватский Советы.

Посланец Туркестанского Совнаркома, решительно пресекая действия контрреволюционеров, все же не сумел глубоко разобраться в сложной политической ситуации, разгадать коварные замыслы правых эсеров. А враги не дремали. Они предприняли все меры, чтобы про-вести в новый состав Советов своих сторонников⁴.

Еще раньше представитель правых эсеров Закаспия граф А. Доррер выезжал к генералу Маллесону в Мешхед, где они наметили планы контрреволюционного мятежа, захвата власти в области. Из Ташкента в Ашхабад немедленно прибыли эмиссары «Туркестанской военной организации» и вкуче с английскими агентами и эсерами сколотили «союз фронтовиков»— тайные боевые отряды контрреволюционеров⁵.

А. И. Фролов, узнав, что правые эсеры Кизыл-Арвата саботируют его распоряжение о перевыборах местного Совета, в начале июля выехал туда со своим отрядом. Эсеры Фунтиков, Доррер, Немцов, Дохов и другие оставшиеся па свободе

руководители июньского мятежа, воспользовавшись отъездом отряда А. И. Фролова и многих ответственных работников области, немедленно подняли новый контрреволюционный мятеж. Они перерезали связь с Кизыл-Арватом, предварительно предупредив тамошних эсеров о приезде Фролова с отрядом, вслед за которым выслали эшелон вооруженных эсеров.

12 июля отряд Фролова был захвачен в Кизыл-Арвате врасплох и после неравного боя с превосходящими силами белогвардейцев пал геройской смертью. Вместе с Фроловым и его красногвардейцами погибли члены Кизыл-Арватского ревкома Дианов, Губкин, Будников, Бабкин, Жданов и другие; среди них многие были большевиками.

12 июля 1918 года после ожесточенных боев Советская власть пала и в Ашхабаде⁶.

Положение было тревожным по всей стране. Туркестан трижды отделялся от Советской России фронтами гражданской войны.

Империалисты Антанты, обеспокоенные тем, что революционный выход Советской России из войны может послужить примером для трудящихся капиталистических стран, что идеи мира овладеют умами их солдат и они повернут штыки против своих угнетателей, перешли к открытой военной интервенции. При поддержке внутренних контрреволюционных сил в марте 1918 года англо-французские интервенты захватили Мурманск, что было началом оккупации Мурманского края, в апреле того же года японское командование высадило во Владивостоке свои войска. В один день с ними высадилась и английская морская пехота. Немецкие войска оккупировали Украину, заняли Крым, вторглись в пределы Донской области и стали наступать на Кавказ. 8 мая немцы и белоказаки захватили Ростов-на-Дону. В конце мая вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, которому при активной помощи местной белогвардейщины, эсеров и меньшевиков удалось свергнуть Советы в ряде городов. Мятежники захватили огромную территорию: Сибирь, часть Урала и Поволжья. В конце 1918

года численность войск интервентов, оккупировавших Сибирь и Дальний Восток, превышала 150 тысяч человек. Одновременно началась интервенция и в юго-восточной части страны. Вооруженные отряды англичан вторглись в Туркестан и в Закавказье. 31 июля пала Советская власть в Баку⁷.

15 июля 1918 года председатель Совнаркома Туркестанской республики Ф. И. Колесов сообщал В. И. Ленину радиограммой: «Туркестанская республика во враждебных тисках. Фронты Оренбург – Асхабад – Верный. Атмосфера накалена. Рабочие массы спровоцированы...

В Асхабаде восстание приняло грандиозные размеры; захвачены военные склады, правительственные учреждения. По линии железной дороги рассылаются провокационные телеграммы с призывом к свержению власти... Послана чрезвычайная делегация, о судьбе которой не осведомлены. Сегодня прервано сообщение с Верным. Ташкент отрезан.

В момент смертельной опасности жаждем слышать Ваш голос. Ждем поддержки деньгами, снарядами, оружием и войсками. Сообщите о положении власти в российском масштабе, особенно Юга, Юго-Востока и Сибири. Информировать о судьбах наших делегаций в Москву. В каком положении чехословацкое движение? Что предпринято для ликвидации оренбургских событий?»⁸

На эту радиограмму 17 июля В. И. Ленин от имени Советского правительства ответил: «Принимаем все возможные меры, чтобы помочь вам. Посылаем полк.

Против чехословаков принимаем энергичные меры и не сомневаемся, что раздавим их. Не предавайтесь отчаянию, старайтесь изо всех сил связаться постоянной и прочной связью с Красноводском и Баку»⁹.

Вскоре, 23 июля, В. И. Ленин, обеспокоенный создавшимся положением, шлет в Совнарком Туркестанской республики запрос: «Сообщите о политическом и экономическом положении Ташкента и Туркестанского края. Необходимо регулярно информировать – Москва, Совнарком»¹⁰.

Несмотря на тяжелое положение молодой Советской республики – голод в Питере и Москве, экономическая разруха, вражеская блокада, Россия посылала в Туркестан оружие, боеприпасы, хлеб, медикаменты, отряды добровольцев-коммунаров. В августе 1918 года Советское правительство направило на Каспий военные суда для борьбы с интервентами.

Июльские дни 1918 года были самыми тяжелыми для советских пародов Средней Азии. Почти все города Закаспия – Ашхабад, Красноводск, Кизыл-Арват, Мерв – были захвачены контрреволюционными мятежниками.

Мятеж в Закаспии – звено общей цепи выступлений контрреволюционных сил, стремившихся соединиться в единое кольцо фронтов и задушить Советскую власть.

Закаспийские контрреволюционеры – правые эсеры, меньшевики, феодально-байская верхушка аулов – пришли к власти по трупам многих честных советских людей. Так называемый Временный исполнительный комитет Закаспийской области, возглавленный правым эсером Ф. А. Фунтиковым, установил в Туркмении режим террора и произвола. Враги стремились прежде всего расправиться с большевиками, советскими работниками, сознательными рабочими и даже с членами мелкобуржуазных партий, если они сочувствовали Советской власти, поддерживали ее мероприятия. Мятежники злодейски убили народного комиссара труда Туркестанской республики П. Г. Полторацкого, комиссара А. И. Фролова и многих других верных сынов партии и парода. Среди них были девять советских работников и командиров Красной Армии, которые вошли в историю как девять ашхабадских комиссаров.

В первые дни мятежа был схвачен член Ашхабадского Совета Иван Андреевич Кукаев, работавший весовщиком на железнодорожной станции [\[10\]](#). Товарищи по партии, зная его популярность среди рабочих, хорошо понимали, какая судьба ожидает этого большевика, если вовремя не прийти ему на помощь. Воспользовавшись возбуждением среди железнодорожников, вызванным арестами, большевики С. И.

Сунгуров, Е. А. Олифер и С. Ф. Щеглов от имени союза служащих станции написали прошение о выдаче И. А. Кукаева на поруки. Белогвардейские власти, на первых порах заигрывавшие с железнодорожниками, представлявшими внушительную силу в Закаспии, то ли с каким-то умыслом, то ли по ошибке освободили арестованного¹¹.

Правый эсер Фунтиков, лично знавший И. Кукаева как члена исполкома Ашхабадского Совета, спохватился было, но поздно. Кукаев скрылся в подполье и настолько искусно, что его так и не разыскали. Вместе с другими товарищами он скрывался в доме машиниста Павла Андреевича Морозова¹².

Начальник города Ашхабада Худоложкин, бывший контрабандист, промышлявший преступной торговлей опиумом, докладывал белогвардейскому Закаспийскому правительству: «Мне сообщили, что Кукаев (Комтруд) уже не проживает у себя на квартире и есть сведения, что он выехал в Астрахань. Наблюдения за его квартирой первый факт подтвердили, второй – о его выезде – еще не установлен»¹³.

Расстрел ашхабадских комиссаров

Оставшиеся на свободе большевики, естественно, были обеспокоены судьбой арестованных комиссаров: многие из них являлись членами Закаспийского Совнаркома. 20 июля 1918 года большевики, собравшись на свое первое подпольное собрание, разработали детальный план освобождения арестованных комиссаров. Большие надежды они возлагали на заседания суда, где собирались выступить в их защиту, а в случае необходимости организовать в помещении суда панику, напасть на конвой и силой отбить арестованных¹⁴. Для спасения комиссаров подпольщики предполагали также развернуть широкую политическую борьбу – использовать рабочие собрания, профсоюзы и другие массовые организации, чтобы разоблачить контрреволюционеров, потребовать немедленного освобождения арестованных. По всей вероятности, сказалась неопытность ашхабадских большевиков, наивно предполагавших, что мятежники будут проводить какое-то расследование, судить комиссаров открытым судом, где можно было бы выступить в их защиту и создать какое-то общественное мнение о произволе властей.

Яков Ефимович Житников

Планам патриотов не было суждено сбыться. В ночь на 23 июля 1918 года белогвардейцы под предводительством Фунтикова и Гаудица^[11] неподалеку от станции Аннау тайком расстреляли девять ашхабадских комиссаров. Два месяца спустя руками этих же палачей будут убиты 26 бакинских комиссаров. Но эти расстрелы не разрушили большевистское подполье, наоборот, разожгли пламя патриотической борьбы.

Виссарион Телия

Кто же они, те девять советских патриотов, которых так боялась свора белогвардейских палачей и их покровители-интервенты?

Яков Ефимович Житников – комиссар продовольствия, участник первой русской революции, опытный революционер, по профессии шапочник-кустарь. Приветствуя свержение самодержавия, Житников говорил, что революция не кончилась, она только началась. С установлением Советской власти в Закаспийской области Яков Ефимович стал народным комиссаром. Наркомпрод Житников – гроза спекулянтов, торговцев и богатеев. Насколько велико было к нему уважение трудящихся, настолько же сильна была ненависть врагов революции.

Обязанности председателя Закаспийского Совнаркома исполнял грузин Виссарион Тадиозович Телия, тоже активный

участник революции 1905–1907 годов, паровозный машинист из Кушки. В мае 1918 года рабочие и солдаты делегировали его на областной съезд Советов, где он и был избран главой правительства.

Сергей Михайлович Молибожко

Самым молодым членом Закаспийского Совнаркома был белорус Сергей Михайлович Молибожко, бывший прапорщик, в сентябре 1917 года избранный солдатами председателем полкового комитета. В декабре того же года он становится председателем Ашхабадского городского Совета, а в мае 1918-го – комиссаром по военным делам. С его именем связано создание первых туркменских красноармейских отрядов.

Николай Иванович Розанов – комиссар финансов и по иностранным делам, юрист, превосходный оратор, пользовался большим влиянием среди демократической части

интеллигенции. Под его руководством была проведена национализация банков.

Василий Батминов... Мы очень мало знаем об этом замечательном человеке. Неизвестно его отчество, не найдены фотографии, нет сведений о том, откуда он приехал в Ашхабад. Но то, что известно, свидетельствует о Василии Батминове как человеке исключительном: типографский рабочий (в Ашхабаде он организовал выпуск большевистских «Известий» – сам набирал, верстал, редактировал и печатал), фронтовой солдат, большевик, председатель Ревкома. После ареста на вопрос белогвардейского следователя о партийной принадлежности Батминов гордо ответил: «Я большевик и большевиком умру!»

Николай Иванович Розанов

Ашхабадец Петр Петросов, армянин, командир Красной Армии.

Остальные из девяти не были ашхабадцами, в Закаспии находились проездом, схвачены белогвардейцами в поездах: это

Андрей Алексеевич Хренов – бакинский большевик, типографский рабочий, и Даниил Богданович Колостов – уралец, бывший учитель, в июне 1918 года он командовал Бузулукским фронтом; вместе с ним был арестован Смелянский. Предполагается, что это адъютант Колостова, но документальных данных об этом нет¹⁵.

Петр Петросов

На другой день по Ашхабаду поползли противоречивые слухи: «Комиссаров увезли в Индию»... «Комиссаров расстреляли...» Большевики, узнав правду о кровавом злодеянии, выпустили воззвание, в котором разоблачали закаспийскую белогвардейщину, расстрелявшую комиссаров, призывали восстать против тех, кто именем народа вершит за его спиной черные дела. Печатники Ашхабада в ответ на расправу над комиссарами объявили однодневную забастовку. Негласные собрания прошли в депо и вагонном цехе. По

инициативе большевиков в городе был созван митинг, на котором рабочие потребовали объяснения, почему расстреляны комиссары, кто посмел поднять на них руку. На митинге с демагогической речью выступил Фунтиков. Он заявил, что завтра, мол, местная печать подробно проинформирует о причинах расстрела, назовет имена тех, кто решил судьбу комиссаров. Глава белогвардейского правительства, явно обманывая рабочих, оттягивал время чтобы сгладить впечатление от трагедии, успокоить возмущенных людей¹⁶. И надо сказать, что Фунтикову удалось смазать остроту вопроса.

Андрей Алексеевич Хренов

Первые выступления рабочих пока носили стихийный характер: ведь еще не было единой организации, способной направить это движение по нужному руслу. Да и контрреволюция не дремала, искусно лавируя, то прибегая к кнуту, то суля обманутым трудящимся пряник.

Подробности расправы над девятью ашхабадскими комиссарами, имена истинных виновников их гибели не дошли до широких масс Закаспия. Подпольные группы Ашхабада не смогли до конца разоблачить преступную роль эсеров-белогвардейских лидеров в свершившемся злодеянии, не смогли, как это сделал Бакинский комитет партии большевиков, отмечая полугодовщину со дня гибели 26 бакинских комиссаров, всколыхнуть рабочие районы, раскрыть правду о преступлении.

Даниил Богданович Колостов

Бакинские большевики через свои легальные организации объявили 20 марта 1919 года днем траура, провели однодневную забастовку, массовую демонстрацию, митинги, собрания, выпустили воззвания, посвященные памяти погибших коммунаров, изобличающие звериное нутро английских

интервентов и их азербайджанских и закаспийских подручных
17.

Напротив, большевистское подполье Закаспия на первых порах в силу своей неопытности, малочисленности и организационной раздробленности не смогло в полной мере приковать внимание трудящихся к факту убийства девяти комиссаров, разоблачить продажность марионеточного правительства Фунтикова, сплотить рабочие массы, разъяснить им ближайшие задачи борьбы с внутренней контрреволюцией. Зрелость, опыт, гибкость, умение сочетать все формы организационно-партийной работы придут со временем, когда большевики пройдут сквозь горнило испытаний и борьбы. Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что белогвардейское правительство довольно ловко проводило демагогическую тактику лавирования и заигрывания с трудящимися, чем дезориентировало отсталую часть населения области.

И. А. Кукаев

Днем рождения большевистского подполья Ашхабада можно считать 25 июля 1918 года, когда группа большевиков собралась на конспиративной квартире, чтобы избрать комитет подпольной большевистской организации и разработать план ее работы. В «Очерках истории Коммунистической партии Туркменистана» указано, что в состав комитета вошли И. Л. Кукаев (председатель), С. Г. Арутюнов, И. Ф. Панькин, И. Р. Зотов и Г. С. Кадыгроб¹⁸.

Старые большевики М. Н. Андронов, С. И. Сунгуров и С. Ф. Щеглов в своих воспоминаниях приводят фамилии членов подпольного комитета в несколько ином составе: И. А. Кунаев, С. Г. Арутюнов и Т. Ф. Ивлиев¹⁹.

Заслуживает также внимания еще один архивный документ. Председатель ревкома Г. Е. Окунев 2 сентября 1919 года в своей докладной записке VIII съезду Советов Туркестанской республики, описывая политическую жизнь освобожденного Ашхабада, сообщал, что из 33 прошедших регистрацию членов Российской коммунистической партии (большевиков) 23 имели билеты, выданные городской подпольной организацией. Далее, перечисляя членов вновь избранного Полторацкого комитета партии, он называет Кулешова как бывшего председателя подпольной организации²⁰.

У нас нет оснований сомневаться в достоверности всех приведенных документов. Чем же тогда объяснить столь разноречивые сведения о руководящем составе Ашхабадской подпольной организации большевиков? Вероятнее всего, по нашему мнению, в течение почти целого года, пока большевики находились на нелегальном положении, их руководящий орган переизбирался, возможно, и не один раз, а протоколы или не велись, или не сохранились по вполне понятным причинам.

В дальнейшем, с 19 сентября 1919 года, документы Полторацкого комитета РКП (б) И. А. Кукаев подписывал как «товарищ председателя» (кстати, на одном из них имеется

резолуция заведующего политотделом Реввоенсовета В. В. Малькова) ²¹.

Итак, то, что И. А. Кукаев действительно являлся руководителем подпольной организации, – факт бесспорный. Об этом свидетельствуют и воспоминания многих известных ветеранов партии, участников большевистского подполья и гражданской войны в Закаспии.

Избранный комитет подпольной организации наметил конкретный план работы: систематическое издание листовок, прокламаций, изобличающих контрреволюционную сущность переворота; вовлечение в подполье передовых, сочувствующих Советской власти рабочих и сознательных дайхан; укрепление связи с рабочими, дайханами и солдатскими массами в тылу и на фронте; создание большевистских подпольных организаций в других городах области и установление связи с большевистскими организациями вне Закаспия; использование всех форм массово-политической работы для разложения белогвардейской армии; саботирование всех мероприятий, проводимых контрреволюционными властями²².

Большевистское подполье до избрания комитета состояло из небольших самостоятельно возникших ячеек и групп. С созданием комитета, судя по воспоминаниям И. И. Тимофеева, освобожденного из тюрьмы большевистской организацией, подпольщики в целях конспирации были разбиты на отдельные группы по 4–6 человек. В отличие от первоначальных разрозненных ячеек эти группы «начали свою партийную деятельность... по инструкции старых партийных товарищей»²³.

Членам подпольной организации были вручены билеты [\[12\]](#), которые подписали Ястребов и Орел (Ястребов – партийный псевдоним И. Л. Кукаева, это фамилия его друга юности И. Ястребова), даны подпольные псевдонимы и личные номера. Ежемесячно они вносили по 25 рублей членских взносов. Комитет поручил отдельным подпольщикам изыскать дополнительные средства для партийных нужд, а также для

оказания материальной помощи скрывающимся от ареста товарищам и их семьям²⁴.

Большевистские организации и группы возникли также в Красноводске, Казанджике, Кизыл-Арвате, Мерве, Кушке и других районах Закаспия²⁵.

По всем правилам конспирации создали подпольную организацию казанджикские большевики. Местом встреч и явок они избрали дом бывшего священника П. В. Васильева (партийный псевдоним Старый Закаспиец), стоявший в саду напротив вокзала. Здесь на первом же собрании избрали «конспиративный комитет» из одиннадцати человек. Комитет избрал бюро из трех человек, которое должно было хранить переписку (к сожалению, документы не сохранились, их сожгли сами члены бюро, когда начались обыски и аресты), созывать заседания комитета, заслушивать отчеты подпольщиков о проделанной работе.

Большевики продумали и организационную структуру подполья: каждый член комитета объединял не менее пяти членов подпольной организации, которые в свою очередь поддерживали связи с группами рабочих или служащих, сочувствующих Советской власти. Члены групп не знали имена членов комитета [\[13\]](#).

Комитет решил также связаться с подпольными организациями Красноводска, Джебела, Кизыл-Арвата, Мерва, Ашхабада и другими. В частности, установить связь с Кизыл-Арватом и Джебелом поручили П. В. Васильеву, Данилову, Н. Кузнецову, Куликову, М. Кири-люку; с Ашхабадом – Е. Ф. Пашетных, Тихонову и Рылову²⁶.

После массовых арестов остатки разрозненных сил собрали и большевики Красноводска. П. Бешапочный, Д. Ионычев, Я. Андронов и другие, создав подпольную организацию, установили связь с портовыми рабочими, наметили срывать мероприятия белогвардейского «стачкома» [\[14\]](#), добиваться освобождения арестованных²⁷.

Инициативу организации подпольной группы в Мерве взял на себя коммунист Сазонов. В нее вошли слесари Москаев, Дунин и другие. Группа охватила своим влиянием гарнизон в Байрам-Али, через машиниста М. Телия (брата расстрелянного белогвардейцами Виссариона Телия, председателя областного Совнаркома) установила связь с подпольем Кушки²⁸.

С падением Кушкинской крепости борьба с врагом там не прекратилась. 28 железнодорожных рабочих во главе с коммунистом, председателем местного Совета А. Н. Зайцевым, литейщиком депо И. М. Карандой, печником И. Н. Цибизовым и другими ушли в подполье. Скрываться в маленькой Кушке было невозможно, своим убежищем подпольщики избрали горы²⁹.

Нелегкая задача выпала на долю подпольной организации Закаспия. Сказывалось и отсутствие областного партийного центра, и оторванность от Москвы, от ЦК РКП (б) и даже от Ташкента, откуда можно было бы получать советы и указания по организации партийной работы и революционной борьбы.

Территориальная удаленность Туркестана, особенно его самого глухого уголка – Закаспийской области, обусловила громадные трудности для проведения политической работы на захваченной врагом территории. В отличие от большевистского подполья Сибири, Урала, Дальнего Востока, Украины, возглавленного закаленными большевиками, имевшими связи и постоянную помощь со стороны ЦК РКП (б), Туркестан, особенно Закаспий, отрезанный фронтами от Российской Советской республики, не имел прямых контактов с Москвой³⁰.

Трудностей в организации партийно-политической работы и борьбе большевистского подполья с врагами было немало. Отметим, на наш взгляд, самые основные.

Во-первых, острый недостаток в испытанных партийных кадрах. Лишь немногие руководители большевистского подполья имели опыт советской и партийной работы. И. Л. Кукаев и С. Г. Арутюнов работали в первом ревкоме Ашхабада, по только Арутюнов – в прошлом бакинский рабочий – прошел выучку в среде революционного бакинского пролетариата (в

1906 году работал в подпольной группе С. Г. Шаумяна)³¹. А П. Ф. Панькин, И. Р. Зотов и Г. С. Кадыгроб, рабочие, паровозные машинисты, горячо ненавидевшие врага, решительно поддерживавшие политику Коммунистической партии и Советской власти, никакого опыта партийной работы не имели. К концу 1917 года большевистская организация Ашхабада насчитывала 20–30 членов партии. Правда, до середины 1918 года, то есть до контрреволюционного переворота, она пополнилась революционными солдатами и рабочими. Но и они не имели опыта партийно-политической работы и были очень слабо подготовлены теоретически³².

Белогвардейский террор вырвал из рядов и без того малочисленной большевистской организации наиболее опытных ее руководителей, многие были арестованы, сосланы или ушли от преследования за линию фронта.

Среди подпольщиков почти не осталось опытных конспираторов, прошедших школу подполья при царизме, знавших сложную технику партийного дела – умевших наладить связи, организовать места явок, печатание прокламаций, доставку нелегальной литературы и т. д.

Во-вторых, отсутствие сколько-нибудь значительных промышленных центров и, как следствие, крайняя малочисленность пролетариата, разбросанного по полукустарным предприятиям. Туркменистан, как известно, принадлежал к числу тех окраин царской империи, которые не успели пройти капиталистического развития. Национального пролетариата, как и национальной буржуазии, здесь почти не было – эти классы в туркменском обществе еще только зарождались. Городской пролетариат был очень слабо связан с туркменским дайханством. Мелкобуржуазная стихия в здешних городах вследствие преобладания кустарного производства была много сильнее, чем в городах Центральной России.

В-третьих, классовое сознание местного крестьянства только еще пробуждалось. В аулах господствовали феодально-патриархальные отношения, культивировались национальная

рознь и межплеменная вражда, оставшиеся в наследство от недавнего прошлого и колонизаторской политики царских администраторов. Феодалнобайские круги, воспользовавшись тем, что население на первых порах оказывало белогвардейским властям лишь пассивное сопротивление, сколотили из обманутых дай-хан вооруженные отряды и превратили их в активную силу, выступившую против Советской власти.

В-четвертых, эсеров-белогвардейское правительство Фунтикова, заигрывая с трудящимися массами, маскируясь псевдореволюционными фразами, некоторое время пользовалось поддержкой многих рабочих. Чтобы добиться расположения масс, эсеровская партия ввела во Временный исполком представителей пролетарских организаций, то есть железнодорожных рабочих, профсоюзов. В правительстве они, конечно, числились формально, всеми делами вершили Фунтиков и его приближенные.

Эсеры, зная отношение рабочих к Советской власти, широко прибегали к демагогическим приемам. Так, поначалу они заявляли: «Мы не против Советов и не против большевиков, но против отдельных недостойных личностей». Вскоре лозунг сменится: «За Советы, но против большевиков». На самом же деле, писал Фунтиков: «Лозунг выступления... Туркестанское учредительное собрание, а затем – Всероссийское учредительное собрание»³³.

А пока многие трудящиеся питали доверие к новоиспеченному правительству, строили несбыточные иллюзии. Участник гражданской войны в Закаспии А. А. Макаров, работавший тогда в Чарджуе, вспоминал: «Меньшевики и правые эсеры, также входившие в Совет, требовали безоговорочно признать «правительство», созданное мятежниками в Ашхабаде. Говорили, что правительство это якобы «рабочее» и возглавляет его ашхабадский машинист Фунтиков. Мы, чарджуйские рабочие, решительно осуждали контрреволюционный мятеж; в то же время как-то не верилось:

неужели рабочие-железнодорожники подняли руку на Советы?»

34.

Конечно, широкие слои рабочих не знали истинного лица Фунтикова и всех пришедших вкупе с ним к власти. Фунтиков, по профессии слесарь, затем машинист паровоза, имел свою мастерскую с наемными рабочими. С целью наживы ездил в Иран, спекулировал и, околачиваясь в среде купечества, естественно, деклассировался. Глава и остальные члены белогвардейского правительства оказались дутыми фигурами, иудушками, предавшими интересы рабочего класса за тридцать сребреников.

Вот что писал 4 ноября 1918 года Деникину небезызвестный генерал Е. Джунковский^[15] о Временном исполнительном комитете (эсеро-белогвардейском правительстве Закаспийской области): «Влияние на Комитет, несмотря на его довольно пестрый состав, было установлено. Употреблен был старый способ: партии с-р-ов (центр), к которой принадлежит сам председатель Фунтиков, совершенно секретно была дана некоторая сумма в безотчетное распоряжение. Так как партия располагала несколькими лицами решительного склада, составляющими террористическую группу (Седых – тип совершенно каторжный и др.), то результаты такой поддержки скоро сказались: были расстреляны 15 советских комиссаров без суда и следствия, на что Комитет, конечно, не пошел бы»³⁵.

Большевистским подпольным организациям Закаспия предстояла весьма сложная задача – сорвать маску с продажных правителей: в Ашхабаде – с Фунтикова и ему подобных, в Красноводске – с так называемого «стачкома», возглавляемого бывшим цирковым борцом садистом Куном^[16], и т. д. Надо было подорвать к ним доверие, раскрыть рабочим, солдатам и местному населению правду о сущности контрреволюционного переворота, объяснить, что несет простому люду власть эсеров, меньшевиков и белогвардейцев, державшаяся на штыках интервентов.

И наконец, в-пятых, оккупация английскими войсками территории Закаспия фактически означала политическое и экономическое закабаление области. Интервенты во главе с генералом В. Маллесоном [\[17\]](#) поставили под свой контроль белогвардейское правительство, введя туда своего платного агента С. Дружкина [\[18\]](#). Они захватили средства связи, железнодорожный и морской транспорт, запретили митинги, собрания, забастовки, контролировали все Каспийское море, словом, распоряжались в Закаспии как в собственной колонии.

Английские оккупанты, прибрав к рукам всю экономику Закаспия, грабили и эксплуатировали трудящихся. По 12 и более часов длился рабочий день. Аресты и расстрелы стали обычным явлением. Такой же режим они установили и в соседнем Азербайджане.

Английский империализм, напуганный Октябрьской революцией, занял в отношении Советской России враждебную позицию. Военный министр Англии Черчилль, писал В. И. Ленин, «уже несколько лет употребляет все средства... чтобы поддерживать всех белогвардейцев против России, чтобы снабжать их военным снаряжением. Это – величайший ненавистник Советской России...» ³⁶.

Интервенты хотели «задушить большевизм в колыбели», как выразился некогда Черчилль. Вместе с тем под предлогом обороны своих владений в Индии, которым никто не угрожал, и защиты британских интересов в Иране и Афганистане интервенты, укрепившись в Закаспийской области, намеревались завладеть всем Русским Туркестаном. Это понимали даже белогвардейские чиновники, обеспокоенные непомерно возросшими хищническими аппетитами английского командования ³⁷.

Группа подпольщиков Ашхабада. Слева направо сидят: Мелькумов, Арутюнов, Кунаев, Зотов, Сунгуров. Стоят: Степанов, Васильев, Царегородцев, Панькин, Кукаева, Симонова.

1919 год

«У каждой палки два конца» – излюбленная поговорка англичан. Беззастенчивый грабеж, режим террора, установленный интервентами, и холуйская политика эсербелогвардейского правительства создали для населения Закаспия невыносимое положение. Народ прозревал; обманутые рабочие, осознав свою роковую ошибку, рвали с контрреволюционным лагерем; росло недовольство и возмущение масс, нередко перераставшие в открытые революционные выступления.

В такой сложной обстановке подпольные большевистские организации, преследуемые контрреволюционным

правительством, начинали свою деятельность, спланировали вокруг себя рабочих, местное население, налаживали организационно-партийную работу.

Контрреволюция могла где-то временно свергнуть власть Советов, но никакие силы не в состоянии были уничтожить до конца большевистские организации, свести на нет их влияние среди трудящихся. Лучшие сыны и дочери народа – коммунисты, оставшиеся в тылу врага, действовали на родной земле. Уходя в подполье, они лишь меняли формы работы в массах, но сохраняли главное и решающее – сочувствие и поддержку пролетарских слоев населения.

Коммунистическая партия одной из своих главных задач считала политическую работу среди трудящихся на захваченной врагом территории. 15 сентября 1918 года ЦК РКП (б) созвал в Москве совещание коммунистических организаций Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши и Финляндии, чтобы объединить усилия коммунистов на всей территории, захваченной немецкими оккупантами. Совещание избрало Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных районов. С членами бюро беседовал В. И. Ленин. Он подчеркнул необходимость усиления агитации в немецких войсках, указал на неизбежность краха оккупации.

19—24 октября в Москве состоялась Первая конференция коммунистических организаций оккупированных местностей, которая выработала тактику деятельности на территории, захваченной врагом, обсудила вопрос о вооруженном восстании, признала делом первостепенной важности революционную агитацию среди войск интервентов³⁸.

Всюду, где находились войска интервентов, – на юге Украины, на севере России, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Закаспии и Закавказье – партия развернула большую разъяснительную работу среди иностранных солдат и матросов. Коммунисты пропагандировали антиимпериалистические идеи, организовывали движение с требованием вывода иностранных войск с советской территории. Подпольщики распространяли в

войсках Антанты газеты, брошюры, листовки, в которых печатались речи Ленина, мирные предложения Советского правительства государствам Антанты, освещалась жизнь в советском тылу.

Эффективность коммунистической пропаганды среди иностранных солдат признавали и сами интервенты. Так, под влиянием революционной пропаганды и из чувства пролетарской солидарности в апреле 1919 года французские моряки подняли восстание на Черном море. На сторону Красной Армии переходили английские и американские солдаты. С красноармейцами братались многие подразделения интервенционистских войск, в своих братьев по классу отказывались стрелять французские солдаты. Английское командование информировало парламент о том, что моральный дух английских солдат настолько низок, что они склонны к мятежу, и в том, мол, повинна «активная и хитрая большевистская пропаганда»³⁹.

Как известно, империалисты США, Англии, Франции и других стран, лелеявшие мечту задушить Советскую республику, потерпели поражение, так как наряду с героическим отпором Красной Армии интервентам Коммунистическая партия сумела довести до сознания всех трудящихся великие цели Октябрьской революции, сумела разжечь освободительную борьбу в тылу врага и раскрыть глаза иностранным солдатам и матросам. В. И. Ленин, назвав эту победу самой главной, имеющей всемирно-историческое значение, писал: «Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска. Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат»⁴⁰.

Туркменистан, как уже говорилось, прямых контактов с Советской Россией не имел, но все же выработанная Коммунистической партией тактика деятельности подпольных организаций на оккупированной территории не могла остаться неизвестной для закаспийских большевиков, имевших связи с

подпольным комитетом партии в Баку, который в свою очередь был связан с Москвой.

Подпольные организации Сибири и Дальнего Востока, которым Центральный Комитет партии оказывал большую помощь, систематически посылал к ним своих уполномоченных, курьеров, связных, выработали многообразные формы работы среди населения: распространение революционных листовок, срыв мобилизации в белую армию, организация партизанских отрядов, саботаж и забастовки на предприятиях и железных дорогах, агитация и пропаганд среди войск противника, разведка боевых сил противника, подготовка общего вооруженного восстания к моменту приближения Красной Армии⁴¹. Такие же формы и методы нашли широкое применение и в деятельности подпольных организаций Закаспия. Это дает нам основание утверждать, что большевикам Закаспия была известна тактика деятельности партии в оккупированных районах и задачи, которые Центральный Комитет партии считал первоочередными.

Партия считала одной из своих важнейших задач – воодушевлять массы на освободительную борьбу против интервентов и белогвардейцев, объединять их силы, руководить их выступлениями. Условия работы, по признанию самих подпольщиков, были гораздо сложнее и опаснее, чем при царе. Вот что писал В. В. Рябиков, участник сибирского подполья: «Раньше за революционными работниками следили полиция, жандармы, попы, дворники, теперь к этой категории присоединились враждебные партии. Царские жандармы и полиция недостаточно ясно представляли себе технику, методы работы и психологию большевика и, несмотря на сеть провокаторов, часто путали большевиков с меньшевиками, эсерами и даже анархистами... Меньшевики и эсеры знали нас еще по царским тюрьмам и ссылке, против них мы боролись в период керенщины и в период Советской власти в Сибири до мятежа чехов. Малейшая неконспиративность – и подпольщик попадал в лапы»⁴².

В подобных условиях оказались и подпольщики Закаспия. В такой же сложной обстановке подпольные большевистские организации Закаспия, преследуемые контрреволюционным правительством, английскими интервентами и враждебными партиями, начинали свою деятельность, спланировали вокруг себя рабочих, местное трудовое население, налаживали организационно-партийную и массово-политическую работу.

2. НЕЛЕГАЛЬНЫЕ И ПОЛУЛЕГАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ

При сложившейся ситуации большевики решили широко применить легальные методы борьбы – использование профсоюзов и других рабочих организаций, выступления на различных собраниях и митингах. Но это было возможно лишь в сочетании с нелегальной, строго законспирированной деятельностью. Отдельным подпольщикам Ашхабадский комитет партии рекомендовал и помог легализоваться, устроиться в правительственных и других важных учреждениях, чтобы знать намерения контрреволюции, обзавестись документами для «прикрытия», быть ближе к массам.

В почтовом ведомстве обосновался М. Дулин, избранный там членом комитета профсоюза. На него подпольная организация возложила обязанность узнавать обо всем, что передает английское командование на свою базу в иранский город Мешхед. Подпольщик В. И. Терехов поступил в железнодорожную милицию. Неоценимую услугу подполью оказывал П. К. Теплищев, начальник городской телефонной сети, знавший о телефонных разговорах членов белогвардейского правительства. Подпольная организация устроила курьером в канцелярию министерства внутренних дел И. И. Зотова. Каждый день на велосипеде он привозил на конспиративную квартиру секретные пакеты, которые вскрывались, прочитывались, вновь заклеивались и лишь после этого доставлялись адресатам. По заданию подполья Г. А. Степкин [\[19\]](#) работал помощником начальника ашхабадского уголовного розыска, следил за агентурой контрразведки и добываемые сведения передавал подпольной организации. Ценная информация о силах и расположении белогвардейских частей отправлялась через линию фронта командованию советских войск. Сведения вписывались молоком между строками частных писем. Не без участия штаба советских войск

было организовано наблюдение за действиями войск противника. При этом подпольщикам удалось раскрыть хитрую уловку интервентов. На виду у населения па фронт то и дело двигались эшелоны с английскими войсками. Создавалось впечатление, что их очень много. На самом же деле англичане часто меняли фронтовые части, маскируя тем самым малочисленность своих сил. Об этой военной хитрости врагов говорили сообщения подпольщиков⁴³.

Большевистское подполье, особенно в описываемый нами период, часто прибегало к нелегальным и полулегальным методам борьбы, широко использовало различные формы политической работы в массах. Тревогой проникнута докладная записка начальника города Худоложкина, информировавшего белогвардейское правительство: «За последнее время работа их (членов большевистского подполья. – Р. Э.) начинает принимать более организованную форму. Бывают частые заседания этих групп, где намечаются планы работы, наглая смелость их даже доходит до мысли свержения Исполкома. Вдохновителями всего этого являются Кукаев, Панькин и др.». Далее Худоложкин доносил Фунтикову: «Я имел беседу через переводчика с командным составом английской армии, имеющей достаточный опыт в этой области, и получил совет, что необходимо организовать особый секретный орган специально по борьбе с большевиками (подчеркнуто мною. – Р. З.), ибо они с каждым днем все больше и больше увеличиваются, с пунктами в Красноводске и на линии фронта. Надежный штат уже намечен, который ведет работу по этой части: это старокадетское офицерство и некоторые гимназисты, можно использовать и бехаистов [\[20\]](#).

Все изложенное заставило меня обратиться в Исполком с просьбой разрешить организовать означенный орган по борьбе с большевистскими бандами и отпустить необходимую сумму денег.

Из беседы с комиссаром по иностранным делам Зиминим английское командование обещало прийти нам навстречу».

Председатель Исполкома Фунтиков, санкционируя действия своего подчиненного, наложил следующую резолюцию: «Исполком, вполне одобряя ваши действия, разрешает организовать означенный орган, вместе с тем необходимо усилить охрану как в местах заключения, так и самого Исполкома (нужно полагать, что последние провокационные выстрелы во время заседания Исполкома есть также их работа)»⁴⁴.

По совету английского разведчика Тиг-Джонса и с одобрения Фунтикова для борьбы с подпольной организацией большевиков была создана контрразведка во главе с эсером Дружкиным, человеком, продавшимся интервентам ⁴⁵. Это, конечно, вынуждало большевистские организации широко использовать нелегальные и полулегальные методы борьбы. В чем же заключались эти методы?

Члены ашхабадской подпольной организации начали свою деятельность с распространения воззваний и прокламаций, обращенных к рабочим массам. Верные традициям ленинской партии, большевики понимали, насколько действенна сила печати, ее неотразимая способность быть коллективным агитатором, пропагандистом и организатором масс, нести в народ идеи коммунистов. Бывали случаи, когда за одну ночь размножали от руки до 200 экземпляров прокламаций и до утра успевали расклеить их по городу. Вскоре подпольная организация пополнилась печатниками, которые взяли на себя издание типографским способом листовок, разоблачающих интервентов и их марионеток⁴⁶.

Руководство нелегальной работой, по всей вероятности, было целиком возложено на И. А. Кукаева и П. Ф. Панькина. Руководители ашхабадского подполья строго придерживались правил конспирации – в отличие от своих товарищей, которым была разрешена активность в легальной работе, никогда не выступали на митингах, рабочих собраниях. Так, И. А. Кукаев помимо общего руководства подпольной организацией выполнял

самую «черновую» работу – писал прокламации, организовывал законспирированные связи, готовил собрания и т. д.

Листовки, прокламации, а вскоре и бакинская газета «Набат» стали распространяться не только в Ашхабаде, но и на многих станциях Закаспийской железной дороги, среди рабочих, а также среди белогвардейских солдат. На заборах, на стенах домов все чаще появлялись рукописные и типографские листовки. Подпольщики Г. А. Степкин, Царегородцев, Я. Базаров, многие паровозные машинисты бесстрашно развозили их в поездах⁴⁷, доносили слова большевистской правды до широких масс рабочих и солдат.

Прокламации, вначале написанные от руки, затем отпечатанные в типографии, стали появляться и в Мерве. Писал их Сазонов, через связных передавал большевику Печатникову, который набирал их и печатал, а паровозные машинисты развозили.

О чем говорили большевистские листовки? Многие из них изобличали лицемерие англичан – хозяев продажного буржуазного правительства: дескать, обещают они светлое будущее народу, а сами безжалостно эксплуатируют английских рабочих; твердят о бескорыстии, а свою колонию Индию грабят, индусов-сипаев гонят на фронт, используют как пушечное мясо; закаспийцам сулят золотые горы, хлеб, мануфактуру, а выдают денежные знаки «тратты» – пустые бумажки, вывозя взамен хлопок, каракуль и другие ценности. В прокламациях приводились примеры из истории английского рабочего движения, которое подавлялось с жестокостью, схожей с действиями царских карателей⁴⁸.

Распространение большевистской литературы было организовано довольно широко. Это подтверждает в своих воспоминаниях участник революционных событий в Закаспии М. Ф. Куплевахский⁴⁹:

Однажды я подал рапорт начальнику депо с просьбой отпустить меня на два дня в Ашхабад по личным делам, – пишет

Куплевахский. – В тот же день меня подзывает к себе Рыбальченко, заместитель начальника депо, и говорит:

– Отпуск тебе разрешен. Завтра утром поезжай в Ашхабад, но с условием: туда и обратно поедешь на паровозе. В вагон садиться не смей! Обратно возвращайся этим же паровозом.

Я так и поступил. Машинистом ехал Зубарев, помощником Чертенков Федор. Они вели пассажирский поезд.

Выехали мы из Казанджика на рассвете, в Ашхабад прибыли днем. Паровоз отцепился и поехал в депо, бригада – на отдых, а я пошел в город.

К вечеру, закончив свои дела, я вернулся на станцию. Паровоз уже стоял в голове пассажирского поезда, следующего до Красноводска. Смотрю, в паровозе только машинист, а помощника нет. Зубарев предложил мне переодеться в промасленную тужурку Чертенкова.

Т. Ф. Ивлиев

– Если тебя спросят, как фамилия, отвечай, что Чертенков. Принесут путевую депешу на отправление, давай свисток отправления, – продолжал инструктировать меня Зубарев и сам тут же ушел куда-то.

Паровоз стоял под парами. Принесли депешу. Я дал протяжный гудок. И тут словно из-под земли появился Зубарев, и мы поехали. Остановились мы на первом разъезде (его раньше называли Навалочной) на одну минуту. Я даже не заметил, как в паровоз забрался Чертенков. Он принес с собой два мешка, в которых оказались прокламации.

Всю ночь на всех разъездах, казармах и станциях мы разбрасывали листовки. Для этого по предложению Зубарева я забрался на тендер паровоза, а машинист и его помощник бросали листовки со своего рабочего места. Помню, как Зубарев нам объяснял: «Листовки бросайте не при въезде на станцию, а при выезде».

На рассвете мы приехали в Кизыл-Арват. Здесь Зубарев один мешок с прокламациями передал встречавшим поезд людям. Кто они – я не знаю. Вероятнее всего, подпольщики.

Я предусмотрительно оставил себе штук десять прокламаций и внимательно прочел их дома вместе со своим другом Абрамом Агеевым, помощником машиниста... Человек он был надежный. Мы доверяли друг другу. Однажды в Бахардене он обезоружил пьяного белогвардейского офицера. Отобрал у него револьвер и бинокль.

П. Ф. Панькин

Прокламации были большевистские. Внизу стояла подпись: «Ашхабадским подпольный комитет РКП большевиков». Точный текст, конечно, не помню, но в память хорошо запало их содержание. Прокламация разъясняла, в чьих интересах свершился контрреволюционный переворот, призывала рабочих сплотить свои ряды, сопротивляться новым властям, выступать за изгнание англичан из Закаспия.

Агитация печатным словом велась и в Казанджике. Вот одна из прокламаций, яркий образец политической сатиры⁵⁰:

Божиею милостью, Мы, Фунтиков 1-й, Император и Самодержец Асхабадский, царь Красноводский, царь Кизыл-Арватский, великий князь Казанджикский, великий князь Джебельский, князь Узун-Сукский, князь Ахча-Куйминский, Перевальский и прочая и прочая, Закаспийской страны

повелитель, объявляем всем нашим верноподданным, что мы в союзе с любезными сердцу нашему дворянством и буржуазией объявили беспощадную войну подлому рабочему классу и крестьянству, дерзнувшем свергнуть власть помещиков и капиталистов в лице возлюбленного нашего монарха Николаи Александровича и благоверного Временного правительства и установить свою безбожную рабоче-крестьянскую власть, поправшую все божеские законы и передавшую все земли помещиков – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, банки, железные дороги, земельные недра – трудящимся, прекратившую войну, установившую 8-часовой рабочий день, лишившую буржуазию права участия в управлении страной и права эксплуатировать рабочих. Призываем всех, кому дороги интересы помещиков и капиталистов, кому ненавистна рабочая власть, кому нужна война с Германией до победного конца, кто стоит за 14-часовой рабочий день, за возвращение земли, фабрик и заводов их законным владельцам, кто хочет снова закабалить на сотни лет рабочих и крестьян, узаконив для них нагайку, розгу и тюрьму, сомкнувшись тесными рядами, немедленно выступить на борьбу с Советской властью. Рабочим и крестьянам повелеваем последовать примеру благородных сословий в порядке мобилизации, а буде последние ослушаются нашего повеления, поступать с ними по всей строгости законов.

Фунтиков.

Каким сарказмом дышат строки этой прокламации, написанной членами казанджикского подполья! Это – памфлет, злободневная острая сатира, направленная против буржуазной политики Фунтикова, высмеивающая ее антинародную, реакционную сущность.

Уместно привести здесь мысль К. Маркса: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса»⁵¹. Фунтиковы в истории явление, разумеется, не новое,

и их появление не только «трагедия», но и «фарс». Марионеточное правительство Фунтикова да и сам он как личность – нелепый анахронизм, приобретающий порою комические черты, что подметили и зло высмеяли подпольщики.

Своим влиянием большевики охватили и фронтовую полосу, солдатские массы. В окопах также распространялись большевистские листовки. Об этом имеются и прямые и косвенные данные.

17 июля 1919 года, после вступления советских войск в Ашхабад, председатель Реввоенсовета Закаспийского фронта Н. А. Паскуцкий писал в ревком Ашхабада: «Бывший надзиратель ашхабадской тюрьмы тов. Сосунов доставил последние письма бывшего командира отряда коммунаров тов. Самцова, где он указал, что товарищ Сосунов, будучи тюремным надзирателем, относился с полным уважением к заключенным советским работникам и оказывал им полное содействие... Исполняя его (Самцова. – Р. Э.) просьбу, прошу оказать тов. Сосунову полное содействие к устройству его па службу»⁵².

Кто такой Самцов, как он попал в тюрьму? Чем помог ему тюремный надзиратель?

В боях под Каахка (в августе – сентябре 1918 года) советские части четырежды пытались овладеть станцией. Английские интервенты стянули сюда много войск, отлично экипированных и вооруженных. Они оцепили Каахка несколькими рядами проволочных заграждений. Командующий группой английских войск Уард, выгадывая время для переброски подкрепления из Ирана, предложил советскому командованию прислать для переговоров своего представителя. Парламентарем во вражеский стан пошел командир сводного отряда коммунаров Влас Иванович Самцов.

Враги вероломно арестовали парламентаря, заключили его в каахкинский арестный дом. В тюрьме коммунист Самцов, приглядевшись к своим товарищам по камере, склонил на свою сторону арестованных Колодина и Антипина, которым под охраной разрешалось ходить в лазарет, разносить по камерам

пищу. Вместе раздобыли бумагу и химические карандаши, а Самцов написал текст воззвания «На фронт товарищам!!!». Размножили от руки, разослали по камерам, несколько экземпляров переправили на фронт.

В сентябре 1918 года (точная дата не указана) охранник заметил у Самцова за поясом скомканный листок бумаги (Влас Иванович сохранил экземпляр воззвания, чтобы снова его размножить). Конвоир, отобрав листок, спросил:

– Что это такое? – (Он был неграмотен.)

– Песня это, слова новой песни, – ответил красный парламентар.

Белогвардейское командование, обеспокоенное действиями большевиков во фронтовой полосе, решило перевести заключенных в ашхабадскую областную тюрьму. Антипин, притворившись больным, попал в лазарет, откуда сумел сбежать. Самцова и Колодина под усиленной охраной доставили в Ашхабад. 13 декабря 1918 года их судил так называемый народно-полевой суд, который вскоре стал именоваться военно-полевым⁵³.

В делах белогвардейского суда к «обвинительному акту о П. И. Колоднине и В. И. Самцове» в качестве вещественного доказательства подшиты три экземпляра воззвания, написанные разными почерками. Два из них схожи, переписаны слово в слово, третье по содержанию почти такое же. На обороте надпись: «В окопы. Товарищам. Читайте и передавайте другим»⁵⁴.

На фронт товарищам!!!

Товарищи! Вам не известно, что творят Ваши начальники, скрываясь за Вашими спинами? Вы, проливающие свою кровь, думаете, что боретесь за счастливое будущее, за свободу. Вы доверили власть людям, закаленным до мозга костей царским режимом, не признающим никаких свобод и требующим беспрекословного им подчинения.

Товарищи! Вы доверчиво кладете Ваши головы в пасти львам. Известно ли Вам, чего добиваются эти люди, не признающие никаких свобод? Путь ими уже избран без Вашего согласия. Если для Вас Николай II был тираном, то они ведут Вас к диктатуре прежних времен, нам не нужно рыться в догадках, примеры налицо.

Асхабадская тюрьма и арестные дома переполнены. Здесь, в Каахка, скоро не будет места. Ни нам, ни Вам они не дают оправдываться, от слова тут же переходят к делу. Они подлым и низким путем отдельных лиц, для них нежелательных, заманивают к себе в штаб и без объяснений сажают в тюрьмы. Это мало для них. Они избрали новый путь в Асхабаде, первая партия из 40 человек, закованных в цепи, уже отправлена в Персию. Готовят следующую партию.

Знаете ли вы, что ими заказаны 3000 кандалов? Для кого их готовят? Да конечно, для тех, кто мешает им добиваться своих целей.

Дни ими высчитаны, и они ждут с нетерпением, когда наденут свои блестящие погоны. Товарищи! К Вам обращаются заточенные в тюрьме. Уже решено отправить нас закованными в Персию. Неужели Вы это допустите? Мы, участники многих боев – в Мерве, Чарджуе, Уч-Аджи, Байрам-Али и других, надеемся па Вас и верим, что Вы этого не допустите...

Вы, рабочие и фронтовики, нужны им как пушечное мясо для достижения их целей. № Ваши интересы защищают они, я только свои. Разве не видно Вам, что думают они об исполнительном комитете?

Это ширма, за которой скрываются царские приспешники. Все стремление штаба – всецело захватить власть, а затем под прикрытием наших союзников провести режим царя Николая. Итак, обдумайте наше к Вам обращение, от Вас зависят перевыборы в штаб, пошлите туда людей падежных и требуйте освобождения арестованных.

Текст обращения написан чернильным карандашом на бланке служебной записки «Средне-Азиатская казенная

железная дорога. Служба тяги». Это даст нам основание судить, что В. И. Самцов и его товарищи были связаны с железнодорожниками. Как видно, листовки, написанные с большевистских позиций, призывали решительно действовать против эсеров-меньшевистских властей, изобличали марионеточное правительство, за спиной которого белогвардейщина и интервенты творили черные дела.

Расстрел 26 бакинских комиссаров. Картина И. И. Бродского

Суд был скорый. «...П. И. Колодин, 39 лет, и В. И. Самцов, 33 лет, обвиняются в том, что, содержась под стражей в Каахкинском арестном доме, они по предварительному между собою уговору составили воззвание, обращенное к солдатам, находящимся в окопах на передовых позициях на Каахкинском фронте, с призывом к явному восстанию, с каковым воззванием и были пойманы...» Колодин был приговорен к двум, а Самцов – к шести месяцам тюремного заточения⁵⁵.

Как вел себя в тюрьме В. И. Самцов? Из его последнего письма видно, что он сблизился с тюремным надзирателем Михаилом Сосуновым, который для политических заключенных был «единственным человеком, незаменимым товарищем», и

Самцов просил «принять его на службу и верить ему как будущему рядовому работнику партии большевиков»⁵⁶.

Это, по сути, рекомендация принять в ряды большевиков нового достойного товарища. Ясно, чтобы заслужить ее, М. Сосунов должен был доказать свою преданность Советской власти, оправдать доверие арестованных большевиков. Не исключена возможность, что политические заключенные поддерживали связь с волей через М. Сосунова, но В. И. Самцов, чтобы не подвергать риску других, не упомянул в письме о связях с большевистским подпольем.

Сейчас известно по воспоминаниям бывшей надзирательницы женского корпуса Малининой, что областная тюрьма была связана с ашхабадской подпольной организацией большевиков. 300 заключенных-большевиков и рабочих за сочувствие Советской власти томились в ашхабадской тюрьме. В мужском корпусе вместе с другими сидели сыновья Степана Шаумяна, А. И. Микоян, в женском – Дианова, жена убитого председателя Кизыл-Арватского ревкома, подруги 26 бакинских комиссаров – Джапаридзе, Фиолетова и другие. Особенно издевались над политическими заключенными. Их морили голодом, им запрещалось приносить передачи. В таких условиях они дорожили каждой весточкой с воли. Малинина установила связь между мужским и женским корпусами. Общение придавало арестованным новые силы, вселяло уверенность в скорый приход Красной Армии. «Через Трещенкова завязалась связь с большевистской подпольной организацией, с товарищами Кунаевым, Артамоновым и другими, – пишет Малинина. – От них я принимала литературу и деньги для передачи арестованным. Была налажена также и связь с Мервом...»⁵⁷

Это подтверждает и белогвардейский документ, перехваченный советской контрразведкой: «Влияние свое означенная организация (большевистское подполье. – Р. Э.) начинает распространять и на места заключения»⁵⁸.

Трудно представить, чтобы коммунист Самцов, человек кипучей энергии, все долгие месяцы заключения мог

бездействовать, не связался со своими единомышленниками. Лишь условия конспирации не позволили ему открыто написать об этом в последнем письме. Несомненно, что В. И. Самцов установил связь с подпольем Каахка, а затем и Ашхабада. Не только в населенных пунктах, но и на передовых позициях врага, как известно, существовали подпольные группы. Действовали они и на белогвардейских бронепоездах. «Перебежчики сообщили, что у белых боеприпасы хранятся в железнодорожных складах, – вспоминает И. В. Бухаренко о боях за Каахка и действовавших там подпольщиках. – Идем туда, опасаемся, пет ли мин. Во дворе видим бикфордов шнур и электропровод, оба перерезаны. И тут у пас друзья»⁵⁹.

Белогвардейское правительство держало Самцова в заточении и тогда, когда истек срок тюремного заключения.

Он напомнил о себе письмом к властям. «Комитет общественного спасения», пришедший на смену эсеровскому правительству, 5 апреля 1919 года рассмотрел решение суда. На приговоре, уже потерявшем силу, появилась весьма выразительная резолюция: «Приговор по отношению подсудимого Самцова утвердить. Члены комитета генерал-майор Крутень, Акимов, Зимин»⁶⁰. Не подтверждение ли это смертного приговора?

Почти за месяц до вступления в Ашхабад частей Красной Армии В. И. Самцов написал свои предсмертные строки. Их нельзя читать без волнения: «Итак, завтра, т. е. 13-го июня, меня вышлют, даже может туда, куда выслали бакинских комиссаров... отвезли две станции и расстреляли. Ну, это неважно, революция требует крови, и без этого обойтись нельзя... Остаюсь верно преданным до могилы рабоче-крестьянской Советской России. Член партии коммунистов-большевиков В. Самцов»⁶¹.

О чем думал Влас Иванович, когда сидел за письмом? Не о себе, а о победе революции, о торжестве Советской власти и идей великого Ленина, о своих товарищах по партии, о жене, четырех детях и матери-старушке, «которая лишена зрения».

Деятельность подполья не могла быть достаточно эффективной без участия в ней передовых, сознательных представителей дайханских масс, местного населения. Большевики, вовлекая в ряды подполья наиболее революционных рабочих и солдат, укрепляя связи между нелегальными организациями, не забывали и о туркменском селе, о широких слоях бедноты, сочувствующей Советской власти.

Овезберды Кулиев, командир ашхабадского красногвардейского отряд Отправлен англичанами в Индию, впоследствии расстрелян белогвардейцами на Дальнем Востоке

Членами подпольной группы состояли братья Овезберды и Мейлис Кулиевы, связывавшие ашхабадское подполье с аульной беднотой. Они участвовали во многих делах организации, помогали печатать листовки в подпольной типографии на улице Надсоновской, в подвале дома машиниста Морозова, добывали

для подпольщиков питание и одежду, собирали сведения о настроениях народа, о мероприятиях белогвардейского правительства и англичан.

С местным населением Кизыл-Арвата была связана подпольная организация Главных железнодорожных мастерских, возглавляемая коммунистом Василием Гудковым. Местом конспиративных встреч подпольщиков была чайхана Мурада Вепаева. Через чабана Айдурды Карлиева передавались важные сведения, а в случае опасности некоторые подпольщики скрывались в доме Гельды Аманова. Школу большевистского подполья Ки-зыл-Арвата прошли Карры Кулиев [\[21\]](#), активно боровшийся против белогвардейского режима, и некоторые другие представители коренного населения⁶².

Мейлис Кулиев

Большевистские организации привлекали в свои ряды рабочих-туркмен, аульных бедняков, которые вели

революционную работу среди местного населения, выполняли опасную роль связующего звена между подпольем и трудящимися-туркменами.

Однако подпольные организации не успели установить прочные связи с широкими массами дайхан, бедноты, проникнуть во все слои населения туркменского села, охватить их своим влиянием. Сказывались уже приведенные нами трудности и сложности, обусловившие ограниченность подпольной работы. Малочисленный пролетариат Закаспия и его авангард – коммунисты, не имевшие достаточной боевой закалки и политического опыта, были слабо связаны с туркменским дайханством. К тому же, как справедливо отмечает ашхабадский историк А. А. Росляков, «не следует преувеличивать степень развития классового сознания и политической активности туркменской бедноты к лету 1918 года; процесс, ее вовлечения в русло советского развития только начинался»⁶³.

Туркменское село, испытывавшее колониальный гнет белого царя и его чиновников, питало тогда к русскому человеку недоверие. Темная, забитая беднота была еще под влиянием своих родовых вождей, духовенства, крупных баев, в основном переметнувшихся в лагерь контрреволюции. И все же наиболее сознательные представители туркменского парода, связавшие свою судьбу с Советской властью, увидели в коммунистах, в русском пролетариате подлинных борцов за интересы и счастье трудового дайханства.

С первых же дней установления в Закаспии белогвардейской власти подполье упорно искало связей с Москвой, с Баку, с командованием советских войск. Опытные партийные работники сознавали, что это во многом может определить успех всей организационно-партийной работы, ее боевитость и действенность.

Ашхабадская подпольная организация командировала в Москву члена Закаспийского областного Совнаркома большевика Ивана Очередыко и члена ревкома Степанова. Они благополучно

добрались до места, проинформировали Центр о положении в Закаспии, но обратно вернуться не смогли из-за «оренбургской пробки»⁶⁴.

Об одном из связных большевистского подполья стало известно начальнику города Ашхабада. «Как установила следственная комиссия, – докладывал он Фунтикову, – бывший член Ревкома Степанов бежал из-под стражи лишь при содействии данной организации, они успели снабдить его деньгами и документами, направить через Красноводск в Астрахань для связи...»⁶⁵ Эти строки – еще одно свидетельство высокой конспирации большевистского подполья: установление связей с местами заключения, устройство побега, фабрикация документов, снабжение деньгами – дело отнюдь не легкое в условиях белого террора и разгула интервенционистских сил.

В далекий Закаспии, охваченный со всех сторон фронтами, все же пробирались посланцы коммунистических организаций Москвы и Баку. Это было известно и белогвардейской печати. Так, газета «Голос Средней Азии» 30 ноября сообщала об аресте в Красноводске «бывшего областного комиссара большевистского периода управления Закаспийской областью Тузина [\[22\]](#), пробиравшегося в область с неизвестными целями. Тузии, как в свое время сообщалось, выехал из Асхабада в Москву по приглашению Ленина и занимал при нем до сих пор какую-то ответственную должность. Сегодня Тузин будет доставлен в Асхабад». Та же газета 3 января 1919 года сокрушалась по поводу того, что в область проникло немало «великолепных агитаторов». Некоторые, предъявляя документы, «сфабрикованные в московских большевистских партиях», вошли в доверие к белогвардейским властям.

Большевистское подполье поддерживало связи и с советским командованием. В описываемый период (июль – декабрь 1918 года) Военно-политический штаб, а затем Реввоенсовет Закаспийского фронта предпринимали лишь первые шаги по установлению связей с подпольными организациями. «После четырех неудачных наступлений на

Каахка нам пришлось отступить, и связь с Асхабадом была затруднена, – вспоминает И. В. Бухаренко. – Тем не менее установление связи мы считали необходимым и эту задачу возложили на члена Военно-политического штаба тов. Феоктистова... Мне известно, что тов. Феоктистов организовал посылку нашего агента в Асхабад в декабре 1918 года».

Весьма любопытно, что 4 января 1919 года белогвардейское розыскное бюро (контрразведка) предписывало начальнику асхабадской милиции «задержать бывшего председателя Чарджуйского Совдепа и председателя Военно-политического штаба Феоктистова, присутствовавшего 31 декабря 1918 г. на митинге в железнодорожном собрании, и препроводить его в распоряжение розыскного бюро». Здесь же короткая приписка: «Феоктистов в Асхабаде не разыскан»⁶⁶.

Белогвардейская контрразведка, вероятно, дозналась о посылке в Ашхабад связного, по, кого именно, точно не знала. Важно, однако, что этот документ подтверждает факт посылки связного, о котором вспоминает И. В. Бухаренко.

Связные из штаба советских войск чаще посылались в 1919 году. Речь о том – во второй главе.

Для активизации деятельности закаспийского подполья много значила связь с подпольным Бакинским комитетом партии и его легальными организациями, в частности с рабочей конференцией, а также с революционными рабочими Баку, имевшими богатый опыт подпольной работы.

Спустя месяц после белого мятежа на одном из заседаний ашхабадской подпольной организации присутствовали Нейман и другие товарищи из Баку. Они приехали со специальным заданием установить связь. Нейман сделал доклад о международном и внутреннем положении. На этом расширенном заседании было решено усилить работу по вовлечению в ряды подполья железнодорожников, городских рабочих, увеличить выпуск воззваний и прокламаций. Бакинские посланцы приняли горячее участие в обсуждении вопросов, связанных с активизацией деятельности большевистского подполья. Через

некоторое время все бакинцы, за исключением Неймана, вернулись в Баку. Нейман, пытавшийся пробраться в Ташкент по специальному заданию, погиб при переходе линии фронта.

Нами обнаружен архивный документ об И. А. Неймане, приехавшем в Ашхабад 11 сентября 1918 года и остановившемся в гостинице «Лондон». Эта дата совпадает со временем приезда бакинцев, указанным в книге А. Мелькумова, участника ашхабадского подполья. Личностью И. А. Неймана интересовался начальник милиции Ашхабада, и донесения о его приезде подавались в канцелярию белогвардейского министерства внутренних дел Закаспийской области. Возможно, И. Л. Нейман и был тем посланцем бакинской партийной организации, о котором пишет А. Мелькумов.

Приезжал в Закаспий и бакинский большевик Ананьев, участвовавший в заседании ашхабадской подпольной организации, сделавший на нем доклад о положении в Баку. Подпольщики, наметив конкретный план активизации агитационной работы, поручили Ананьеву просить бакинцев установить с Закаспием регулярные связи⁶⁷.

Действительно, М. Г. Ананьев [\[23\]](#) в конце сентября 1918 года приехал в Закаспий, где связался с томившимися в тюрьме сыновьями С. Шаумяна, с А. И. Микояном и другими. Им он доставил газеты, книги, лекарства, продукты, письма, держал их в курсе всех событий. В ноябре 1918 года Ананьев вернулся в Баку и на подпольном заседании Бакинского комитета партии сделал доклад о положении в Закаспии, проинформировал об арестованных бакинских коммунистах. Решением Бакинского комитета РКП (б) в Ашхабад был командирован Топуридзе. Ему и его товарищам по партии, как мы уже знаем из воспоминаний А. И. Микояна, удалось связаться с большевистским подпольем Ашхабада⁶⁸.

Таким образом, связи большевистских организаций Закаспия и Баку устанавливались вначале с целью выяснения судьбы 26 бакинских комиссаров, их товарищей и семей, заключенных в тюрьмы Закаспия. Затем они переросли в

солидарность по обмену опытом борьбы с буржуазией, оказанию братской помощи. Малочисленный рабочий класс Закаспия видел в бакинских рабочих, закаленных в классовых боях, свою опору, единокровных братьев по классу.

Со временем у большевистских организаций Закаспия сложилась своя хорошо отлаженная система, свой стиль работы. Участникам подполья были присущи высокая дисциплина, организованность, поистине коммунистическая сознательность. Каждому подпольщику вменялся определенный круг обязанностей, все личные интересы подчинялись общественным делам организации.

Андроник Мелькумов

Для подпольной работы в Серахс был командирован пламенный большевик С. А. Лыков, член Ашхабадского Совета; в мае 1918 года он был избран в состав Ашхабадского ревкома, играл видную роль в большевистской организации вместе с И.

Кукаевым, С. Молибожко. В. Батминовым и другими. Позднее он погиб от рук врагов революции (это о нем секретной запиской доносили Фунтикову: «Член Ревкома Лыков (рабочий депо) скрывается в Серахсе, меры... приняты»). С. И. Сунгуров и А. Е. Олифер, мобилизованные в белую армию, могли скрыться, как поступили многие рабочие, а С. И. Сунгуров по состоянию здоровья мог даже освободиться от призыва, но подпольная организация рекомендовала им отправиться на фронт для разложения белогвардейских войск, так же как и Я. Базарову. Машинист М. С. Мазур совершал поездки на фронт для распространения большевистской литературы и проведения агитационной работы среди обманутых железнодорожников. В поездную лавку устроился А. Мелькумов, чтобы развозить прокламации, встречаться с подпольщиками, ведущими агитационную работу на фронте, держать их в курсе дела, передавать указания подпольного центра. Недаром его и И. К. Храброва товарищи заслуженно считали «исполнителями самых опасных и сложных заданий подпольной организации»⁶⁹.

С. И. Сунгуров

Подпольная организация Ашхабада благодаря своей разветвленной сети легализованных и нелегальных работников, расставленных в ряде учреждений, в милиции, министерстве внутренних дел, на телеграфе, в типографии, профсоюзных комитетах и в других местах, была неплохо осведомлена о мероприятиях и замыслах контрреволюционного правительства. Да и сама жизнь, изобиловавшая множеством примеров антинародной политики властей (аресты и расстрелы безвинных людей, наглое хозяйничанье англичан, насильственный сбор налогов и т. д.), ежедневно давала материал для предметного, конкретного разговора с трудящимися и солдатами.

И. С. Копьев

Агитационная работа в основном велась среди железнодорожников, городских рабочих, ремесленников и служащих; в профессиональных союзах, «союзе фронтовиков», различных рабочих организациях; в ближних к Ашхабаду селах, среди некоторой части дайханства; в белогвардейских войсковых частях, особенно там, где служили мобилизованные рабочие, и в английских частях, среди солдат-сипаев.

Беседы агитаторов-подпольщиков с небольшой аудиторией, порою с двумя-тремя людьми, находили благодатную почву: многие рабочие убедились, что Временный исполнительный комитет – это марионетка в руках англичан, буржуазии и белого офицерства. Успеху политической работы способствовали не только настроение недовольных масс, но и актуальность большевистской агитации, ее злободневность, жизненность,

умение подпольщиков найти доходчивые, убедительные формы воздействия на сознание трудящихся.

И. И. Тимофеев

Правда, многим агитаторам-подпольщикам не хватало теоретической подготовки, но их выручал жизненный опыт, умение вовремя рассказать о близких и понятных слушателям фактах, связать их с действительностью. Большевистские агитаторы умело использовали в пропагандистских целях, например, факты избиения солдат офицерами. Рукоприкладство процветало и в ашхабадском батальоне, где служил по мобилизации подпольщик И. И. Тимофеев, освобожденный из тюрьмы подпольной организацией. «Как. только уходит (офицер. – Р. З.), подойдешь к пострадавшему, – вспоминал Тимофеев, – и начинаешь... мало били, надо бы больше. Зачем ты вообще-то здесь служишь? Где были у тебя руки, где твоя винтовка? Кто ж твой враг – большевики или этот, кто бьет тебе рожу?»⁷⁰

Такая беседа проходила обычно в многолюдье. Бывало, присутствовали здесь и бывшие красноармейцы, мобилизованные белыми из военнопленных, которые, сочувствуя избитому, замечали, что в Красной Армии подчиненных не бьют; агитатор же поддакивал, добавляя: перебежчиков большевики не расстреливают и в тюрьму не сажают, а отпускают по домам. Иногда такой разговор прерывался появлением офицеров или шпика. Но цель достигнута: люди расходились с определенным настроением – не воевать с большевиками и при удобном случае перебежать на сторону советских войск. В сознании почти каждого оставалась картина избитого солдата и убедительные доводы подпольщика, что большевики не «изверги», какими их обрисовывали офицеры.

Действенность большевистской агитации особенно чувствовалась после боя за станцию Душак, где 14 октября 1918 года интервенты и белогвардейцы потерпели тяжелое поражение. После этого сражения агитация против них велась чуть ли не в открытую. Солдаты, вчерашние рабочие, разъезжались по домам, в окопах оставались офицеры, чиновники, гимназисты.

Разложение коснулось и опоры белых властей: отказывались идти на фронт члены «союза фронтовиков». Под влиянием большевика И. Копьева, имевшего еще дореволюционный опыт подпольной работы, бывшие офицеры В. Крейсман, Н. Белкин, В. Машков перешли на сторону советских войск и написали обращение к ашхабадской дружине, сформированной из рабочих. Они разъясняли рабочим суть контрреволюционного переворота, спровоцированного эсерами и меньшевиками, призывали не поднимать оружия против своих братьев по классу. Обращение возымело действие: 9 сентября «белые дружинники» побратались с красным Жлобинским отрядом. Белые власти жестоко расправились с братавшимися. Целая рота за переговоры и братание с советскими войсками была отдана под военно-полевой суд⁷¹.

Обращение вчерашних офицеров к своим сослуживцам – одна из действенных форм агитации по разложению белой армии, способствовавшая переходу неприятельских солдат и офицеров на сторону Красной Армии.

Полулегальные методы работы – агитацию среди рабочих, подлежащих мобилизации, применяли и большевики Казанджика. Они беседовали с призывниками, разоблачали контрреволюционную эсеровскую авантюру. Старания подпольщиков увенчались успехом: рабочие наперекор «стачкому» отказались ехать на фронт. Красноводские подпольщики уговаривали рабочих не идти на призывной пункт. Такие беседы велись не только на производстве – в депо, порту, но и дома, среди знакомых, соседей. Хотя каждому добровольцу белые власти обещали по 500 рублей, охотников служить в армии находилось очень мало. 26 сентября 1918 года в Красноводск можно было увидеть объявление белогвардейского «стачкома» о «действиях темных личностей», взбудораживающих команды морских судов заявлениями о том, что они якобы предназначены к увольнению, призыву и отправке на фронт. «Стачком», угрожая военным судом, заявил, что это – работа «большевистских агентов»⁷².

На высоте положения была Мервская партийная организация, которая во время хозяйничанья в городе белогвардейцев вела активную агитационную работу и поплатилась за это своими лучшими товарищами. Действенную политическую работу вели 28 подпольщиков Кушки, скрывавшиеся в горах. Они приходили в Кушку и в окрестные села Полтавку и Алексеевку небольшими группами, вели агитацию среди рабочих, насильно мобилизованных в белую армию. Особенно активно действовали подпольщики на гарнизонной радиостанции, которую Дружкин со злобой называл «большевистским гнездом»⁷³.

Участник гражданской войны в Закаспии М. И. Мирошниченко, персональный пенсионер, рассказывает:

В чем заключалась деятельность подпольщиков? Мне, как участнику кушкинских событий, известно, что подпольщики, по несколько человек приходя в Кушку, вели разъяснительную работу не только среди крестьян, но и во вражеских войсках. Известно, что в эшелоне Зыкова [\[24\]](#) были обманутые рабочие Кизыл-Арвата, составлявшие основную часть отряда белых. Под влиянием большевистских агитаторов рабочие стали прозревать, понимать, в какую авантюру вовлекли их эсеры и меньшевики. Кизыл-арватские рабочие стали открыто проявлять недовольство, требовать, чтобы белогвардейское правительство прекратило братоубийственную войну, распустило по домам рабочих. Распропагандированный подпольщиками отряд стал небоеспособным, не подчинялся приказам командования. Рабочих пришлось демобилизовать. Часть осталась в Кушке, но большинство уехало домой, в Кизыл-Арват.

В зыковском отряде остались офицеры, эсеры, отъявленные головорезы из буржуазных националистов. Они по-прежнему терроризировали население Кушки. В том же году (1918. – Р. Э.) белые арестовали подпольщика Семена Ильича Суматохина, который вел агитационную работу среди населения Кушки, призывал не вступать в белую армию...

У подпольной организации были свои люди, которые для виду служили у белых, но обо всем информировали большевиков. Таким человеком, насколько мне известно, был Нарцис Аветисович Саркисов [\[25\]](#), красногвардеец, активный участник обороны Кушки. По с приходом белых он получил задание поступить к ним па службу милиционером... Саркисов честно исполнял свой долг – информировал подпольщиков о намерениях белых в Кушке.

В феврале 1919 года подпольщики, почуяв, что за ними установлена слежка, решили идти на соединение с частями Красной Армии, которые вели бои под станцией Равнина. Зайцев, Цибизов, Тимошин (из Иолотани), Лобанов добрались до Иолотани. Когда они были почти у цели, нарвались на боевое

охранение белых. Погибли Зайцев и Лобанов, а Цибизов и Тимошин линию фронта прошли.

У Зайцева, Лобанова, Тимошина и Цибизова главной целью было не спасение своих жизней, а доставка информации о настроении, численности и вооружении белогвардейских войск, об отношении местного населения к ним и, конечно, установление связи подполья со штабом советских войск.

Воспоминания очевидца событий подтверждает сводка советского командования от 7 декабря 1918 года⁷⁴:

Солдаты пушкинской крепости отказались от несения службы в рядах противника. В частях противника происходят частые собрания, на которых предъявляются требования объяснить цели гражданской войны... Среди войск противника идет разлад, имеется свыше 700 дезертиров...

Большевистское подполье по своему составу было интернациональным. В его рядах плечом к плечу боролись русские, туркмены, армяне, азербайджанцы, представители других национальностей. Некоторые подпольщики знали несколько языков, что облегчало общение с различными слоями общества. Так, М. Г. Рустамов помимо тюркских языков знал и фарси, машинист депо Петр Акимов владел туркменским. Разумеется, таким счастливым даром обладали немногие, но и эта исключительность была поставлена на службу революционному делу: эти люди вели агитацию среди туркмен, армян, а также пенджабцев, служивших в английских войсках⁷⁵.

Предметом своей особой заботы большевистское подполье считало агитацию среди туркменской бедноты, все еще находившейся под двойным, даже под тройным гнетом – англичан, белогвардейских чиновников и местных феодалов. На туркменское село подпольщики влияли через наиболее сознательных рабочих и дайхан, участвовавших в работе партийных и советских органов, убедившихся, что только

Советская власть – защитник и выразитель интересов трудящихся.

В окрестностях Ашхабада и в Безмеине подпольная организация проводила систематическую политическую работу. Ашхабадский подпольщик Я. Базаров поддерживал связь с дайханами через Х. Мередова, разъяснял туркменам, почему они должны покинуть фронт белых. Переводчиком у него был Али Каграманов, убивший английского солдата и разыскиваемый белогвардейскими властями как «важный преступник». Благодаря большевистской агитации рабочие-туркмены Кизыл-Арвата и станции Айдын противодействовали мероприятиям белогвардейского правительства, отказались служить в белой армии, а одна группа кизыл-арватских рабочих-туркмен перешла фронт, вступила в Красную Армию и участвовала в боях за освобождение Закаспия⁷⁶.

Подпольную большевистскую организацию Ашхабада особенно интересовали бехаисты – проповедники космополитического религиозного учения, отражавшего интересы буржуазии и отрицавшего классовую борьбу. Бехаисты, а они составляли основную часть ашхабадских торговцев, владельцев магазинов, домов и разных частных предприятий, вели вредную пропаганду, настраивали людей против Советской власти, старались обратить в свою веру азербайджанцев и иранцев, проживавших в городе. Бехаисты не только отравляли классовое сознание трудового люда, но и охотно шли в услужение к врагам революции. Белогвардейская контрразведка вербовала среди бехаистов своих агентов. Большевикам было важно знать настроение национальных меньшинств Ашхабада, степень влияния на них бехаистов, с тем чтобы эффективнее вести контрпропаганду, разоблачать их антинародную идеологию.

З. М. Рустамов, сын подпольщика Мамеда Гаджимамедали-оглы Рустамова, пишет⁷⁷:

Отец выполнял многие важные поручения подпольной организации большевиков. Владея четырьмя языками – туркменским, азербайджанским, русским и фарсидским, он был хорошей находкой для подпольной организации...

Профессия арбакеша открывала перед отцом многие двери, создавала возможность общаться с различными слоями общества.

Мой отец и его друзья, бывая в народе – на базаре, в чайханах, а то и просто посещая дома, разоблачали реакционность бехаизма, будто ненароком рассказывали об успехах красных войск, распространяли большевистские воззвания и прокламации. Позднее мне стало известно, что отец и его друзья общались также и с сипаями, симпатизировавшими большевикам.

Одной из труднейших задач для большевистского подполья была организация политической работы среди английских войск. Сложность ее порождалась не только незнанием подпольщиками английского и индийских языков, но и тем, что войска интервентов держались обособленно. Им запрещалось общаться с солдатами русских частей, местным населением, особенно с рабочими. Английское командование старалось оградить своих подчиненных от «революционной заразы».

Большевистское подполье поручило А. Мелькумову, знавшему восточные языки, И. Храброву и другим изучать настроение сипаев, разведать их численность, разузнать, как долго они пробудут на фронте. Важно было знать, как относятся офицеры к солдатам, что думают сипаи о большевиках, о их политике. Оказалось, что английские офицеры как к сипаям, так и к русским солдатам и офицерам относились свысока, с презрением, считая свою нацию выше любой другой. Они воспитывали своих подчиненных в слепом повиновении, за провинность избивали стэками (бить рукой английский офицер считал ниже своего достоинства; унтер-офицеры этих предрассудков не придерживались – били сипаев кулаками). Когда английский офицер располагался в поле обедать, то

сипаю запрещалось стоять с солнечной стороны, чтобы тень «черного» не падала на еду «белого». Чванство англичан привело к тому, что однажды в бою под Душаком они потеряли почти весь свой командный состав: офицер считал позорным ложиться в одну цепь с сипаями.

Сипаи считали, что в Закаспий они приехали по долгу службы, но не знали, против кого им придется воевать. Большевиков они представляли по извращенным рассказам офицеров как людей опасных для всего мира, их старались убедить в гуманности «миссии» – «покончить с большевиками, дать покой человечеству». В Ашхабаде, по дороге на фронт, на станциях и разъездах подпольщикам иногда удавалось побеседовать с сипаями, объяснить, за что борются большевики, такие же простые рабочие и крестьяне, как и индийские солдаты. Сипай Ляль Хан рассказывал, что не знает, за что воюет, и страстно хочет вернуться на родину. Некоторые соглашались, что офицеры их обманывают; кое-кто, молча выслушав агитатора, обещал подумать, поразмыслить над тем, что узнал в беседе.

Незнание подпольщиками индийских языков не всегда было непреодолимым барьером – помогали картинки, изображающие расстрел индусов англичанами. Возможно, подпольщики использовали и красочный плакат, выпущенный Политотделом Реввоенсовета. На нем были изображены три нагих изнуренных индуса, запряженных в плуг; их погонял Джон Буль, с торчащими хищными зубами и бакенбардами цвета имбиря, размахивающий маузером в одной руке и плетью – в другой.

Наглядная агитация оказывала на сипаев заметное влияние. Война, уносившая жизни простых людей, по набивавшая мощну английских империалистов, настроение самих сипаев во многом определяли успех агитации большевиков. Сипаи заверяли, что с большевиками они воевать не будут. А индус Ярхан Амет Хан, добровольно сдавшийся в плен, говорил: " В наступление индусы идти не хотят». Некоторые сипаи, указывая на погоны, говорили: «Инглис – меньшевой, а моя – большевой» («англичанин – меньшевик, а я – большевик»). До двадцати

английских солдат было арестовано «за политику» и отправлено в Бомбей. Подпольной организации были известны девять случаев добровольной сдачи сипаев в плен красным частям. С помощью сипаев подполье постоянно располагало ценными сведениями о численности английских войск и их артиллерии, снаряжении и т. п.

Среди сипаев, охранявших областную тюрьму, успешно проводили агитацию сами арестованные – большевики, советские работники, красноармейцы.

В Мерве сипаи взбунтовались, убили своих офицеров и ушли в Афганистан. В Ашхабаде около ста сипаев отказались ехать на фронт. Англичане их арестовали и отправили в Иран⁷⁸.

Таким образом, оккупационные войска под влиянием большевистской агитации «заражались» революционным духом, разлагалась их дисциплина. Уход интервентов из Закаспия был предрешен.

* * *

К осени 1918 года подпольные организации Закаспия уже обрели силы настолько, что могли перейти к более сложной деятельности: организации саботажа, диверсий, нанесению врагу ощутимого материального урона.

Планируя аварии и крушения воинских поездов, подпольщики продумывали не только все детали диверсионных актов, но и организацию защиты, оправдания или побега тех, кто их совершал. Так, на станции Такир машинист М. С. Мазур врезал свой состав в паровозы, стоявшие на станционных путях. На допросе он сумел убедить, что тяжесть поезда превышала силу паровоза и потому будто бы случилось крушение.

Дерзкие диверсии совершал и машинист Т. А. Исаев. Ночью 4 ноября 1918 года, несмотря на указание начальника авангарда белых войск двигаться со скоростью 4 версты, машинист умышленно превысил скорость в несколько раз и у станции Анненково столкнул воинский состав с резервным паровозом. На

следующий день Исаев столкнул воинский эшелон с бронепоездом. Были выведены из строя два вагона и надолго загромождены пути.

1 декабря 1918 года на белогвардейском суде Т. А. Исаева защищали член Ашхабадского подпольного комитета Г. С. Кадыгроб и машинист Эськович, представитель рабочих депо. Обвинители – полковник Аса-нов и член Временного исполкома Смирнов – расцепили действия машиниста как злой умысел. Кадыгробу и Эськовичу удалось доказать, что крушение произошло не по вине подсудимого, машиниста опытного и аккуратного, а из-за несоблюдения правил техники безопасности самими военными (с бронепоезда «большая часть сигналов не подают»), а также из-за того, что паровоз по вине администрации не имел фонарей с цветными стеклами⁷⁹.

Белогвардейский суд приговорил Т. А. Исаева к двум месяцам тюремного заключения. Такой мягкий приговор по сути победа подпольной организации, которой удалось спасти своего члена от неминуемого расстрела.

Подпольщики всячески вредили белогвардейским властям. Начальник города выговаривал заведующему ашхабадской телефонной сетью П. К. Теплицеву «за плохую постановку дела на телефонной станции». В октябре-ноябре 1918 года останавливались двигатели на электростанции, обеспечивавшей энергией городскую типографию и телефонную станцию. Заведующий электростанцией видел в этом руку машиниста М. В. Тюганова, которого начальник города распорядился уволить, а Дружкин тут же упрятал в тюрьму.

С. И. Сунгуров, А. Е. Олифер и телефонист А. Фролов перерезали под Каахка телеграфные провода, разбивали изоляторы, выводя из строя линии связи белых. Часто рвались телеграфные провода между Ашхабадом и Гауданом, по которым англичане и белогвардейцы связывались с Мешхедом. Белогвардейская печать нередко информировала читателей: «Телеграммы из Мешхеда вследствие порчи телеграфной линии

редакцией не были получены». Сокрушался по поводу «злой работы» большевиков и начальник города Худоложкин⁸⁰.

Не без влияния подпольщиков наиболее сознательные рабочие саботировали приказы белогвардейского командования, под разными предлогами срывали доставку на фронт эшелонов с войсками и военными грузами, отказывались или уклонялись от ремонтных работ во фронтовой полосе. Так, помощник машиниста станции Мерв И. П. Мороз не захотел ехать на паровозе, отправляемом на фронт. В рапорте дежурного мервского депо от 15 ноября 1918 года с тревогой говорилось об острой нужде в паровозных бригадах, о машинистах Васильеве, Панюшкине, Иванове, Липине и других, отказавшихся от поездки или не явившихся па маневры. Вредили врагу и на его передовых позициях. Во время боя под Душа-ком Д. Семенов, начальник боепитания белогвардейской артиллерии, по своей инициативе распорядился доставить снаряды к бездействующей, поврежденной батарее⁸¹.

Саботировали и в глубоком тылу врага. Не без основания белогвардейская «Трудовая мысль» 4 августа 1918 года предупреждала: «В тылу наших войск имеются люди, которые не прочь услужить господам большевикам».

Антинародная политика белогвардейского правительства вызывала ненависть даже у людей, далеких от влияния большевистского подполья, толкала их на активные действия против врагов Советской власти.

Нелегальные и полулегальные методы борьбы – установление связей с другими большевистскими организациями, издание и распространение большевистской литературы, проведение агитационно-массовой работы, организация саботажа и диверсий – лишь часть многогранной деятельности большевистского подполья, направленной на укрепление партийных рядов, на подъем революционных сил. Как известно, па первых порах революционная активность рабочих масс, втянутых в провокационную игру буржуазных партий, несколько снизилась. Но по мере разоблачения

политики эсеров-белогвардейского правительства, активизации деятельности подпольных организаций, восстановления связей в подполье и между рабочими организациями росла политическая зрелость масс, их готовность бороться за Советскую власть. Такая ситуация требовала от подпольных организаций укрепления связей с рабочими массами, их сплочения вокруг большевиков, использования всех методов революционной борьбы, разумеется и легальных.

3. УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ С МАССАМИ

Примерно осенью 1918 года трудящиеся массы Закаспия убедились, что Временный исполком Фунтикова – это фикция, ширма, за которой творили свои чёрные дела буржуазия и белое офицерство. За спиной ашхабадского правительства, как стало известно позже, стояла черносотенная «Туркестанская военная организация», возглавляемая белогвардейским генералом Е. Джунковским. В буржуазных и офицерских кругах в открытую говорили о разгоне и аресте Временного исполкома и установлении военной диктатуры. Сбрасывали с себя мишуру реакционеры, лидеры буржуазных партий, трубившие на первых порах о демократии, о «власти Советов, но без отдельных личностей».

Правящие круги – английское командование, белый штаб, гражданские власти, главари буржуазных националистов – стали похожи на пауков в банке. Внешне все выглядело благопристойно: белогвардейское правительство славословило англичан-«защитников», Деникин производил Ораз Сердара [\[26\]](#) в генералы, а новоиспеченный генерал ловил взгляды Маллесона и от имени бухарского эмира преподносил матерому разведчику орден – Бухарскую звезду 1-й степени. На самом же деле лицемерили все, никто не верил друг другу. «Друзья» ждали удобного момента, чтобы прибрать власть к своим рукам. Англичане, пытаясь вырвать согласие на оккупацию Туркестана па 25 лет, плели сети интриг: заигрывали с буржуазными националистами, натравляли на них Временный исполком и белое офицерство, заверяя и тех и других в «дружбе и бескорыстии». А когда из Азербайджана на помощь ашхабадскому правительству прибыли войска белоказачьего полковника Бичерахова, то англичане не пропускали их через Красноводск. Там чуть не произошло столкновение. Вот тогда-то министр ашхабадского правительства Зимин, еще раз испытыв

«милость» оккупантов, жаловался «на хамское отношение Маллесона»⁸².

«Автономную» политику вел глава красноводского «стачкома» Кун, который без ведома ашхабадского правительства вступил в переговоры с англичанами и «позволил» им оккупировать Красноводский порт. Используя двойную игру оккупационного штаба, Кун ломал комедию, играя в «правителя независимой республики». И когда бывший цирковой борец задержал в Красноводске 65 вагонов хлеба, адресованных Ашхабаду, терпение фунтиковского правительства лопнуло: против Куна и Алания (начальник красноводской милиции) решили возбудить уголовное дело. Но это была буря в стакане – Кун и Алания, опекаемые интервентами, отделались лишь вызовом в Ашхабад⁸³.

Между тем в городах Закаспия не хватало хлеба. Власти снаряжали в аулы уполномоченных для заготовки продуктов, но они возвращались с пустыми руками. За хлебом выстраивались длинные очереди. Белогвардейский «Голос Средней Азии» 2 и 12 октября сетовал: «На базарах исчезло мясо... В лавках нет масла, мыла, спичек... Взамен сахара... грязный кишмиш. Поднялись цены на молоко... Город тонет во мраке...»

В Ашхабаде и других городах процветала спекуляция, бешено росли цены на продукты питания. Власти предпринимали отчаянные попытки, чтобы раздобыть хлеб. В ноябре 1918 года в Ашхабаде был созван продовольственный съезд. Но на нем не было ни одного туркмена. Так дайхане высказали свое отношение к белогвардейскому правительству, его политике.

Белогвардейские газеты конца 1918 года, в частности «Голос Средней Азии», пестрели выразительными заметками и объявлениями, воссоздающими картину тех дней и даже отражающими настроение населения. Здесь сообщения и о формировании русского отряда «под контролем английского командования»; и о преподавании «закона божьего» в гимназии; и о недовольстве служащих, учителей, требовавших

повышения зарплаты, не скрывавших, что при большевиках уделялось «серьезное внимание школе и на положение школьного деятеля»; и приказ красноводского «царька» Куна, запрещавший без ведома «правраскома» («правительственный распорядительный комитет» – так стал называться «стачком») созывать собрания.

В городах Закаспия упорно ходили слухи, что рабочим понизят ставки, что предполагается денационализация промышленности и восстановление дореволюционных порядков. Слухи, как правило, подтверждались. Фунтиковское правительство, обращаясь 27 июля 1918 года через газету «Трудовая мысль» к гражданам Закаспия, требовало уплатить недоимки по государственным и местным налогам за 1917 и 1918 годы – подоходному, поземельному, городскому и другим.

Эсеров-белогвардейское правительство шаг за шагом аннулировало завоевания Советской власти, возвращалось к старым порядкам. Буржуазные власти, едва прикрываясь покоробившимся фиговым листочком демократии, помогали своими действиями прозреть трудящимся. В июле, августе, а затем в декабре ашхабадское правительство в связи с поражением на Закаспийском фронте объявляло «общую», «срочную», «принудительную» мобилизации. Щедрые посулы и всяческие угрозы не дали ожидаемых результатов. Призывники, как русские, так и туркмены, не являлись на призывные пункты. Все мобилизации, несмотря на грозные предупреждения, с треском провалились.

В таких условиях подпольные организации Закаспия, чтобы активизировать массы трудящихся, укрепить связи с рабочим классом, широко использовали легальные возможности – различные организации и учреждения, особенно профсоюзы, где влияние коммунистов с начала 1919 года стало преобладающим. Этот метод легальной работы, как подтвердил опыт большевистского подполья, был наиболее действенным в борьбе за революционную мобилизацию масс, против белогвардейского правительства и английских интервентов.

Сила профессиональных союзов прежде всего в том, что они, объединяя рабочих многих предприятий, располагают широкими возможностями влиять на трудящиеся массы. Перед большевистским подпольем стояла сложная задача – возглавить профессиональные и рабочие организации, чтобы, как говорил В. И. Ленин, «уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности... уметь завоевать себе безграничное доверие массы...»⁸⁴.

К началу 1919 года профессиональные союзы Закаспия представляли собой довольно внушительную силу: Кизыл-Арватский Совет профсоюзов объединял 1750, Красноводский – 500, Ашхабадский – 4468 членов. Весьма многочисленным был союз печатников и кустарей, куда входили металлисты, портные, швейники и другие ремесленники. Уже в ноябре 1918 года подполье имело влияние на отдельные профсоюзы, в частности на союз швейников и его председателя Тимофеева, выполнявшего задания большевистской организации⁸⁵.

С печатниками, активно поддержавшими большевиков, ашхабадская подпольная организация более тесные связи установила с начала 1919 года.

Профсоюзы, руководимые большевиками и сочувствующими Советской власти рабочими, занимали независимую от правительства позицию. Например, как сообщил 21 декабря «Голос Средней Азии», собрание 16 представителей профессиональных союзов, организаций и учреждений Ашхабада, созванное по инициативе печатников 19 декабря, потребовало от белогвардейского правительства повысить ставки рабочим. В присутствии управляющего делами труда и социального обеспечения закаспийского правительства Курылева выступили представители профсоюзов, в том числе подпольщики П. К. Теплищев и Виноградов^[27]. Была избрана комиссия для разработки предложений по прибавке зарплаты. Примечательно, что собравшиеся не признали правомочным

«делегата» от почты, назначенного администрацией, кооптировав вместо него другого члена профсоюза, и предложили представителю правительства «издать приказ о недопущении вмешательства высшей администрации в права [профсоюзной] организации».

Союз печатников, объединявший наиболее организованных рабочих, доставлял белогвардейскому правительству немало хлопот забастовками, а иногда и революционными выступлениями на митингах и собраниях. Руководители союза, в частности В. Дедаев, умели постоять за любого члена организации, вовремя прийти на помощь своим товарищам. Так, в октябре 1918 года благодаря настойчивости печатников был освобожден из-под стражи уполномоченный красноводской типографии В. Маслов⁸⁶. Во главе союза стояли люди, сочувствовавшие большевикам, Советской власти. Они вели непримиримую борьбу с белогвардейским правительством [\[28\]](#).

Ашхабадскому подполью, на первых порах состоявшему в основном из железнодорожников, было важно взять под свое влияние профсоюз паровозных бригад, руководство которого стояло на эсеро-меньшевистских позициях. Особенно остро это выявилося, когда подпольной организации потребовались средства для оказания материальной помощи семьям скрывавшихся от ареста большевиков, для выпуска прокламаций, доставки бакинской газеты «Набат», распространения большевистской литературы на фронте.

Чтобы взять в свои руки руководство профсоюзом паровозных бригад, большевики предложили переизбрать его комитет, обосновывая это тем, что его члены на фронте. Подпольщики повели разъяснительную работу как в депо, так и среди рабочих одной из паровозных бригад, находившейся на фронте. К тому времени рабочие воочию убедились в предательстве эсеров и меньшевиков, якшавшихся с английским командованием. Лишь в большевиках трудящиеся увидели последовательных и подлинных защитников их политических и экономических интересов. «Поставлены были две кружки для

опускания голосов (бюллетеней. – Р. Э.), одна на фронте... одна в депо, – вспоминает Г. С. Кадыгроб. – Большинство голосов получила... подпольная организация»⁸⁷. Председателем союза паровозных бригад стал коммунист Г. С. Кадыгроб, секретарем – подпольщик И. К. Храбров.

Возглавив правление союза паровозных бригад, большевики, привлекая рабочих к делам профсоюза, оказывали влияние на них, спланировали их вокруг себя, повышали их политическую активность.

Коммунисты Кизыл-Арвата, занявшие с марта 1919 года руководящее положение в профсоюзах, использовали их для разоблачения предательской политики эсеров-белогвардейского правительства, для проведения в жизнь лозунгов большевиков. Правоэсеровская партия, пользовавшаяся в Кизыл-Арвате известным влиянием, вела себя изменнически, пыталась расколоть железнодорожных рабочих. Борьбу с политиканством эсеров вела подпольная организация, и особенно группа учителей Кизыл-Арватского начального училища во главе с большевиком Николаем Григорьевичем Ссориным^[29] и Сергеем Федоровичем Степановым (по убеждениям большевик), связанная и с подпольем Казанджика.

30 декабря 1918 года в Кизыл-Арвате было созвано собрание представителей профессиональных организаций и политических групп, на котором председательствовал С. Ф. Степанов. В повестке дня – текущий момент, организация Союза профессиональных союзов и другие вопросы. Докладчиками выступили ярые враги большевизма эсер Гаудиц и меньшевик Югатов^[30]. С присущим мелкобуржуазным лидерам фарисейством они разглагольствовали о Советской власти, о политике правых эсеров и меньшевиков, об Учредительном собрании и даже о Ленине. Но весь смысл речей сводился к поддержке Колчака, объявившего в Сибири свою диктатуру. Эти демагогические приемы весьма симптоматичны: интервенты и белогвардейщина неуклонно вели Закаспии к военной диктатуре.

На собрании развернулась острая дискуссия. Степанов, обвинив Югатова в двуличии, разоблачил лицемерие докладчиков. П. Н. Гаудиц и Л. И. Тифомиров в бессильной злобе донесли на С. Ф. Степанова и Н. Г. Ссори́на, обвинив их в «активном большевизме».

В постановлении судебного следователя военно-полевого суда белогвардейского правительства записаны показания Гаудица и Тифомирова, утверждавших, что в речах Степанова и в предложенной им резолюции выдвинуты следующие требования: «Немедленное прекращение войны на Закаспийском фронте; освобождение всех арестованных в Кизыл-Арвате большевиков; немедленный уход из Закаспия англичан; немедленный съезд представителей областных рабочих организаций для избрания нового правительства; немедленная отмена мобилизации». Тифомиров, верноподданнически усердствуя, показывал, что «на заседаниях профессиональных союзов Кизыл-Арвата Степанов открыто называл себя членом партии большевиков-коммунистов и внес резолюцию об удалении англичан с территории Закаспия, как мирового жандарма, и предлагал немедленно подать руку помощи чарджуйским братьям, причем цитировал помещенные в газете телеграммы из Германии об успехах партии «Спартак» и предлагал поддержать точку зрения Ленина...». Собрание, за исключением воздержавшегося Гаудица, единогласно приняло резолюцию: «В целях скорейшего осуществления задач трудящихся масс добиваться в области чисто рабочего правительства. Задачи его: 1) закончить войну; 2) освободить арестованных»⁸⁹.

Это была победа большевистского подполья, победа профсоюзов, рабочих, поддержавших линию коммунистов. В Союзе профессиональных союзов Кизыл-Арвата, объединявшем 17 организаций, коммунисты заняли руководящее положение. В него вошли Никита Бердин и в качестве товарища (заместителя) председателя Союза союзов Василий Гудсков, один из активных деятелей подпольной организации.

На следующий день белогвардейская контрразведка арестовала С. Ф. Степанова, Н. Г. Ссори́на и других учителей. В ответ учащиеся Кизыл-Арватского училища объявили забастовку. Через два месяца кое-кого из учителей освободили, судебный следователь вынес заключение о прекращении уголовного дела против Ссори́на и Степанова. Но власти не думали так просто расстаться со своими жертвами: освободив их из тюрьмы через полгода, Ссори́на в трехдневный срок выслали из области, а Степанова под конвоем отправили в Красноводск, чтобы сослать в Петровск-Порт (ныне Махачкала) ⁹⁰.

Г. С. Кадыгроб

Собрание, состоявшееся 30 декабря 1918 года, развернувшаяся на нем дискуссия, принятая явно большевистская резолюция, арест Н. Г. Ссори́на, С. Ф. Степанова и других, забастовка учащихся в их защиту, двуручническая позиция эсеров и меньшевиков – все это

разоблачило их как сторонников буржуазной демократии и в то же время как сторонников военной диктатуры. История с арестом учителей и иезуитская роль в том эсеро-меньшевистских деятелей, не брезговавших ничем, чтобы расправиться со своими политическими противниками, выразителями интересов рабочего класса, еще раз выявили истинное лицо агентуры буржуазии в рабочем движении.

О растущем революционном сознании трудящихся свидетельствуют собрания и митинги во многих рабочих организациях Закаспия. Используя их в интересах революционной борьбы, члены подпольных организаций постоянно находились в гуще масс, общались с народом. «Личное воздействие и выступление на собраниях, – писал В. И. Ленин, – в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности...»⁹¹

Н. Г. Ссорин

Большевистское подполье в своей повседневной работе стремилось использовать силу партийного слова, силу личного воздействия на рабочие массы. Пример тому – деятельность казанджикской подпольной организации, которая вела непримиримую борьбу с эсерами.

До августа 1918 года эсеры и меньшевики, как говорится, дудели в одну дуду. 120 казанджикцев ушли на фронт. 43 большевика или сочувствующих им были арестованы. Беспартийные массы колебались, приглядывались к новым властям; прислушиваясь к эсерам, они внимали и большевикам.

Большевики Казанджика, несмотря на обрушившиеся на них репрессии, принимали все меры, чтобы разоблачить эсеров и меньшевиков, бороться с их влиянием.

После поражения белых войск под Чарджуем обстановка складывалась в пользу большевиков, пыл добровольцев стал остывать, обманутые рабочие стали приходить в себя. А когда завязались бои под Каахка и Душаком, где советские войска проявили мужество и решимость очистить туркменскую землю от белогвардейцев и интервентов, на фронте осталось не более десятка казанджикцев. В августе, когда была объявлена принудительная мобилизация, большевистское подполье организовало выступления «добровольцев», бежавших с фронта. В сочетании с другими формами агитационно-массовой работы большевиков эти выступления произвели большое впечатление – рабочие Казанджика, несмотря на настояния «стачкома», категорически отказались идти на фронт.

Чтобы оказать давление на рабочих, Временный исполком командировал в Казанджик своих представителей – Архипова и Рытикова. Большевистское подполье предприняло меры, чтобы провалить планы белогвардейского правительства, не дать фронту людей. Члены подпольной организации получили наказ: на собрание приходить с семьями, привести с собой всех сочувствующих, знакомых и близких. Как и следовало ожидать, на собрании представители властей предложили подчиниться приказу. Один за другим выступили большевики, рабочие, члены подпольной организации, доказывавшие, почему трудящиеся не

хотят воевать. Они, как было условлено, спрашивали: почему «стачком» и администрация, посылая рабочих на фронт, сами туда не идут? Отмечалось также, что семьи мобилизованных материально не обеспечиваются, народ устал от братоубийственной войны, рабочим непонятны цели войны.

По настоянию собравшихся переизбрали «стачком», в который вошли один большевик и, за исключением одного, сочувствующие большевикам. Избрав «стачком», вновь приступили к вопросу о мобилизации. Члены нового «стачкома» решительно заявили: фронт рабочим не нужен, кто его открывал, тот пусть и воюет. Мы, мол, люди рабочие, и наше дело – трудиться.

Речи местных ораторов, особенно А. Демина, П. Васильева и других большевиков, встречались аплодисментами. Архипов, видя, какой оборот принимает дело с мобилизацией, пригрозил рабочим карательным отрядом, чем вызвал гневное возмущение собравшихся. Рабочие как один заявили: «Что хотите с нами делайте, а на фронт мы не пойдём!»

Собрание пришлось отложить. На другой день рабочие были так же непреклонны. Тогда представители властей собрали только тех, кто подлежал мобилизации, и наконец уговорили их. Каждому пообещали выдать вперед двухмесячное жалованье, обмундировать, выплачивать семьям убитых и инвалидам по 10 тысяч рублей единовременного пособия.

Почему же мобилизованные не настояли па своем? Участник этих событий подпольщик П. Васильев писал: «Архипов пригрозил рабочим карательным отрядом, который уже формировался в Кизыл-Арвате для посылки в Казанджик. Мобилизованные, получив обмундирование и жалованье, выехали из Казанджика, но заверили рабочих, что сбегут при первой же возможности»⁹². Вскоре так они и поступили.

Почти так же проходила мобилизация и в Красноводске. И здесь подпольная организация прилагала все усилия, чтобы сорвать отправку на фронт, использовать это мероприятие против самого белогвардейского правительства. По инициативе

большевиков рабочие настояли, чтобы Кун созвал общее собрание, которое должно было обсудить, выполнять или не выполнять решение правительства о мобилизации. Кун неохотно отдал такое распоряжение.

На многолюдное собрание, состоявшееся в железнодорожном клубе, большевики пришли с обдуманном планом действий. После Куна выступили подпольщики-рабочие. Они требовали немедленно вооружить рабочих, дав возможность противостоять произволу ашхабадских властей, а потом уже говорить о фронте.

Настроение у всех было возбужденное. Раздавались крики:
– Долой фронт!

На предложение Куна: «Кто за мобилизацию, тот на правую сторону, кто против – на левую!» – зал ответил свистом, криками:

– Долой Куна!

Кун уехал ни с чем, но на другой день в городе начались аресты, облавы. Было арестовано много железнодорожников.

Репрессиями, силой оружия белогвардейским властям удалось привести мобилизованных на вокзал. Но когда был подан поезд, то часть новобранцев вновь отказалась ехать, не садилась в вагоны, требуя, чтобы с ними ехала администрация. Их уговаривали целый день. Наконец Кун пригрозил английским карательным отрядом, за которым власти уже послали в иранский порт Энзели. Мобилизованные были вынуждены подчиниться⁹³.

Но белогвардейские планы насильственной мобилизации были заведомо обречены на провал. Это признавал и генерал Эрдели в секретной докладной па имя Деникина: «Попытка мобилизовать всех пригодных к военной службе дала только отрицательные результаты и помогла агитации большевиков... Большевики и их агенты не дремали, и пропаганда и агитация велись»⁹⁴.

Белогвардейский генерал невольно дал высокую оценку деятельности подпольных организаций, развернувших активную

агитацию среди рабочих, солдат, дайхан. И контрреволюционное правительство сразу же после августовской мобилизации с тревогой констатировало, что «дезертирство дошло до грандиозных размеров»⁹⁵.

Большую организаторскую работу провело подполье в целях освобождения политических заключенных. В этом отношении показателен опыт казанджикской подпольной организации. Чтобы добиться освобождения своих товарищей, подпольщики прибегли к помощи паровозного машиниста Зубарева, члена ашхабадского розыскного бюро, пользовавшегося большим влиянием среди эсеров, работавшего после переворота комендантом станции. Дело в том, что Зубарев приходился родственником большевику Тихонову, приехавшему в Закаспий в составе делегации наркома труда Туркестанской республики П. Г. Полторацкого. После убийства Полторацкого Зубарев освободил Тихонова из тюрьмы, взяв его на поруки. Тихонов, живший в доме Зубарева, оказывал на своего поручителя благотворное влияние. Со временем Зубарев из непримиримого врага большевиков стал их сторонником и защитником.

По инициативе большевиков в городе было созвано общее собрание рабочих и служащих, на котором после долгих дебатов с эсерами удалось добиться решения взять на поруки арестованных казанджикцев. Волю собрания поддержало и большинство членов вновь избранного Казанджикского исполкома во главе с Л. Афанасьевым [\[31\]](#). А. Зубарев, пользуясь своим положением, обратился во Временный исполком, который разрешил освободить арестованных. Так благодаря стараниям большевиков в ряды подполья влился новый отряд закаленных бойцов, испытавших ужасы белогвардейских застенков. Среди них было немало большевиков, в частности телеграфист Николай Иванович Кузнецов [\[32\]](#), секретарь продовольственного комитета, арестованный за агитацию против англичан⁹⁶.

Борьба подполья, требования рабочих организаций об освобождении заключенных вносили разлад в белогвардейский лагерь, порождали там трения. Дебатируя этот вопрос на

заседании Временного исполкома, его члены опасались, что освобожденные большевики развернут работу в тылу, где и без того «агитация уже ведется». Некоторые члены правительства вроде Зимина истерично восклицали: «Не давайте свободу для пропаганды большевизма». Об этом писал «Голос Средней Азии» 12 октября и 31 декабря 1918 года.

Подъем революционных настроений в рабочих массах, растущую силу и влияние большевистского подполья, его широкие связи выявил митинг, состоявшийся 31 декабря 1918 года в помещении ашхабадского клуба железнодорожников.

Еще накануне большевистский подпольный комитет созвал собрание, где было решено использовать предстоящи и митинг для разоблачения предательской политики эсеров-белогвардейского правительства, безропотно идущего на поводу у английских интервентов. Собрание выделило ораторов, которые должны были обратиться на митинге к железнодорожникам, городским рабочим, ко всем трудящимся Закаспия с призывом: выразить недоверие ашхабадскому правительству; прекратить братоубийственную войну; изгнать из Туркмении мировых разбойников – английские войска; открыть Закаспийский фронт и соединиться с частями Красной Армии, ведущими бои за освобождение трудящихся, за восстановление Советской власти. Собрание обязало всех членов подпольной организации явиться на митинг и, рассредоточившись среди собравшихся, вести агитацию против ораторов белогвардейского правительства.

С самого начала митинга настроение рабочих, с которыми уже вели беседы члены подпольной организации, было приподнятым, боевым. Выступивший на митинге глава белогвардейского правительства Фунтиков еще раз подтвердил свои верноподданнические чувства к английским колонизаторам, выразил свою звериную ненависть к большевикам, Советской власти и призвал рабочих «обсудить вопрос об усилении фронта и об окончательной победе над большевиками».

Зал освистал оратора. Со всех сторон раздавались возмущенные возгласы:

- Долой с трибуны!
- Да здравствует Советская власть!

Такой же «успех» имел и другой белогвардейский оратор, Дохов. Он также вынужден был покинуть трибуну под свист и улюлюканье рабочих.

Затем по поручению подпольной организации выступили В. Сердюков, И. Р. Зотов и Г. С. Кадыгроб. Выполняя наказ подпольной организации, они изложили большевистскую точку зрения, изобличили антинародную политику белогвардейского правительства, держащегося па штыках английских интервентов.

На митинге выступили также делегаты мервских рабочих, выразивших солидарность с революционными рабочими Ашхабада. Подавляющее большинство участников митинга встретило выступления большевистских ораторов овациями, и сотни голосов кричали:

- Долой правительство!
- Долой англичан – мировых разбойников!
- Да здравствует мир с ташкентскими большевиками!
- Да здравствует товарищ Ленин – вождь большевиков!

Члены белогвардейского правительства спешно ретировались из зала. Митинг избрал делегации к рабочим других городов Закаспия, которые должны были призвать своих братьев по классу присоединиться к революционным рабочим Ашхабада. Была избрана также делегация для поездки на фронт, чтобы обратиться к войскам с призывом не воевать против Красной Армии. Под конец митинга были приняты решения об освобождении из тюрем политических заключенных и об организации боевой дружины рабочих.

Однако белогвардейские правители не дремали: здание железнодорожного клуба, где проходил митинг, было окружено английскими войсками. Интервенты разогнали рабочих, арестовали многих участников митинга. Аресты и обыски продолжались и в последующие дни.

Осуществить решения митинга, конечно, не удалось. Но, несмотря на это, огромное значение имело дружное выступление рабочих, поддержавших большевиков – членов подпольных организаций Закаспия. Они открыто выразили недоверие белогвардейскому правительству, заклеили английских интервентов как мировых разбойников, призвали открыть Закаспийский фронт и соединиться с советскими войсками. Митинг еще раз выявил подлинное лицо белых властей, продемонстрировал солидарность трудящихся и подтвердил возросший авторитет большевиков в массах. Гневный протест рабочих масс показал действенность организационно-политической работы подпольной организации, ее легальных и нелегальных методов борьбы, используемых большевиками творчески, по-марксистски, в зависимости от сложившейся ситуации.

Фунтиков в своей докладной записке признавал гибкость большевиков, умевших искусно «портить кровь» врагам. «Они (большевики. – Р. Э.) делали всякие каверзы: то оборвут провода между Асхабадом и Гауданом, через которые мы усиленно переговаривались с англичанами... – писал он, – то вдруг фронтовики, несмотря на то что они накануне рвались скорее отъез-жать на фронт, ни с того, ни с чего требуют меня к себе на общее собрание. И вот изволь бросать... все насущное дело и приезжай к ним просто-напросто болтать. А болтовня эта заключалась в вопросе о том, что и сколько вы нам будете платить, а почему не гоните в первую очередь тех, которые совсем не были на войне, и т. д. и т. п. Все это было работой местных большевиков...»⁹⁸

Митинг 31 декабря и его разгон вооруженными интервентами были кульминацией революционной борьбы подполья в начальный период гражданской войны и прелюдией к разгону марионеточного фунтиковского правительства. Контрреволюционные силы, сбросив тесные для них одежки демократии, привели государственную машину к военной диктатуре, воцарившейся в Закаспии с января 1919 года.

Новые страдания и беды ожидали трудящихся Закаспия.

Глава II

БОРЬБА ПРОТИВ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЗАКАСПИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 ГОДА

Волнение рабочих Ашхабада не улеглось и 1 января 1919 года. Несмотря на строгий запрет фунтиковского правительства, они вновь собрались в том же железнодорожном клубе. Но митинг провести не удалось: здание окружили английские солдаты, начальник милиции Алания, угрожая применить оружие, потребовал немедленно разойтись¹.

В тот же день интервенты выставили усиленные наряды во всех правительственных учреждениях, в банке, на почте, на железнодорожном вокзале и в типографии, взяли под контроль все ключевые позиции города. 4 января «Голос Средней Азии», раболепствуя перед оккупантами, пытался оправдать их действия: «Такое положение явилось следствием большевистского выступления, ярко проявившегося на митинге... 31 декабря».

По воле английского командования было созвано внеочередное заседание «Совета управляющих» (исполнительный орган белогвардейского правительства), который объявил, что с 1 января он «в целом составляет свои полномочия». Распустили также и «законодательный» орган – Временный исполнительный комитет. На смену им пришел так называемый «Комитет общественного спасения» из пяти лиц: трех русских (Л. Зимин, А. Белов, генерал А. Крутень) и двух туркмен (полковник Хаджи Мурат и генерал Ораз Сердар). По настоянию английского командования в «Комитет» ввели и заведующего розыскным бюро С. Дружкина, человека, как характеризуют его члены белогвардейского правительства, весьма сомнительных качеств, рассчитывавшего с помощью англичан играть в области роль первого лица². «Фактически же власть находилась в руках англичан, – признавал позднее Ф. Фунтиков. – Комитет же общественного спасения играл роль пешки»³.

Создание такого «Комитета» – отнюдь не оригинальная находка контрреволюционных сил Закаспия. Белогвардейское правительство, прикрываясь новой вывеской, откровенно спекулировало революционными традициями, пыталось обмануть трудящиеся массы, передовые представители которых знали, что из себя представлял Комитет общественного спасения революционной Франции, возникший в 1792 году. Деятельность этого подлинно революционного органа известна благодаря блестящим именам врача и ученого Жан-Поля Марата, прославившегося другом бедняков, другом народа; мужественного борца за свободу, страстно ненавидевшего тиранию, яростного якобинца Жоржа Кутона, блестящего оратора Жоржа Дантона и других. С установлением во Франции якобинской революционно-демократической диктатуры (май-июнь 1793 года), которую В. И. Ленин охарактеризовал как «один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение»⁴, Комитет общественного спасения возглавил адвокат Максимилиан Робеспьер, человек проницательного ума, бесстрашный вождь революционного правительства, аскетически бескорыстный, прозванный в народе «Неподкупным». Его соратниками были Сен-Жюст, один из организаторов побед революционной армии над иностранными интервентами, и крупный математик инженер Карно, выдающийся организатор вооруженных сил республики, теоретик новой революционной тактики⁵.

Мы не случайно привели только шесть славных имен деятелей французской революции конца XVIII столетия – столько членов насчитывалось в закаспийском «Комитете общественного спасения», рожденном большой фантазией его отдельных членов. Перефразируя известное высказывание И. В. Сталина, сравнивавшего Гитлера с Наполеоном, скажем, что белогвардейский «Комитет» походил на Комитет общественного спасения революционной Франции «не больше, чем котенок на льва»⁶.

Революционный орган якобинской диктатуры, сочетая свою деятельность с широкой народной инициативой снизу, решительно боролся с внутренней контрреволюцией, направлял мощное движение масс на победу прогрессивных сил. Обладая почти неограниченными полномочиями, пользуясь доверием широких масс, он проявил исключительную революционную решимость, беспощадно боролся с иностранными интервентами. А тщедушный белогвардейский «котенок», наоборот, был органом военной диктатуры интервентов. Опираясь на контрреволюционные силы, он вел борьбу против трудящихся масс, стремился похоронить завоевания Советской власти, состоял в услужении и на содержании английских оккупантов.

Устранение эсеров и меньшевиков от власти, создание нового правительства, угодного интервентам, участвовавшие аресты рабочих и служащих означали установление в Закаспии открытой военной диктатуры английского командования. Здесь уместно вспомнить слова

В. И. Ленина: «На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению... Второй метод – метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»⁷

Ленинская оценка нашла полное подтверждение в политике проанглийского белогвардейского правительства Закаспия. И если метод «либерализма» был для него эпизодическим, и то лишь на первых порах существования Временного исполкома, то насилие стало постоянным методом правления, методом борьбы с трудящимися массами. «Либерализм» фунтиковцев израсходовал свои возможности и был сменен контрреволюционной диктатурой, совсем уже слабо замаскированной «под французскую революцию».

Первый обнародованный документ «Комитета общественного спасения» – приказ, запрещающий под страхом расстрела всякие собрания и митинги. Сбрасывало с себя белые перья черное воронье. Мервский уезд был объявлен на военном положении. По приказу правительства офицеры надели ненавистные рабочим золотые погоны, оставили в силе статут царского ордена святого Георгия. Снова, как при Николае Кровавом, представители буржуазии величали друг друга раздаренными царем титулами «надворный советник», «действительный статский советник» и т. д. Офицеры вновь обзавелись денщиками, па попойках горланили гимн «Боже, царя храни», провозглашали здравицу за нового «императора» Николая Николаевича. С 1 февраля народно-полевой суд реорганизовали в военно-полевой, а на его печати появилось изображение двуглавого орла⁸.

Во всех правительственных учреждениях воцарялась власть военных.

Фунтиковское правительство, стремясь показать свою «демократичность», объявило как-то о выборах в городскую думу. «Комитет общественного спасения» великодушно разрешил проведение агитации, но в основу положения о выборах взял... «городовое положение», разработанное давным-давно еще царскими властями⁹. Нетрудно представить, что это были за «выборы». Трудящиеся массы бойкотировали их. По сообщению «Голоса Средней Азии» от 21 января 1919 года, в Ашхабаде проголосовала лишь одна десятая часть занесенных в список избирателей. Так же прошло «волеизъявление» избирателей в Красноводске и Мерве.

Трудящиеся массы Закаспия, несмотря на грозные предупреждения правительства, опубликованные 3 января «Голосом Средней Азии», о том, что «всякие попытки к устройству беспорядков или выступления в пользу большевиков будут подавлены вплоть до применения вооруженной силы», решительно выступали против засилья военной диктатуры. Запрещение митингов и собраний вызвало широкую волну

протеста рабочих, особенно в профессиональных организациях. «Комитет», напуганный такой реакцией, пошел на попятную. Вскоре из Ашхабада во все города была отправлена телеграмма, разрешающая проведение собраний, но с оговоркой, что выступления на этих собраниях «в пользу большевиков и защиту советской власти» будут расцениваться преступными и «пресекаться по всей строгости существующего закона»¹⁰.

Но даже такой «либерализм» пришелся не по душе генералу Маллесону. В белогвардейском «Голосе» 9 марта появилось объявление английского командования, категорически запрещавшее под угрозой применения вооруженной силы проведение всяких собраний и демонстраций.

Интервенты бесцеремонно отменяли негодные им распоряжения «Комитета общественного спасения».

Областной съезд профессиональных организаций, состоявшийся в марте, принял резолюцию о свободе печати, слова, собраний и т. д. Это вынудило «Комитет общественного спасения» издать соответствующий документ, выражающий волю съезда. А на деле ни одна бакинская газета не имела права гражданства в Закаспии. Власти конфисковали их повсюду. «Так осуществляется одна из гражданских свобод», – иронизировала 30 апреля 1919 года бакинская газета «Заря».

Трудящиеся массы Закаспия оказывали врагам активное сопротивление. Под влиянием большевистского подполья насильно мобилизованные рабочие дезертировали с фронта, в тылу то и дело вспыхивали итальянские забастовки, железнодорожники умышленно задерживали поезда, портили паровозы, устраивали крушения, словом, делали все, чтобы ослабить белогвардейскую армию и ее тыл¹¹.

Новое правительство, стремясь «исправить ошибку» Временного исполкома, который, по заявлению Тиг-Джонса, будто бы недостаточно энергично действовал против большевиков, издало «закон о борьбе с большевизмом». Лицам, принадлежащим к партии большевиков или ведущим политическую работу в массах, грозили тюрьма, каторга или

смертная казнь. Теперь буржуазия уже без обиняков провозглашала свой лозунг: «Изгнание большевизма из России и доведение ее до Учредительного собрания». Вместе с тем «Комитет общественного спасения» пытался все же обмануть трудящихся, притушить нараставшую волну народного гнева, объявляя, будто «правительство уже приступило к освобождению своих политических противников»¹².

Это была явная ложь. Аресты, наоборот, участились. Бакинская «Заря» 30 апреля сообщала, что в Красноводск были произведены новые аресты рабочих, главным образом среди вернувшихся из ссылки в персидский порт Энзели. Безвинных людей хватала милиция и сыскное бюро, контрразведка «Комитета» и английский штаб, военное командование и нукеры буржуазных националистов. Штаб интервентов сам вел следствие или отдавал распоряжения об аресте неугодных лиц многочисленным карательным органам правительства. Расстрелы стали обычным явлением. Брали под стражу за все: «за неуважительное отношение» к начальству, опоздание из отпуска, «подозрительное поведение», даже за ослушание. В народе ходила меткая поговорка: «Дружкин удружит, а Крутень накрутит»¹³.

Не миновала волна репрессий даже столпов бывшего правительства – Фунтикова, Седых, Худоложкина и других, арестованных по распоряжению английского командования. Этих ярых врагов Советской власти заключили в тюрьму, конечно, не за революционные убеждения, а за «либерализм» в борьбе с большевизмом. Не пощадили военные диктаторы и Зими́на, министра иностранных дел, того самого Зими́на, который, лакейски угодничая перед англичанами, говорил: «Империализм английский и империализм германский – вещи разные. Лучше иметь дело с империализмом Англии, где живется гораздо свободнее, чем во Французской республике, чем с империализмом Германии, где режим равняется режиму Николая II»¹⁴.

Зими́на внача́ле вынудили подать прошение об освобождении от занимаемой должности. В тот же день, 14 марта 1919 года, в «Комитете общественного спасения» проштамповали вопрос «о конструкции власти в связи с выбытием из «Комитета» трех его членов – Л. А. Зими́на, С. Д. Дру́жкина и А. Г. Бело́ва» (об этом через два дня сообщил «Голос Средней Азии»). Формальным поводом для такого шага послужило «покушение» на Дру́жкина, совершенное перепившимися офицерами. На самом же деле англичан и черносотенное офицерство теперь раздражало новоиспеченное правительство, которое не оправдало надежд своих хозяев, не сумело, как писал Деникину генерал Эрдели, проявить ни власти, ни распорядительности, в результате чего войска находились в хаотическом состоянии, на объявленную мобилизацию явились всего... 17 человек, а рабочие были настроены пробольшевистски. Вот почему решили «взять весь край в военное управление, ликвидировать Комитет спасения, г-на Зими́на... за его участие в переговорах с большевиками арестовать и судить военно-полевым судом»¹⁵.

Виселица, сооруженная английскими интервентами под Кизыл-Арватом. 1918 год

Еще через два дня, 28 марта 1919 года, правительственный «Голос» оповестил, что военным министром назначен генерал-майор Лазарев, присланный деникинским штабом.

Между тем во многих странах мира поднималась волна протеста против английского империализма, оккупировавшего своими войсками чужие страны. Вывода оккупационных войск требовали трудящиеся Закавказья и Закаспия, преисполненные решимости любой ценой изгнать грабителей с родной земли.

В апреле 1919 года правительство Англии под давлением международной общественности и английских рабочих, требовавших прекращения интервенции, а также в результате разложения сипаев вынуждено было отозвать из Закаспия свои войска, оставив лишь в Красноводск небольшой гарнизон под командованием полковника Флеминга. На смену англичанам с Кавказа, от Деникина, шли подкрепления – эшелоны солдат и офицерских частей. Власть безраздельно переходила в руки белогвардейских генералов и офицеров¹⁶.

Офицерство и буржуазия с отчаянностью обреченных предавались пьяному разгулу. Разложение заметно коснулось этой опоры контрреволюции. Многие из них в публичных местах резко высказывали свое недовольство правительством и командованием. Дезорганизацию в ряды противника вносило и новое пополнение деникинской армии, состоявшее в основном из военнопленных, вчерашних красноармейцев. Они, выбирая удобный момент, переходили на сторону советских войск¹⁷.

Под ударами частей Красной Армии и красногвардейских отрядов белогвардейско-националистические банды, с упорными боями откатываясь па запад, оставили Байрам-Али, Теджен, Каахка. И все же контрреволюция, поддерживаемая деньгами и оружием английских империалистов, была еще сильна.

2. БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ И ПРОФСОЮЗЫ. ЗАБАСТОВКИ РАБОЧИХ

Как же строили свою работу подпольные организации и группы в пору разгула военной диктатуры интервентов и белогвардейщины? В чем большевики видели свои главные задачи?

Уже первые приказы «Комитета общественного спасения» были проникнуты тревогой по поводу активизации подполья, усиления влияния большевиков в массах трудящихся, распространения революционных идей.

Агитация за Советскую власть, как писал белогвардейский «Голос», велась «чуть ли не громогласно» среди рабочих, в общественных местах, среди солдат, в проходящих па фронт эшелонах. Для пресечения «пропаганды злонамеренных лиц» – большевистских агитаторов – власти предприняли ряд мер, начиная от введения военного положения, кончая объявлением драконовского «закона о борьбе с большевизмом».

Большевистское подполье и в пору разгула реакционной военщины одной из своих главных задач считало организационно-политическую работу среди трудящихся масс, особенно рабочего класса, самого передового, наиболее организованного класса. Опорой подпольных организаций и групп были железнодорожники (поначалу лишь некоторая часть), печатники, портовые рабочие и моряки Каспия, уже имевшие опыт революционной борьбы, почувствовавшие свои силы в классовых схватках, сорвавшие не одно мероприятие белогвардейского правительства. «Я знал, что красноводские рабочие в подавляющем большинстве настроены просоветски, – вспоминает один из участников профсоюзного движения того времени, К. В. Лейн. – Красноводский Совет профсоюзов был в основном из рабочих-железнодорожников и моряков. Состав был монолитным и явно просоветским, что чувствовалось из выступлений членов Совета»¹⁸.

Коммунисты, завоеывая в профсоюзах руководящее положение, превращая их в организации для развертывания политической агитации среди рабочих, понимали, что им предстоит сложная задача – помочь рабочим полностью освободиться от мелкобуржуазного влияния (в частности, кизыл-арватцам, которые вплоть до середины 1919 года находились под заметным влиянием эсеровских идей).

Белогвардейские правительства, чтобы иметь влияние в массах, официально профессиональные организации не запрещали. На первых порах они даже заигрывали с ними, хотя это нисколько не мешало белым правителям издавать приказы о запрещении собраний и митингов, арестовывать и ссылая профсоюзных активистов, не выполнять справедливых требований рабочих организаций.

Как же разворачивалась борьба за профсоюзы, как большевики, наладив в невероятно сложных условиях подпольную работу, сумели укрепить свои позиции в профессиональных организациях?

В феврале стачком Ашхабадского союза печатников объявил забастовку и призвал все профессиональные союзы области поддержать его. Определенная часть этого союза, известная своей революционностью и связями с большевистским подпольем, уже однажды объявляла забастовку и не дала правительству типографских работников для отправки на фронт, принимала активное участие в организации и проведении митинга 31 декабря 1918 года. На этот раз печатники заявили, что не станут работать, пока правительство не удовлетворит их требование об увеличении зарплаты. Номер газеты, извещавший о забастовке, власти конфисковали, а эсеры и меньшевики вместе с «Комитетом общественного спасения» предприняли все, чтобы забастовку не поддержали железнодорожники и другие рабочие ¹⁹.

Типографские работники на случай арестов избрали еще два запасных состава стачкома. Основной состав-председатель В. П. Дедаев, его заместитель С. К. Таланин, секретарь И. С.

Копьев – на своем первом заседании с участием металлистов, электриков, почтовых работников и других представителей рабочих и служащих Ашхабада доложил план забастовки, который был единодушно одобрен.

Работа в ашхабадских типографиях остановилась, рабочие разошлись по домам. На следующий день – та же картина, но остальные союзы, в том числе и железнодорожников, бросить работу не решились: сказывалось влияние эсеровских элементов, пока имевших среди рабочих известный авторитет. Членов стачкома вызвали в «Комитет общественного спасения», предложили встать за станки, но печатники были тверды. Правда, работники электростанции поддержали бастующих – вечером не дали городу свет, по электриков арестовали и под угрозой оружия заставили запустить агрегаты станции ²⁰.

Отряд интервентов во главе с начальником милиции Алания арестовал членов стачкома. 13–14 февраля «за агитацию к забастовке» заключили в тюрьму десять печатников, среди них – председателя союза Виктора Прохоровича Дедаева, Ивана Николаевича Листкова (большевик), Василия Яковлевича Агеева, Межлума Самедова, Александра Александровича Белина. Наиболее активным рабочим пришлось скрываться в одном из ближайших к Ашхабаду сел в доме туркмена по имени Ашир (фамилия неизвестна).

На смену арестованному стачкому заступил запасной, и забастовка продолжалась. Новый стачком по рекомендации подпольной организации командировал Я. Варламова и А. Шардукова в Кизыл-Арват, надеясь заручиться там поддержкой рабочих (в Ашхабаде было известно, что почти весь тамошний актив, состоявший из правоэсеровских и сочувствующих им элементов, ушел в белую армию). Но оказалось, что в Кизыл-Арвате о забастовке печатников ничего не знали: в Ашхабаде газета была конфискована, а попавшие сюда экземпляры умышленно припрятаны. Многие рабочие Главных железнодорожных мастерских, перед которыми выступили

ашхабадские посланцы, сочувственно отнеслись к забастовке печатников, однако против них рьяно выступили правые эсеры.

Рабочие Кизыл-Арвата все же прислали в Ашхабад свою делегацию, и она обещала поддержать забастовку печатников. Но на деле этого не произошло. Правда, стачкому печатников не без участия большевиков-подпольщиков, следивших за действиями забастовщиков, помогавших им советами, удалось собрать заседание членов руководящего органа профсоюза железнодорожников Ашхабада с участием представителей Кизыл-Арвата²¹. Было решено – об этом сообщил даже «Голос Средней Азии» 20 февраля – созвать 23 февраля общее собрание железнодорожных служащих Ашхабада с участием представителей кизыл-арватских мастерских и правительства, чтобы обсудить вопрос о прибавке зарплаты.

Правительство, обеспокоенное выступлением печатников, было вынуждено собрать рабочих. На собрание пришли Зимин, Дружкин, Алания. Обвинив бастующих в пособничестве большевикам, в проведении их линии, они начали уговаривать рабочих встать за станки. Забастовщики поставили условия: освободить стачком и всех арестованных печатников, прибавить зарплату. После долгих речей печатников и членов правительства, прерываемых ропотом рабочих: «Неправильно! Довольно!», представители властей решили удовлетворить требования бастующих. Это была победа.

Но победа, к сожалению, неполная. К забастовке большинство рабочих области отнеслось безучастно, не поддержало ее. Эсерам, имевшим заметное влияние па железнодорожников и других рабочих, па этот раз удалось расколоть трудящихся, смазать обсуждение вопроса о забастовке. Еще в те дни кизыл-арватский токарь И. Захаров (член партии эсеров), раскусивший продажность эсеровских лидеров, не поддерживавших забастовку, говорил большевикам-подпольщикам: «Обманули нас наши вожаки. Правы были вы, большевики, когда нас предупреждали»²².

Забастовка типографских рабочих не стала всеобщей и потому, что союз печатников, объединявший и куста-рей-металлистов (жестянщиков, лудильщиков и др.), портных, швейников и прочих ремесленников, был классово неоднородным. Ремесленники в силу своей классовой ограниченности были сильно подвержены, особенно в условиях Ашхабада, мелкобуржуазному влиянию, частнособственнической стихии. Ремесленники тогда имели многочисленных подмастерьев, помощников мастеров, подавляющее большинство которых мечтало о своем «деле», стать мастерами-хозяевами. О политической сознательности этой категории рабочих, понятно, не приходится и говорить.

И все же забастовка печатников, носившая сначала экономический характер, выросла в политическое событие, хотя в ней мало участвовало организованных революционных сил. Она вылилась в «протест против существующей власти», признавал 20 февраля белогвардейский «Голос». У власти сложилось мнение, «что кто-то желал... нарушить нормальный ход жизни, помешав печатанию денег и газеты, и нанести удар в спину правительству, борющемуся с большевиками... подготовить почву для восстановления совдепии». Еще через три дня газета констатировала, что большевистские агитаторы работают во всех слоях общества – среди рабочих, военных, служащих, и как результат этого отмечала «ослабление авторитета правительства».

Из выступления печатников правительство извлекло урок. Ему стало известно, что ашхабадский Совет профсоюзов, объединявший 35 союзов и организаций, насчитывавший в своих рядах около 5 тысяч членов, намеревается явочным порядком созвать областной съезд. «Комитет общественного спасения» предпринял контрмеры – взял на себя инициативу созыва съезда и разослал об этом по всей железной дороге телеграммы. Совет профсоюзов также изменил тактику и сделал все для того, чтобы на съезд съехалось как можно больше представителей трудящихся масс. Правительство же чтобы обеспечить себе перевес в голосах, пригласило на профсоюзный съезд угодных

ему представителей от городских самоуправлений Ашхабада, Кизыл-Арвата, Мерва, Красноводска, причем представительство их было явно завышенное²³.

«Комитет общественного спасения», решившись на созыв областного съезда профессиональных союзов и городских самоуправлений, тщетно пытался поднять свой весьма призрачный престиж, направить рабочее движение по соглашательскому руслу, а главное, стремился удержать разбегающихся с фронта русских рабочих и туркмен. И все же, несмотря на заранее отрепетированный «спектакль» и долгие речи его «режиссеров» – Крутеня, министра труда Сейранянца, председателя съезда полковника Джаврова, красноводского «царька» Куна, буржуазных националистов Хаджи Мурата, К. Бердыева и других, съезд не оправдал их надежд.

Совет профсоюзов предложил повестку дня: о политической свободе; об освобождении политических заключенных; об улучшении экономического положения трудящихся; реконструкция правительства и отдельных ведомств [\[33\]](#). Съезд большинством голосов утвердил эту повестку. На съезде изобличалась диктаторская политика «Комитета общественного спасения» и английского командования, которые, наложив запрет на всякие собрания, пытались задушить профсоюзное движение, помешать объединению рабочих организаций²⁴.

С представителями рабочих Кизыл-Арвата произошел скандал. Печатники-большевики сообщили им, что за их спиной местные эсеровские лидеры сговорились с правительством выделить для фронта 300 кизыл-арватцев. И это было действительно так²⁵. Когда члены белогвардейского правительства, взявшие в свои руки бразды правления съездом, завели речь об усилении фронта новым подкреплением, кизыл-арватцы попросили слова для заявления. Им трижды отказывали. Наконец один из делегатов, перебив председателя съезда, заявил:

– Мы, рабочие, представители кизыл-арватских мастерских... видим, что нам с этим съездом не по пути – мы

уходим! – И делегаты Кизыл-Арвата покинули зал заседания ²⁶.

Это была пощечина правящей верхушке съезда, возлагавшей надежды на Кизыл-Арват – былой оплот эсеров и меньшевиков, откуда правительство черпало и рассчитывало получить новое пополнение для редющих рядов белого фронта.

В политической сводке белого командования отмечалось, что в выступлениях на съезде шла речь и о критическом положении на фронте, и о том, что «почти все военные силы на фронте оказались в руках туркмен (буржуазных националистов. – Р. З.), насчитывающих 4000 бойцов при 70 русских» (сюда, конечно, не входили отряды английских интервентов). Это обстоятельство немедленно выявило противоречия между белогвардейщиной и буржуазными националистами. Их «дружба», как и следовало ожидать, дала еще одну трещину. «Туркмены (буржуазно-националистическое отребье. – Р. Э.) на съезде стали требовать большего числа мест в Комитете, чем было предоставлено русским, – говорилось далее в политической сводке, – и тут впервые открыто возник вопрос о самостоятельности отдельных политиканствующих туркменских групп» ²⁷.

К неудовольствию организаторов съезда пришлось обсуждать и вопрос об освобождении политических заключенных, которые в знак протеста объявили голодовку. Было оглашено письмо арестованных, требовавших освободить всех без исключения. Разумеется, здесь не обошлось без влияния большевистского подполья, имевшего связь с ашхабадской областной и другими тюрьмами, проводившего активную политическую работу среди заключенных и охраны.

В те дни профсоюзы мастеровых и рабочих депо Красноводска, Главных мастерских Кизыл-Арвата, а также рабочих Казанджика и Джсбсла на своих собраниях требовали от властей немедленно освободить арестованных²⁸. Эта политическая кампания, руководимая большевистскими подпольными организациями, была важна не только тем, что

могла обеспечить освобождение заключенных, в большинстве своем коммунистов, советских работников, рабочих, сочувствовавших Советской власти, но и тем, что могла стать своего рода школой политического воспитания трудящихся, подготовкой такого массового движения, которое свергло бы контрреволюционное правительство.

Правительство, опасавшееся крушения своей власти, было вынуждено разослать по железнодорожной линии всем председателям профсоюзов телеграмму следующего содержания: «Съезд профессиональных союзов и городов постановил освободить теперь же всех заключенных политических, коим не предъявлено обвинение. Постановление это принято Комитетом спасения и приводится в исполнение. Голодовка прекратилась с воскресенья»²⁹.

Из-под ареста освободили 72 человека, но еще много рабочих и среди них большевиков томилось в заключении.

Само белогвардейское командование не скрывало, что «большевики вполне открыто работали на съезде». Белогвардейская контрразведка, располагая сведениями об активной работе подполья, не без основания считала, что на «съезде появятся и возьмут верх большевистские настроения»³⁰. Хотя такие настроения охватили значительную часть делегатов, большевики все же не смогли в достаточной мере использовать трибуну съезда. Сказалась не только слабость подполья, разрозненность революционных сил, но и двурушничество эсеров и меньшевиков. Но съезд обнаружил весьма примечательное явление: в народе назревала ненависть к белогвардейцам и интервентам, на глазах шел процесс полевления масс, даже тех элементов, которые на первых порах ратовали за эсеровское правительство, способствовали его приходу к власти.

Областной съезд профсоюзов, созданный по воле правительства, превратился в грубый фарс, ставший финальной сценой игры в демократию. «Комитет общественного спасения», окончательно убедившись, что свои-

Мы силами не сдержать фронта, не справиться с нарастающим движением масс, возопил о помощи. В Закаспий приехал посланник Деникина генерал Лазарев, с Кавказа стали прибывать воинские части. Положение на белом фронте несколько улучшилось.

Такой оборот событий вызывал настоятельную необходимость усиления деятельности большевистского подполья, сплочения трудящихся вокруг партии. Для этого нужно было шире использовать легальные возможности. Большевики на практике убедились, что при умелой постановке дела профсоюзы можно превратить в опорные базы для развертывания массово-политической работы среди трудящихся, использовать их для нелегальных связей, явок подпольщиков и т. д.

3. СВЯЗИ С БАКУ

Большевистское подполье Закаспия, оторванное от Центра, возлагало надежды на революционный бакинский рабочий класс и его авангард – коммунистов, выдержавших испытания в горниле классовых схваток. В них трудящиеся туркменской земли видели своих братьев по классу, готовых протянуть руку помощи, поделиться богатым революционным опытом, объединить усилия трудящихся, живущих по обе стороны Каспия, в борьбе против интервентов и буржуазных правительств.

Закаспийские подпольщики, заняв в профсоюзах руководящее положение, установили связь с Рабочей конференцией – легальной организацией, использовавшейся Бакинским комитетом большевиков в политической борьбе против английских оккупантов и буржуазного правительства Азербайджана. Конференция, являясь постоянно действующим представительным органом рабочего класса, пользовалась большим политическим авторитетом, была, по выражению С. М. Кирова, «рабочим парламентом».

10 января 1919 года рабочие Красноводска написали коллективное письмо Рабочей конференции. Его нельзя читать спокойно. В нем рассказывалось о режиме грубого насилия, установленном в Закаспии оккупантами и белогвардейцами, о частых арестах не только большевиков, но и беспартийных и даже меньшевиков. «Деспотизм настолько жесток, что даже при Николае 2-м этого не было. У нас не только какие-нибудь собрания, только скажи одно слово о них, ну и арестован, если не больше... Свобода затоптана, арестованные отправлены в Энзели, а сотни их детей обречены на голодную смерть» [\[34\]](#). Красноводские рабочие просили Рабочую конференцию помочь им прислать в Закаспий делегацию³¹.

19 января это письмо было зачитано на заседании Рабочей конференции. Участники заседания с сочувствием отнеслись к

просьбе своих братьев по классу. Вскоре по поручению Рабочей конференции в Красноводск выехала делегация – В. Г. Пронин (меньшевик, впоследствии ставший коммунистом), Жигайлов (эсер) и М. Г. Плешаков (большевик) [\[35\]](#), выдвинутый Бакинским подпольным комитетом партии.

Делегация бакинцев, встречавшаяся в Красноводске с рабочими депо, убедилась не только в произволе властей, установивших драконовский режим, но и в активной деятельности большевистского подполья, державшего в страхе даже садиста Куна, усиленно охраняемого английским отрядом и националистическими наймитами³².

23 февраля 1919 года состоялось заседание Рабочей конференции с участием 282 представителей профессиональных организаций Баку, а также рабочих делегаций из Красноводска, Петровск-Порта и Дербента. Собрание, выслушав доклады делегатов о положении арестованных, о работе профессиональных союзов и рабочих организаций, поручило президиуму Рабочей конференции «сделать представление властям о невыносимом положении трудящихся в Закаспии, Горской республике и необходимости принятия немедленных мер для улучшения экономического и правового положения». Рабочая конференция, выражая мнение Бакинского комитета большевиков, заверила приехавшие с мест делегации, что бакинский пролетариат в случае надобности окажет своим собратьям по классу помощь не только словом, но и делом. Большинство голосов было решено «настоять перед генералом Томсоном о переводе арестованных с судов и жен большевиков в г. Баку»³³.

А. И. Микоян, описывая события тех дней, вспоминает, что посланцам Закаспия на заседании Рабочей конференции предоставили слово. «Они приветствовали конференцию, выражая свое восхищение героической борьбой бакинских пролетариев, и заявили о солидарности закаспийских рабочих с этой борьбой, – пишет он. – Вместе с тем они высказали просьбу, чтобы Рабочая конференция, используя свое влияние,

обратилась к английским оккупационным властям с требованием об освобождении из закаспийских тюрем содержащихся там рабочих-революционеров»³⁴.

Как пишет далее А. И. Микоян, Рабочая конференция, угрожая всеобщей политической забастовкой, настойчиво потребовала от английского командования освободить всех политических заключенных из тюрем Энзели, Красноводска, Кизыл-Арвата и Ашхабада. После долгих переговоров, длившихся около двух недель, английское командование было вынуждено освободить всех политических узников и передать их бакинской Рабочей конференции.

Поддержка бакинцев вдохновила трудящихся Закаспия. От всех профессиональных организаций властям поступали настойчивые запросы о судьбе политических заключенных и о причинах их ареста³⁵.

Связи с Баку, поддержка его революционных организаций привлекли к Закаспию внимание всех трудящихся Закавказья. Более того, решительные действия бакинских профсоюзов, где той задавали большевики, были наглядным уроком пролетарской солидарности, позволили воочию убедиться, что могут свершить сами рабочие, если они объединятся и сплоченно выступают против контрреволюционных сил.

Ярким примером политической борьбы, руководимой большевиками, стремившимися превратить профсоюзы в свою надежную опору, сделать их верными проводниками политики партии, явился съезд профсоюзов Кавказа и Закаспия, состоявшийся в Баку 7—15 апреля 1919 года^[36]. На съезд прибыли делегаты профессиональных организаций Северного Кавказа, Дагестана, Закаспия и представители ряда профсоюзов Грузии. Большевики Азербайджана, имевшие большое влияние в профсоюзах, послали на съезд свои лучшие силы, чтобы провести его под лозунгом восстановления единого пролетарского фронта и борьбы против наступления контрреволюции³⁶.

От Закаспия в работе съезда участвовали 12 делегатов: из Кизыл-Арвата – 6, из Ашхабада – 3, из Красноводск – 3^[37]. Они представляли почти 7 тысяч членов профессиональных союзов. О предстоящем съезде оповещались профсоюзы Мерва, Кушки, Байрам-Али, по из-за преследования белых властей оттуда никто не сумел приехать.

Профсоюзные организации Ашхабада представляли: Сидоров – председатель Совета профсоюзов, беспартийный, 37 лет, служащий; Сергеев – телеграфист, беспартийный, 51 года; Хлусов – работник областной продовольственной коллегии, беспартийный, 29 лет; Кизыл-Арвата: Станислав Томчак – литейщик Главных мастерских, беспартийный, 29 лет; Федор Важев – кондуктор, беспартийный, 44 лет; Георгий Мельнов – телеграфист, беспартийный, 25 лет; Павел Панкин – токарь, вероятно, большевик, 32 лет; Василий Гудсков – токарь Главных мастерских, большевик, 39 лет, заместитель председателя Союза профсоюзов, известный как один из руководителей большевистского подполья; Никита Вердин – слесарь, большевик, 37 лет, один из руководителей Союза профсоюзов; Красноводска: Сергей Кривоносов – печник, большевик, 31 года; Иван Бабанин – стрелочник, большевик, 39 лет; Николай Курочкин – слесарь, большевик, 45 лет. Все они занимали в профсоюзе железнодорожных рабочих руководящее положение³⁷.

Как видно, подавляющее большинство делегатов составляли рабочие, половина из них – большевики, выражавшие настроения революционных масс Закаспия. Такой состав делегации был одной из причин отказа грузинских меньшевиков участвовать в работе съезда. «Истинной подоплекой такой позиции, – вспоминает А. И. Микоян, – было стремление избавиться от делегатов профсоюзов Закаспия и Дагестана, про которых было известно, что они настроены пробольшевистски»³⁸.

С яркими обвинительными речами, изобличающими антинародную политику контрреволюции, выступили

большевики С. Кривоносое и Н. Бердин. Протоколы съезда свидетельствуют, что они гневно осуждали раскольническую политику эсеров и меньшевиков, обманом вовлекших в авантюру против Советской власти часть рабочих и помогавших властям сформировать из кизыл-арватцев белые отряды. Но, заявил Бердин, «теперь весь пролетариат откачнулся от них и сказал: вы вели нас в пропасть».

Делегаты Закаспия рассказали съезду о бесправном положении профессиональных союзов, рабочих организаций, всех трудящихся края, где воцарилась диктатура интервентов, а «Комитет общественного спасения» «выявил себя полным самодержцем», запретил созывать общие собрания рабочих, а если и разрешал, то с издевательским предупреждением: «Можно говорить, сколько стоит фунт семечек, по о политической жизни – ни слова».

Когда Никита Бердин зачитывал съезду наказ рабочих Главных мастерских Кизыл-Арвата, ему из зала задали вопрос:

– А вас там не повесят?

– Да, – ответил Бердин с горькой иронией. – Это они сумеют сделать ³⁹.

Зачитывая наказ, Бердин горячо комментировал каждый его пункт, излагая большевистские взгляды.

В оглашенном на съезде заявлении делегатов Закаспия отмечено, что «Комитет общественного спасения» не выполняет решение областного съезда профсоюзов об освобождении политических заключенных. Делегаты просили съезд «реагировать на такое возмутительное насилие над нашими товарищами». В принятой большинством голосов резолюции говорилось, что съезд «самым решительным образом протестует против насилий, чинимых над... политическими арестованными Закаспия, Энзели и томящимися до сих пор без предъявления обвинений, и требует их немедленного освобождения». Участники съезда обязали вновь избранное руководство профсоюзов предпринять практические шаги по освобождению заключенных товарищей ⁴⁰.

По многим вопросам съезд принял резолюции, предложенные большевиками. Исходя из того, что Закавказье и Закаспий находились во власти интервентов и буржуазных правительств, съезд поставил перед профессиональным движением основные задачи: «а) революционная борьба профсоюзов и тесное объединение со всеми пролетарскими организациями; б) непосредственная политическая борьба за диктатуру пролетариата, за Советскую власть...» По предложению коммунистической фракции, в резолюции было записано: «Объединение Закавказья, Закаспия и Дагестана возможно лишь путем восстановления Советской власти в пределах указанных областей, формирующихся с Российской Советской Социалистической Республикой». Перед профсоюзным движением ставилась ясная цель: «Через диктатуру пролетариата – к социализму!»⁴¹

Съезд избрал Краевой центр профсоюзов Закавказья, Дагестана и Закаспия, где в большинстве оказались большевики. От Закаспия был избран большевик Никита Бердин⁴².

Таким образом, съезд, поддержавший линию большевиков, стал той важной ареной, с которой они разъясняли пролетариату задачи по борьбе с контрреволюционными силами, изобличали двурушническую политику эсеро-меньшевистских лидеров, вносивших разлад в рабочее движение, призывали профессиональные союзы и другие рабочие организации к завоеванию политических прав, а конкретно – к борьбе за диктатуру пролетариата.

Дальнейшие события в Закаспии покажут революционизирующую силу решений съезда, подкрепленных организаторской и массово-политической работой большевистского подполья. Коммунисты, сосредоточивая в своих руках руководство профсоюзами, поведут активную борьбу против агентуры буржуазии в революционном движении, мобилизуют трудящиеся массы на активные политические выступления.

Уже в апреле, вскоре после съезда профсоюзов, по Закаспию прокатилась волна протестов. В Красноводск объединенный комитет профессиональных союзов потребовал освободить политических заключенных из тюрем Красноводска и Энзели. Объявили забастовку железнодорожники Казанджика, которыми руководил стачечный комитет во главе с председателем профсоюза Л. Афанасьевым, к тому времени полностью перешедший на политическую платформу большевиков.

Утром 27 апреля гудок созвал рабочих и служащих поселка в железнодорожный клуб. Здесь казанджикские подпольщики П. Васильев и Е. Ф. Пашетных в своих выступлениях клеймили позором предателей рабочего класса – эсеров и меньшевиков и стоящие за их спиной силы внешней и внутренней контрреволюции. Яркую речь произнес Л. Афанасьев. Под бурные аплодисменты собравшихся он заявил, что преступно молчать, когда в тюрьмах томятся братья по классу, и потребовал от правительства немедленного освобождения всех политических заключенных. О своем решении – прекратить движение поездов (за исключением пассажирских), пока не будут удовлетворены требования бастующих, – казанджикцы разослали телеграммы во все профессиональные союзы, а также «Комитету общественного спасения».

По планам большевистского подполья забастовку железнодорожников Казанджика должны были подхватить рабочие Кизыл-Арвата во главе с В. Гудсковым. Но и здесь изменническую роль сыграли эсеры и меньшевики [\[38\]](#). Зная о решениях бакинского съезда профсоюзов, они организовали в Кизыл-Арвате большой добровольческий отряд, который расставили по всему городу, чтобы не допустить выступления рабочих. Для устрашения большевистски настроенных рабочих в Казанджик из Ашхабада срочно прислали «чрезвычайный» отряд во главе с офицерами контрразведки, которые вначале арестовали большевиков, рабочих, а затем и эсеро-меньшевистских лидеров⁴³.

Так белогвардейщина восстанавливала против себя даже своих единомышленников, изолировалась почти от всех слоев общества.

Но наиболее оголтелые эсеры и меньшевики, скатившиеся в болото реакции, не унимались. На первомайскую демонстрацию 1919 года, организованную большевистским подпольем Ашхабада, контрреволюционные силы ответили враждебной антиманифестацией. Примечательно, что в то время, когда соотношение сил менялось в пользу большевиков, росла сознательность народных масс, внутренняя контрреволюция все чаще оказывалась в обороне. Даже несмотря на разобщенность действий рабочих Закаспия, наступающей стороной уже становились революционные массы, руководимые большевиками. Наглядное тому доказательство – майский митинг в Ашхабаде и другие выступления рабочих.

Белогвардейское правительство, открыто прибегая к услугам эсеро-меньшевистских лидеров, к тому времени выпустило на волю Фунтикова и его сподручных. Действуя по инструкции своих хозяев, верный себе, экс-глава бывшего правительства призывал на митинге рабочих отказаться от намерения освободить из тюрем арестованных, поносил большевиков, которые совершали диверсии, открыто призывали ликвидировать фронт. Его поддержал Зимин. Но подпольщики – смазчик Щеглов, машинист П. Акимов – дали достойную отповедь белогвардейским ораторам:

– Говорите о пролетарском празднике, а у самих рабочие сидят в тюрьме!

По поручению И. А. Кукаева и В. К. Кулешова на митинге должен был выступить и И. К. Храбров. Но слова ему не дали. Тогда он подал в президиум лист с большевистской резолюцией. Зимин вырвал бумагу из рук председательствующего, вслух ее прочесть не решился и только раздраженно сказал:

Вот из-за таких типов... пришлось отдать англичанам в уплату за помощь Закаспийскую область на 16 лет⁴⁴.

Группа ашхабадских подпольщиков.

Слева направо в первом ряду: Г. С. Кадыгроб, И. А. Кукаев, П. Ф. Панькин, М. Кулиев, М. М. Дулин.

Во втором ряду: Н. Н. Малинина, А. Кукаев (сын И. А. Кукаева). Между 1925–1928 годами

Это демагогическое заявление опытного политикана Зимина было рассчитано па то, чтобы оправдать оккупацию англичанами Красноводска и почти всего Каспийского побережья, обвинить в том большевиков, обмануть трудящихся. И впрямь – с больной головы па здоровую!

В гражданскую войну, явившуюся суровым испытанием классовой интернациональной солидарности пролетариата, бакинские рабочие еще не раз оказали серьезную помощь трудящимся Закаспия. В конце апреля – начале мая командование интервентов решило отправить из Баку в Красноводск для белых 28 пароходов с вооружением и нефтепродуктами. Бакинские моряки наотрез отказались

выполнить приказ англичан. На переговоры в президиум Рабочей конференции пришел капитан Вольтон, который категорически потребовал от Ф. К. Губанова (большевик, погиб в 1919 году) и Л. И. Мирзояна (большевик, член Бакинского Совета третьего созыва), чтобы они приказали матросам выйти в море. Естественно, англичанина спросили, чем гружены пароходы.

– Медикаментами, – последовал лживый ответ.

– 28 пароходов медикаментов хватит на всю Россию, – сказал большевик Л. Гогоберидзе, военный работник Бакинского комитета партии.

Тогда Вольтон заявил, что им нужно отправить еще и другие предметы. Ему сказали, что пароходов не дадут, так как прекрасно понимают, что англичане хотят отправить в Красноводск военное снаряжение для белых. Капитан Вольтон долго торговался, с 28 пароходов дошел до трех. Ему и в этом отказали ⁴⁵.

Политическая и экономическая изоляция Закавказья и Закаспия, растущая революционная борьба народных масс поставили на грань катастрофы внутреннюю политику буржуазных правительств. Жестокий кризис переживала нефтяная промышленность Азербайджана. Не вывозилась нефть и с острова Челекен (в то время это был остров), что естественно сказывалось на материальном положении рабочих, так как закрывались предприятия, росла безработица.

Большевики видели выход из создавшегося положения в установлении торговой связи с Советской Россией и такое требование включили в проект коллективного договора рабочих с предпринимателями. Вывоз нефти из Азербайджана означал серьезную помощь Советской России, боровшейся против внешних и внутренних врагов. 2 мая 1919 года общебакинская конференция решила провести всеобщую экономическую стачку, которая, разумеется, приобрела политический характер.

Нефтепромышленники в сговоре с английским командованием отвергли условия коллективного договора,

предусматривавшего, в частности, вывоз нефти в советский город Астрахань. 5 мая по решению Бакинского комитета РКП (б) началась всеобщая стачка. Бастовали рабочие всех промыслов, заводов и фабрик, моряки, железнодорожники, работники электростанций, типографий, телеграфа.

В знак солидарности с бакинскими рабочими забастовали и моряки Красноводска ⁴⁶.

Красноводские моряки, получив из Баку письмо профсоюза рабочих водного транспорта, прекратили прием и выдачу грузов. Замерли в порту пароходы и землечерпальные караваны, на станции – железнодорожные составы. Не вышли на работу служащие управления порта, пристани и других морских учреждений. Не отправлялись в рейс суда, почти весь экипаж парохода «Алазгер» категорически отказался оставаться на службе англичан. В результате некоторые требования моряков, предъявленные интервентам, были все-таки удовлетворены.

Командование английских войск и буржуазные правительства Азербайджана и Закаспия приняли все меры, чтобы подавить стачку. Они не брезговали ничем, начиная от арестов и увольнений бастующих моряков, кончая интригами, попытками расколоть профсоюзное движение. Случалось, что отдельные красноводские суда, несмотря на решение стачкома, поддавались уговорам администрации и выходили в море. 13 мая стачка в Красноводске прекратилась ⁴⁷.

Под угрозой оружия в тот же день и бакинский пролетариат был вынужден прекратить стачку. По требованию Рабочей конференции и профсоюзов власти все же освободили арестованных руководителей стачкома. Стачка, имевшая важное значение в борьбе за победу

Советской власти, еще более повысила авторитет большевиков, способствовала развитию политической сознательности, укреплению интернациональной сплоченности пролетарских масс. Майская стачка окончательно разоблачила буржуазные правительства, усилила изоляцию меньшевиков и эсеров от широких масс трудящихся.

12 мая 1919 года Кавказский краевой комитет РКП(б), оценивая политическое значение стачки, писал: «...стачка спаяла воедино как русских, так и мусульманских рабочих, и, наконец, она показала, до чего влияние нашей партии сильно на рабочих. Рабочие по призыву нашей партии начали организованно стачку и так же организованно прекратили ее»
48.

4. ПОДГОТОВКА К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ

В предновогодний вечер Красноводск облетела ошеломляющая новость: на всесильного Куна совершено покушение! Одни со страхом, другие с недоумением на разные лады смаковали детали происшедшего: «Смелчаки решили убить Куна... Жребий пал на одного железнодорожника. Он пришел в кабинет Куна, вынул револьвер, навел на хозяина кабинета. Кун в испуге с криком забрался под стол».

В ту ночь по тревоге в штаб гарнизона вызвали всех английских офицеров, собравшихся повеселиться в «общественном собрании» по случаю встречи Нового года. На утро англичане всюду расставили усиленные наряды, солдаты обыскивали прохожих. По городу распространился слух, что ищут членов действующей в городе подпольной организации. В тот день арестовали около 100 рабочих, служащих и даже некоторых торговцев⁴⁹.

1 января 1919 года перепуганный Кун сообщал телеграфом в Ашхабад: «31 декабря было совершено покушение на мою жизнь и моего товарища Добронравова. Покушение совершено в здании комитета. Поставленный в безвыходное положение покушавшийся большевик Федотов застрелился. Да здравствует Учредительное собрание! Правраском Кун»⁵⁰.

Авантюрист Кун беззастенчиво врал. Счетовод депо Александр Федотов, явившийся к Куну будто бы с просьбой, действительно дважды целился в главу «правраскома» и его заместителя, но каждый раз браунинг давал осечку. Это правда. А что Федотов застрелился – ложь. Красноводский «царек», охраняемый вооруженными до зубов английскими солдатами и местными наймитами, на месте расправился с Федотовым⁵¹.

Белогвардейские архивные документы «по делу 22-х лиц, причастных к покушению на жизнь членов комитета и к большевистскому движению» [\[39\]](#), утверждают, что

террористический акт был задуман большевистским подпольем. План покушения обсуждался на одном из заседаний подпольной организации, на котором председательствовал конторщик станции большевик Николай Гончаров, секретарем был Максим Куваев, большевик, бывший работник Совета. В помощь Федотову дали техника Андропова, бывшего командира красногвардейского отряда, «взявшего на себя обязанность стоять у ворот с оружием»⁵².

Действительно, покушение на белогвардейскую верхушку Красноводска – не стихийное выступление взбунтовавшихся одиночек, а один из методов борьбы большевистского подполья с наиболее оголтелыми врагами Советской власти. Правда, к террористическим актам обычно прибегали анархистствующие «сверхреволюционеры» и другие представители мелкобуржуазных течений, а партия большевиков всегда принципиально отвергала террор как метод достижения политических целей. Еще накануне первой русской революции В. И. Ленин писал: «Террор выступает перед ними (социал-демократами. – Р. З.) как одно из возможных подсобных средств, а не как особый прием тактики...»⁵³

Тем не менее известно немало примеров, когда коммунисты прибегали к террору как к партизанскому методу борьбы, акту возмездия против отдельных лиц, провокаторов, предателей, злобных врагов, вызывавших всеобщую ненависть, способных погубить сотни революционеров. В данном случае красноводское подполье для свершения таких актов и создало боевую группу⁵⁴.

Достойно сожаления, что Александр Федотов, человек, несомненно, большого мужества и отваги, самонадеянно, с одним револьвером, решился на такой шаг, а руководители подполья не позаботились снабдить его запасным оружием. В результате недостаточно тщательной подготовки запланированной акции погиб А. Федотов и были арестованы десятки членов подпольной организации. Но сам факт покушения на членов белогвардейского правительства,

особенно на «всемогущего» садиста Купа, одного из убийц 26 бакинских комиссаров, частенько упражнявшегося в стрельбе по живым мишеням – арестованным большевикам, произвел отрезвляющее впечатление на прислужников буржуазии, заставил призадуматься многих. Население убедилось, что в Красноводске действует подпольная организация, членов которой не страшат ни английские штыки, ни белогвардейские застенки.

История с покушением переполошила заправил белого стана, тем более что им стали известны и другие аналогичные замыслы. В апреле 1919 года министр внутренних дел докладывал правительству: «Бакинские армяне, сочувствующие большевикам, замышляют совершить... ряд террористических актов против лиц, подозреваемых ими в расстреле Шаумяна и других бакинских большевистских комиссаров... посылаемые для этой цели лица могут проникнуть в область под видом добровольцев или под другими предлогами»⁵⁵.

Отнюдь не случайно, что в начале апреля 1919 года, когда белогвардейщина, казалось бы, еще прочно удерживала фронт от Красноводска до Байрам-Али, председатель «правраскома» Кун и его заместитель Добронравов «загадочно исчезают». О их трусливом побеге с нескрываемым раздражением сообщили закаспийские и бакинские буржуазные газеты, в частности «Заря» (12 апреля 1919 года).

Не смешивая террора с массовым вооруженным выступлением трудящихся, скажем, что в пору хозяйничанья в Закаспии контрреволюционных сил мысли о «перевороте», о восстании возникали даже у людей, далеких от политической борьбы. Очевидец событий гражданской войны, учитель К. В. Лейн, не подозревавший о существовании большевистского подполья, скрываясь от призыва в белую армию, сблизился в Ашхабаде с мобилизованными рабочими и служащими, несшими гарнизонную службу по охране военных складов, арсеналов, банка и правительственных учреждений. Даже у этого политически незрелого юноши временами возникала мысль: все

эти объекты охраняются людьми, ненавидящими белогвардейскую власть, и настолько плохо, что их легко захватить⁵⁶.

Я познакомился с армянином лет тридцати пяти, очень живым, энергичным, видимо, волевым человеком, – вспоминает К. В. Лейн, – Фамилия – Аракелов (Аракелянц). Он выдавал себя за анархиста и наизусть цитировал классиков анархизма, и прежде всего, конечно, Бакунина. Я в то время мало понимал в учении анархистов и с интересом слушал Аракелова. Однако Аракелов был патриотом Родины и ненавидел англичан. Как-то в беседе он мне серьезно говорит: «Давай сделаем в Асхабаде переворот!» Это для меня было неожиданным предложением. «С кем же будем делать переворот и с каким оружием?» – спросил я. «Люди есть, а вот с оружием плохо». Я сам осматривал при посещении приятелей содержимое «арсенала». Кроме небольшого количества берданок с незначительным количеством патронов к ним, в «арсенале» ничего из вооружения не было: все было забрано на фронт. Ни одной трехлинейки, ни одного пулемета и тем более орудия. С чем делать восстание? Не с палками же. Конечно, мы могли бы захватить все охраняемые объекты, арестовать кое-кого из эсеровского правительства, и все! Со стороны Аракелова такое предложение не было провокацией. Его бунтарский нрав искал выхода, и он сделал мне такое предложение. Мы серьезно поговорили, и Аракелов признал, что это была пустая затея, от которой многие невинные люди пострадали бы. «В таком случае я перейду к своим через фронт». И действительно, Аракелов вскоре попал на фронт, через непродолжительное время ночью вышел с винтовкой из окопа, и, попрощавшись с товарищами, пошел в сторону советских войск.

Так объективные обстоятельства, антинародная политика буржуазного правительства вызвали ответную реакцию трудящихся, проявлявшуюся в поисках радикальных средств

борьбы за освобождение. Большевистское подполье знало о настроениях парода, горевшего ненавистью к буржуазному правительству, и понимало опасность разрыва между своей слабой организационной подготовленностью и нарастающим стихийным стремлением масс к открытому вооруженному выступлению.

Вопрос о вооруженном восстании первой подняла большевистская организация Красноводска, в рядах которой было много людей решительного склада, тесно связанных с бакинскими коммунистами. Не позже конца декабря 1918 года, как свидетельствуют документы белогвардейской контрразведки, большевик Агафонов, «видный член партии, был командирован в Асхабад с особыми поручениями по подготовке переворота»⁵⁷. Красноводские подпольщики вовлекли в подготовку к восстанию надежных рабочих, продумали план выступления. «Готовились захваты вооруженных пароходов, арсенала, – вспоминает бывший подпольщик Андронов. – Был момент, когда пулемет «Максим» белогвардейской пулеметной команды был готов к открытию огня по англичанам, но вследствие своевременной осведомленности англичан этого не удалось сделать»⁵⁸.

Курс на вооруженное восстание, на захват власти взяла и ашхабадская подпольная организация. В начале марта 1919 года на одном из своих заседаний она наметила конкретный план: бросить все агитационные силы подполья в белогвардейские части – в роту особого назначения, отряд Бичерахова, караульную роту и в другие; выяснить, сколько рабочих готовы поддержать выступление; подготовить и вооружить рабочих депо, машинистов и их помощников; организовать нападение на типографию; захватить деньги, чтобы обеспечить восстание материально.

В течение 20 дней продолжалась лихорадочная подготовка восстания: готовили людей, собирали оружие – привозили его с фронта, добывали через надежных людей, убеждали рабочих,

имеющих оружие, не сдавать его властям. Рабочие депо продумали план захвата белогвардейского бронепоезда.

О готовящемся восстании была осведомлена и казанджикская подпольная организация. Члены ее раздобыли винтовки и револьверы, машинисты Козлов и Чавыкин привезли с фронта пулемет, а подпольщик Беловодский спрятал его в горах. Назначили точный срок восстания – начать его всеобщей забастовкой сразу после съезда профсоюзов в Баку⁵⁹.

Красноводский уездный комиссар послал тревожную депешу министру внутренних дел закаспийского правительства, что у казанджикских рабочих имеется большой склад огнестрельного оружия и боевых патронов, а рабочие станции Джебел уже имеют боевое оружие. «В случае дальнейших неудач наших войск на фронте, – писал он, – не исключается возможность, что рабочие у нас в тылу в критический момент выступят с оружием в руках»⁶⁰.

Активно готовились к вооруженному выступлению и большевистские организации Мерва, Кушки, Байрам-Али, связанные с воинскими подразделениями. Большевики возлагали большие надежды на байрам-алийский гарнизон и его арсеналы. Здесь у подполья были свои люди, которые в нужный момент могли передать оружие в руки восставших. Подпольщики с помощью сагитированных подразделений наметили разобрать железнодорожный путь и ударить в тыл белым. Большевики Мерва и Байрам-Али привлекли на свою сторону милицию, под их контролем находилась и кутикинская радиостанция. «Но тут, на наше горе, – пишет один из руководителей мервской подпольной организации, Сазонов, – провалился в Байрам-Али гарнизон. Один из солдат... продавал оружие из арсенала и попался. Полк был расформирован и заменен прапорщиками, присланы два карательных поезда – один из прапорщиков, другой – 200 текин. Начались облавы, обыски»⁶¹.

В те дни белогвардейские власти лихорадочно изыскивали средства на вербовку агентов. В марте и апреле в городах

Закаспия прокатилась новая волна арестов. В Каахка и Душаке в связи с подготовкой к восстанию было расстреляно много железнодорожников. В Кушке схватили 24 подпольщика во главе с И. М. Карандой. «Комитет общественного спасения» предписал вновь арестовать С. Ф. Степанова и Н. Г. Ссори́на, а также ашхабадских подпольщиков В. Агеева и М. В. Тюганова⁶². Газета «Заря» 30 апреля сообщила об аресте многих большевиков и революционных рабочих Красноводска.

Белогвардейское командование, дознавшись о замыслах подполья, разоружило и расформировало воинские части, подготовленные к восстанию. Некоторых из них спешно отправили на фронт. Удалось вооружить лишь немногих рабочих: ашхабадские арсеналы были пусты, кроме небольшого количества допотопных берданов, там ничего не оказалось. Так сорвался план вооруженного восстания⁶³.

Скоропалительно задуманный план подготовки восстания (за 20 дней!) был явно обречен на провал. Это вскоре поняли и сами подпольщики.

В мае и июне в связи с наступлением советских войск, освободивших Байрам-Али, Мерв, Кушку и Тед-жен, и активизацией деятельности подполья на рабочие и большевистские организации обрушилась новая волна репрессий. В конце мая белогвардейская контрразведка схватила двух руководителей ашхабадского подполья

С. Г. Арутюнова и П. Ф. Панькина. Из Ашхабада и западных районов Закаспия высылались все, кому белогвардейские власти мало-мальски не доверяли. Одно только подозрение в связях с большевиками или сочувствии им влекло за собой расстрел. Арестованные исчезали бесследно. В ашхабадских тюрьмах за контрразведкой числилось до 400 политических заключенных. Белогвардейские власти объявили мобилизацию, рабочих гнали на фронт под страхом расстрела⁶⁴.

После 1 июня 1919 года руководители ашхабадского большевистского подполья получили важное письмо. Начальник

Политотдела Реввоенсовета Закаспийского фронта В. Мальков писал

В скором времени советские войска продвинутся к Асхабаду, по тем не менее для успешной и полной ликвидации авантюры активное участие верного коммунизму пролетариата с вашей стороны необходимо.

Основные задания действий указаны в инструкции, при сем прилагаемой, остальные детали и мероприятия поручаем разработать самой организации.

Самое главное внимание обратите па связь между нами... В дело организации привлекайте только испытанных и верных работников, соблюдая крайнюю осторожность.

Инструкция предлагала подпольщикам следующий план действий:

- 1. К моменту подхода советских войск к Асхабаду немедленно освободить заключенных товарищей из-под стражи.*
- 2. Завязать тесное сношение между преданными работниками Асхабаде, Кизыл-Арвата и Красноводска.*
- 3. Организовать тесное сношение с Политическим отделом фронта.*
- 4. Разработать план активного вооруженного восстания к моменту подхода советских войск, воспользовавшись паникой.*
- 5. Разработать план к захвату в плен руководителей, устроив за ними слежку.*
- 6. Стремиться к разложению и уничтожению сил противника и бороться против распространения провокаций.*

Позже командование советских войск прислало к ашхабадским подпольщикам своего связного О. В. Авакимова [\[40\]](#) «с особым поручением для словесной передачи инструкции Асхабадской организации РКП»⁶⁶.

Связь с Реввоенсоветом, несомненно, вдохновила большевистское подполье, способствовала активизации его деятельности по разложению белогвардейского тыла. Как

видно, и командование советских войск настаивало – вначале письменно, а затем через связных устно – на «активном вооруженном восстании». Но насколько подполье было к нему готово и целесообразно ли было такое выступление при сложившейся ситуации?

Анализ объективной обстановки говорил не в пользу вооруженного выступления. При существовавшей разобщенности рабочих вследствие предательской политики эсеров-меньшевистских лидеров, при отсутствии сильных вооруженных отрядов и единого руководящего центра, в условиях жесточайших репрессий и слежки восстание заведомо было обречено на разгром. После ареста двух членов подпольного комитета оставшиеся на свободе большевики, особенно руководители организации, почти каждую ночь меняли квартиры, скрывались по подвалам, заброшенным колодцам и сараям [\[41\]](#).

Вскоре контрразведка схватила группу подпольщиков, в том числе П. И. Успенского [\[42\]](#), Крестильникова, А. Дизера, Н. Я. Жука, Гаврилова и других. Успенский и Дизер были расстреляны. Перед уходом из Ашхабада белогвардейцы расстреляли многих рабочих⁶⁷.

Нельзя было ставить серьезно вопрос о восстании, когда подпольщики почти не имели оружия и людей, способных вести бой с многочисленными гарнизонами белых, нукерами туркменских националистов и с отлично вооруженными англичанами, остававшимися в Красноводск. Правда, вначале подполье могло рассчитывать на некоторые воинские части в Ашхабаде и Байрам-Али, но вскоре лишилось и этого резерва.

А. И. Микоян в 1919 году написал В. И. Ленину записку с просьбой принять его перед отъездом на Кавказ, рассчитывая получить указания о подготовке и проведении восстания в Грузии. «Дело в том, что грузинские товарищи... просили обязательно привезти им ответ Ленина, – вспоминает А. И. Микоян. – Через пару дней Стасова по поручению Ленина сообщила мне, что о восстании в Грузии... сейчас решать нельзя

и нецелесообразно. Наши войска ведут стремительное наступление на юге. Меняется не только военное, по и политическое положение. Это изменит обстановку и на Кавказе. По мере продвижения Красной Армии все эти проблемы будут рассматриваться и решаться с учетом конкретно сложившейся обстановки»⁶⁸.

В этом указании В. И. Ленина ярко выражен его гуманизм, величайшая забота о том, чтобы удачно избрать такой момент выступления, когда оно обойдется без людских потерь или с минимальными жертвами. Большевики Закаспия, вероятно, не знали о таком указании Ленина.

В апреле 1919 года Красная Армия начала наступление на Восточном фронте, в мае она была уже готова повести наступление на Закаспийском фронте. Не случайно Политотдел Реввоенсовета Закаспийского фронта, посылая руководителям ашхабадского подполья инструкцию, подчеркивал, что «самое главное внимание» следует обратить на связь подполья с советским командованием.

Руководители подполья, как уже говорилось, намечали вооруженное выступление на конец марта 1919 года, когда части Красной Армии стояли на станции Равнина, то есть во многих сотнях километров от Ашхабада, а наступление советских войск на Закаспийском фронте началось только в середине мая.

Большевистское подполье не имело никакой связи с ЦК партии. На западном берегу Каспия хозяйничали английские оккупанты вкупе с буржуазным мусаватистским правительством Азербайджана, на севере затаились банды Джунаид-хана, поддерживавшие тесную связь с Колчаком, бухарским эмиром и уральскими белоказаками, на востоке – фронт, на юге – Афганистан, кишевший белогвардейцами и английскими шпионами, и Иран, где стояли гарнизоны английских интервентов. Поднимать восстание в такой обстановке, идти в открытый бой после разоружения распропагандированных большевиками подразделений врага, ряда провалов и арестов,

выявивших недостаточную организованность подполья, было равносильно самоубийству. Это привело бы к полному разгрому большевистского подполья, к бесцельной гибели многих верных Советской власти людей.

И все же подготовка к вооруженному выступлению не мимолетный эпизод, а один из важнейших этапов в деятельности большевистского подполья. Оказалось, что даже подготовка к восстанию вызвала весьма определенную реакцию в стане врага, посеяла в его рядах смятение. Прежде всего угроза восстания ускорила уход из Закаспия английских войск [\[43\]](#), что в свою очередь способствовало успеху наступательных операций советских частей. 8 июля 1919 года белогвардейцы без боя бежали из Ашхабада.

Почему же белогвардейская армия, к тому времени еще сильная, вооруженная современным оружием, отлично экипированная, оставила без всякого сопротивления Ашхабад – политический и экономический центр Закаспия?

«Этот вопрос мы задавали па занятиях комиссарам, командирам, – вспоминает ветеран гражданской войны в Закаспии М. И. Мирошниченко. – Они отвечали, что белогвардейщина не только была напугана сокрушительными ударами советских войск под Байрам-Али, Тедженом и Каахка, решимостью красных воинов освободить Закаспий, но и очень опасалась удара в спину со стороны большевистского подполья, которое готовилось поднять в тылу врага вооруженное восстание. Белогвардейское командование, опасаясь окончательного разгрома своих войск, было вынуждено оставить без боя Ашхабад. То же самое, что говорили нам на политических занятиях и в беседах, мы слышали на собраниях, митингах из уст таких военачальников и политических руководителей, как Паскуцкий, Тимошков, Иванов, Мжельский, и других»⁶⁹.

Главная причина оставления белогвардейцами Ашхабада в том, что после поражения под Каахка они не имели достаточно сил, чтобы сдержать стремительное наступление советских

войск. В то же время они никак не могли скинуть со счетов большевистское подполье, которое своими действиями все чаще давало о себе знать. Благодаря агитационно-массовой работе большевистского подполья у белогвардейского командования, угнетенного победами советских войск, создалось преувеличенное представление о силах наступавших частей Красной Армии.

После отступления белогвардейцев вышли из подполья ашхабадские большевики. Они созвали митинг рабочих, на котором был избран Временный революционный комитет, взявший власть в свои руки. Ревком навел порядок в Ашхабаде, на железной дороге, расставил караулы. 9 июля 1919 года трудящиеся Ашхабада и его окрестных сел восторженно встретили своих освободителей— передовые части Красной Армии.

5. ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

После освобождения Ашхабада оперативные сводки штаба Закаспийского фронта пестрели донесениями о переходе на сторону Красной Армии отдельных отрядов белогвардейских войск. 12 сентября 1919 года перешли две роты противника из отряда особого назначения, вечером того же дня – еще 10 конников. Днем раньше перебежали 22 человека.

В начале декабря батальон Сибирского стрелкового полка, настроенный в пользу Советской власти, перебив часть своих офицеров, целиком перешел на сторону советских войск ⁷⁰.

Предыстория этих массовых переходов началась гораздо раньше, в Красноводске.

В трех километрах от берега стояла на якоре баржа «Григорьянц» – плавучая тюрьма, имевшая мрачную славу. В ее темных и душных трюмах вместе с уголовниками томились арестованные рабочие. Казанджикские большевики-подпольщики Е. Ф. Пашетных, Н. И. Кузнецов ^[44], П. Бурментьев и другие подготавливали к побегу заключенных. Они склонили на свою сторону сочувствующих большевикам матросов, через них установили связь с подпольем Красноводска.

Отряд особого назначения, охранявший и плавучую тюрьму, находился под влиянием красноводских подпольщиков, был настроен просоветски. С помощью солдат этой части и ее пулеметной команды подполье намечало поднять восстание и захватить Красноводск. Но белогвардейское командование внезапно отправило отряд на фронт. Распропагандированные большевиками еще в Красноводске, две его роты перешли на сторону Красной Армии ⁷¹.

Переход батальона сибиряков на сторону советских войск прямо связан с мужественной деятельностью 16 подпольщиц. Подполью было известно, что офицеры запугивали солдат «зверствами» большевистских войск, в рядах которых будто бы служат «озверелые» китайцы и мадьяры. Женщины-агитаторы

сумели разоблачить нелепость подобных вымыслов и убедить солдат-сибиряков, что в Красной Армии служат простые рабочие и крестьяне и сражаются они за Советскую власть, которая принесла освобождение трудовому люду от царского гнета, от помещиков и буржуазии. Приблизительно в октябре белогвардейская контрразведка арестовала этих женщин. Среди них особенно известно имя Т. Островской, героически перенесшей истязания в застенках контрразведки ⁷².

Побеги из красноводских тюрем в те дни не редкость. Здесь не обходилось без большевистского подполья, способствовавшего освобождению арестованных. Так, 35 заключенных при активном содействии подпольной организации сумели обезоружить караул, захватить 11 винтовок с патронами и бежать через Каракумы навстречу наступающим советским войскам [\[45\]](#).

В ночь с 3 на 4 августа из плавучей тюрьмы бежали 10 человек. Среди них был Петр Колодин, осужденный вместе с большевиком В. И. Самцовым в 1918 году ⁷³.

С. М. Киров в своем письме Л. М. Карахану (заместителю наркома иностранных дел РСФСР) рассказывал о злоключениях 22 красноармейцев и советских работников, прибывших в Астрахань 3 сентября 1919 года. После падения Советской власти в Мугани они отправились морем в Закаспий, навстречу наступающим советским войскам. С приключениями добрались до Красноводск, где их тут же схватили. Но патриоты не только сумели освободиться, но и даже захватили рейдовое сторожевое судно, на котором доплыли до Астрахани ⁷⁴.

Такие дерзкие побеги, по-видимому, удавались благодаря налаженной связи подполья с местами заключения. О том, что такая связь существовала, свидетельствует и арест почтового работника Кузьмука «за тайную передачу корреспонденции от заключенных» ⁷⁵.

Накануне неотвратимо приближавшегося краха белогвардейщины работа большевистского подполья вступила в новую, более активную фазу. Ослабели позиции эсеров и

меньшевиков, которые теперь не имели, как прежде, заметного влияния в профсоюзах. Лидеры мелкобуржуазных партии все больше скатывались в зловонное болото измены. Отдельные эсеры, для виду арестованные властями, подсаживались в камеры заключенных-большевиков и просоветски настроенных рабочих⁷⁶.

Усилилась руководящая роль большевиков, неизмеримо вырос их авторитет; рабочий класс видел в них выразителей своих интересов, свой авангард. Этому, несомненно, способствовали не только партийно-организаторская работа большевистского подполья, но и успешные наступательные операции советских войск, занявших Бами, Кизыл-Арват, Казанджик.

После освобождения Ашхабада центр большевистского подполья и революционной работы переместился в Красноводск. Там после ареста 22 подпольщиков оставшиеся на свободе большевики ушли в глубокое подполье, организацию возглавил поездной контролер Павел Яковлевич Бесшапочный [\[46\]](#). Еще в начале 1919 года он привлек к себе внимание властей. В феврале Бесшапочный и вместе с ним Зорин, Небольсин, Сапожников, Мамыкин и Фоменко арестовываются по обвинению «в принадлежности к партии большевиков и как организаторы фракции этой партии при местном железнодорожном отделении...». Но против их ареста выступили железнодорожники, и под давлением общественного мнения власти вскоре освободили большевиков на поруки⁷⁷.

В зависимости от обстоятельств подпольная организация широко использовала как нелегальные, так и легальные методы работы. Рабочие А. Фролов, Гудсков, Никушин, Балабин, Лазовский, Купин вывели из строя вражеский бронепоезд «Партизан», насыпав в его буксы наждак [\[47\]](#). На станции Джебел вместе со своими двумя сыновьями действовал рабочий Алексей Платонович Трупов. Во время наступления частей Красной Армии он оказал им неоценимую услугу: получив приказ белогвардейского командования разрушить водоснабжающую

сеть, нефтекачку и ремонтные мастерские, Трунов, рискуя жизнью, сорвал этот план. Все эти важнейшие объекты красные войска захватили исправными⁷⁸.

П. Бесшапочный, руководя большевистским подпольем, лично сам участвовал в строго законспирированной работе. Часто выезжая в служебные командировки, он распространял на фронте и по линии железной дороги революционную литературу и газеты, получаемые из Баку. Организация установила связи с подпольщиками по всему Закаспию и в Баку, имела явки в Красноводске, Кули-Маяке и других местах.

В ноябре 1919 года военно-полевой суд белогвардейцев, рассмотревший дело о красноводской подпольной организации, отметил, что большевики долгое время пользовались широкой сетью явок, раскинутых по всему уезду. На одной из конспиративных квартир в Кули-Маяке недолгое время скрывался от слежки агентов белогвардейской контрразведки П. Я. Бесшапочный. Через этот населенный пункт подпольщики получали из Баку нелегальную литературу, здесь, вероятно, в малолюдном местечке, на Бесшапочного обратили внимание и арестовали.

Вместе с П. Я. Бесшапочным судили группу подпольщиков, арестованных по одному делу. Бесшапочного приговорили к смертной казни через повешение, его жену Марию Ивановну и ее сестру Анну Кузнецову суд «помиловал»– заменил смертную казнь «каторжными работами без срока». Тимофей Зорин и Игнатий Небольсин были приговорены к каторжным работам на 15 лет. Враги страшно истязали руководителя красноводского подполья. Павел Яковлевич Бесшапочный был живым закопан в яму⁷⁹.

Несмотря на расправу с руководителями подполья, оставшиеся на свободе большевики и поддерживавшие их рабочие не складывали оружия, продолжали мужественную борьбу с врагом. По заданию большевистской организации передовые рабочие распространяли листовки, дезорганизовывали работу телеграфа, железной дороги,

выводили из строя технику врага. Так, машинист Манкевич оставил паровоз вблизи линии фронта, а сам скрылся. Многие железнодорожники бросали работу, несмотря на то что администрация заранее отбирала у них паспорта. Военные власти, обеспокоенные влиянием большевиков, арестовали начальника железнодорожной охраны С. А. Плешакова, обвинив его «в сочувствии большевизму и бездеятельности в деле преследования большевиков»⁸⁰.

Павел Яковлевич Бесшапочный

Мария Бесшапочная

Большое значение имела наступательная агитационно-массовая работа подполья, особенно по разложению белогвардейских войск, по расшатыванию их тыла. Подпольщики руководствовались высокими гуманными идеями: чем больше распропагандированных неприятельских солдат, тем меньше жертв, тем скорее закончится война, тем быстрее придет освобождение.

Агитация за власть Советов в тылу истекающего кровью врага была сопряжена со смертельной опасностью. И все-таки ее вели Я. Андропов, Лупин и другие члены подпольной организации. За подобную «преступную деятельность» военная контрразведка арестовала большевика Дмитрия Ионычева, за «вредные разговоры о добровольческой армии» – милиционера Сергея Солдатов, который «в разговорах сочувствовал Советской большевистской власти». Белогвардейские офицеры,

перешедшие на сторону советских войск, признавали, что большевики вели активную работу в войсковых частях⁸¹.

18 января 1920 года разведывательная сводка информировала советское командование: «...большая часть населения Красповодска и солдат воинских частей настроены в пользу Советской власти»⁸². В том, несомненно, и доля заслуги героев подполья.

«Пропаганда велась большевиками в размерах небывало широких, – сокрушался впоследствии Деникин. – Она проникала всевозможными путями в ряды оккупационных и белых войск и в занятые ими районы... Эта работа играла решающую роль в организации победы Красной Армии»⁸³.

В. И. Ленин, вскрывая причины превосходства революционной агитации над агитацией контрреволюционной, говорил: «Смешно думать, что он (народ. – Р. Э.) пошел за большевиками, потому что их агитация была более искусна. Нет, дело в том, что агитация их была правдива»⁸⁴.

Большевистское слово находило благодатную почву: пополнение белой армии состояло из насильно мобилизованных крестьян и в значительной мере из красноармейцев, взятых в плен на Южном фронте. Прозревала «добровольческая» деникинская армия, солдаты стали понимать бессмысленность борьбы против собственного парода, «за веру, царя и отечество» (других лозунгов Деникин и монархическое офицерство не признавали). При удобном случае они сдавались в плен или переходили на сторону советских войск, поворачивая оружие против своих командиров.

Территорию, контролируемую белогвардейскими войсками, охватили голод и эпидемии. Началось повальное бегство чиновников, торговцев, служителей религиозного культа: крысы покидали тонущий корабль. Солдаты, мобилизованные рабочие, дайхане большими группами переходили на сторону приближавшейся Красной Армии⁸⁵. Белогвардейщина предпринимала отчаянные попытки удержать морской порт Красноводск, имевший стратегическое значение.

22 октября 1919 года некий профессор Г. Фальборк в своей докладной бил тревогу: «В случае оттеснения нас из Красноводска большевики овладеют треугольником Астрахань – Красноводск – Баку, что будет знаменовать потерю для нас Каспийского моря, а нам даст возможность выхода в тыл вооруженных сил на Юге России»⁸⁶.

8 августа 1919 года, через три дня после ухода английских оккупантов, белогвардейщина упразднила путавшееся под ногами «правительство», так называемый Совет министров Закаспия, и вся полнота власти перешла к военному командованию⁸⁷.

В Красноводске воцарились порядки хуже старорежимных. Людей поролы шомполами, розгами. За подозрение в связях с большевиками или сочувствии Советской власти расстреливали, многие семьи насильно эвакуировались в Петровск-Порт⁸⁸. Как писал В. И. Ленин, «самые действия Деникина и Колчака агитировали против них, агитировали за Советскую власть»⁸⁹.

Отчаявшийся Деникин приказал частям «добровольческой» армии, действовавшим в Закаспии, не отступать, а генералу Лазареву посоветовал утопиться в море, если его войска оставят свои позиции. Не помогли грозные приказы, не помогло и смещение Лазарева и назначение вместо него «энергичного и сурового» генерала Казановича. Белогвардейское воинство откатывалось на запад, к морю⁹⁰.

В декабре на Закаспийский фронт прибыл член Турккомиссии, ВЦИК и СНК РСФСР и Реввоенсовета Туркестанского фронта В. В. Куйбышев. Под его руководством советские войска блестяще осуществили военную операцию и с боем захватили станцию Айдын. А на рассвете 6 февраля 1920 года советские войска начали штурм Красноводска.

Во время ожесточенного боя, отмечалось в белогвардейском обзоре военных действий, «городские большевики из караульной роты и железнодорожников стреляли по отдельным офицерам. Командующий войсками и штаб бригады, командиры полков под обстрелом приехали к пристани»⁹¹.

К вечеру город был освобожден. В тот же день группа советских войск высадилась на острове Челекен и изгнала отсюда врага. Над туркменской землей гордо зареял алый флаг Советов.

Так закончилась героическая эпопея гражданской войны в Закаспии, так бесславно бежали отсюда английские колонизаторы и белогвардейско-националистические банды.

Большевистское подполье Закаспия, несмотря на режим террора военной диктатуры интервентов и белогвардейцев, сплотилось воедино, возглавило революционную борьбу масс, разоблачило предательство мелкобуржуазных партий, ускорило разложение войск противника, дезорганизовало вражеский тыл. Это был значительный вклад в дело разгрома Красной Армией внутренней и внешней контрреволюции в Туркестане, яркая страница героической летописи Коммунистической партии.

Глава III

МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРОТИВ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Идеологи империализма обрушивают потоки клеветы на республики советского Востока. Их злоба понятна: экономический и культурный расцвет бывших колониальных окраин царской России, поднявшихся за годы Советской власти до уровня передовых стран, ставших яркими маяками социализма, привлекает внимание и симпатии трудящихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, освобождающихся от гнета капитализма. Особенно лезет из кожи буржуазно-националистическое отребье – Вели Каюм Хан, Баймирза Хаит и другие «советологи», претендующие на роль «национальных вождей», люди без роду и племени, в Великую Отечественную войну присягавшие фашизму, а после его разгрома переметнувшиеся в разведывательные органы империалистических государств.

Эти и им подобные «знатоки» советского Востока извращают политику Коммунистической партии в Средней Азии, идеализируют дооктябрьские порядки, противопоставляют русских трудящихся национальному дай-ханству, измышляют о «колонизаторском режиме», будто бы установленном в Туркестане большевиками, и договариваются до того, что Октябрьская революция якобы «привнесена» извне, из России.

Новоявленные «теоретики», тенденциозно изображая события Октябрьской революции и гражданской войны в Средней Азии, стремятся доказать, что коренное население Туркестана будто бы всегда чуждалось политики и не принимало идей Коммунистической партии и Советской власти.

Так ли это? В измышлениях наших идеологических противников, изрыгающих ядовитую желчь на республики советского Востока, нет ничего нового. Как говорится, старая песня на новый лад.

Еще в 20-х годах нашего столетия небезызвестный английский генерал-колонизатор Денстервиль, тоже претендуя на объективность, писал: «Население Туркестана склонно оставаться в стороне от политики и готово принять иностранную помощь в любой форме, лишь бы был восстановлен порядок». Ему вторил другой генерал, белогвардейский, главноначальствующий в Закаспийской области Савицкий. Информирова Деникина, он утверждал: «Большевизм нисколько не коснулся туземного населения и является для края движением беспочвенным»¹.

Ответ на эти суждения дала сама история, история рожденной Великим Октябрем туркменской социалистической нации, беззаветно принявшей идеи Коммунистической партии, выражающие коренные интересы трудового народа.

Справедливости ради скажем, что в то время генералы были по-своему правы: ведь под «туземным населением» Туркестана они подразумевали феодально-байскую верхушку и только-только зарождавшуюся национальную буржуазию. Для них, действительно, большевизм – явление беспочвенное, и ради того, чтобы уничтожить его, они были готовы принять помощь любого чужеземного завоевателя.

Яркую характеристику поведению национальных «верхов» дает Программа КПСС: «Национальная буржуазия по своей природе имеет двойственный характер. В современных условиях национальная буржуазия в колониальных, бывших колониальных и зависимых странах, не связанная с империалистическими кругами, объективно заинтересована в осуществлении основных задач антиимпериалистической и антифеодальной революции. Следовательно, еще не исчерпаны ее прогрессивная роль, ее способность участвовать в решении насущных общенациональных задач.

Однако по мере нарастания противоречий между трудящимися и имущими классами и обострения классовой борьбы внутри страны национальная буржуазия проявляет все большую склонность к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией»².

Это общее положение применимо и к только что зарождавшейся национальной буржуазии Туркестана, ее позициям в годы революции и гражданской войны. Всегда и всюду национальная буржуазия больше боялась своего народа, чем оккупантов. Объявляя себя защитниками народа, национальные «верхи» Закаспия, чтобы сохранить свои классовые привилегии, эксплуататорский строй, свою власть над людьми, были готовы бросить к ногам любого завоевателя – будь то Германия, Англия или Турция – честь и достоинство туркменского народа. Большевизм, покушавшийся на святая святых – частную собственность и на другие коренные интересы имущих классов, был глубоко ненавистен феодально-байской верхушке Закаспия.

Туркменские эксплуататорские «верхи» – оплот реакции, противоборствующая Советской власти сила, страшась объединения эксплуатируемых масс, сеяли родовые раздоры, натравливали друг на друга многочисленные племена. В туркменском селе того времени сохранялись патриархально-родовые пережитки в быту и в сознании дайханства, почти поголовная его неграмотность и взращенное десятилетиями колониального гнета недоверие ко всему русскому. Еще не стерлись в памяти народной поход карательного отряда генерала Мадритова, потопившего в крови восстание туркмен 1916 года, реквизиции и мародерство, унижения и оскорбления, которым подвергали дайхан царские солдаты и офицеры [\[48\]](#). Местное население испытывало недоверие ко всему русскому, подозревало в каждом русском человеке колонизатора, эксплуататора ³.

Советская власть, большевики должны были разъяснить дайханам, бедноте классовую сущность политики национальных

феодално-байских «верхов», оторвать от них трудящиеся массы аула, преодолеть трудности на пути создания и укрепления революционного союза рабочего класса и трудового дайханства.

Туркменские феодалы и баи утверждали, что среди туркмен нет классового деления. Классовые противоречия они стремились подменить межродовыми, межнациональными, религиозными разногласиями. Однако никакие одеяния не могли прикрыть язв классового общества. История туркменского народа, как любого другого, развивалась по общим законам классовой борьбы между бедными и богатыми, угнетенными и угнетателями. Туркменские эксплуататорские «верхи», стремясь повернуть колесо истории вспять, активно выступили против Советской власти, увидев в ней силу, способную окончательно пробудить дайханские массы, сделать их активными борцами за свое освобождение.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю трудящихся Закаспия, выявили истинных сторонников Советской власти, тех, кто мужественно боролся за торжество идей Коммунистической партии, Ленина, и тех, кто, прикрываясь лживыми фразами, предавал интересы туркменского народа, пытался закабалить его силой английских штыков и белогвардейщины.

Лихолетье иностранной интервенции и гражданской войны дало недвусмысленный ответ на вопрос истории: кто есть кто?

1. ПОЗИЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ «ВЕРХОВ»

Контрреволюционный мятеж в Закаспии воскресил угасшие с приходом Советской власти «голубые мечты» туркменских феодалов о создании особых ханств и об-отделении их от России. С жаром они пытались растоптать едва взошедшие ростки союза трудового дайханства и рабочего класса, навсегда похоронить идеи советской национальной государственности народов Туркестана.

С падением Советской власти в Закаспии главари национальных «верхов» полковник Ораз Сердар, ротмистр С. Овезбаев, Хаджи Мурат [\[49\]](#) и другие представители туркменской феодально-байской знати созвали 16 июля 1918 года в Безмеине родовых вождей, видных баев, ханов, мулл, чтобы определились свою линию в борьбе с Советской властью (в некоторых документах это сборище фигурирует как «Всетуркменский съезд». Разумеется, «Всетуркменским» его нельзя считать, так как в нем не участвовали представители бедноты, дайханских масс). Инициаторы и вдохновители этого сборища призывали собравшихся создать «национальную» армию, изгнать с туркменской земли русских, образовать фронт против красных. Они рисовали страшные картины в случае победы большевиков и возрождения Советской власти в Закаспии⁴.

Националистов не поддержал Махтумкули-хан [\[50\]](#), заявивший, что не верит в их затею, которая приведет лишь к бесцельному кровопролитию. На предложение Ораза Сердара образовать самостоятельное туркменское государство он ответил, что кучке самозванцев будет не под силу бороться с Россией, так как она велика, сильна и туркменам нельзя ввязываться в войну с большевиками, которые смогли даже всесильного белого царя с трона свалить, революцию свершить. Махтумкули-хан, обозвав Ораза Сердара пьяницей и предателем, демонстративно покинул собрание.

Националисты, чтобы устрасить Махтумкули-хана, посылали против него вооруженные отряды, но они вступать в борьбу с ним не решались. Пытались добиться и мирного сговора, но Махтумкули-хан не дал новоявленным «государственным деятелям» ни людей, ни продовольствия.

Дипломатично повел себя на собрании вождь рода геркез Аллаяр Курбанов [\[51\]](#), от которого Овезбаев потребовал людей для националистического формирования. Курбанов ответил, что племя гоклен (геркез – один из его родов) небольшое, всего 1500–1600 кибиток, живет на границе с Ираном и по соседству с многочисленным враждебным племенем иомудов. Если гоклены пошлют мужчин на фронт, то враждебные племена разорят аулы и заберут женщин и детей. Курбанов предложил вместо людей прислать продовольствие. Род геркез так и не дал в белогвардейские формирования ни одного человека, лишь под угрозой оружия у него угнали однажды 16 верблюдов⁵.

На этом же сборище родо-племенные вожди выделили людей в туркменский полк, который вскоре отправился на фронт. Командующим назначили Ораза Сердара. 26 июля 1918 года на заседании Временного исполкома вторым помощником командующего утвердили Хаджи Мурата, организатором туркменских эшелонов – Гельдыева⁶. А 14 августа 1918 года белогвардейское правительство отпустило Овезбаеву, председателю так называемого Туркменского комитета, 500 тысяч рублей «на организацию ударной части».

В конце июля на сторону врагов Советской власти вместе с частью своих бойцов переметнулся командир красноармейского дивизиона бывший офицер Аллаяров, «пользовавшийся доверием ташкентского наркомвоена» Осипова, оказавшегося английским агентом. Осипов выдал Аллаярову 250 тысяч рублей на формирование этого подразделения. Объявив себя Аллаяр-ханом, предатель принял участие в военных операциях против кушкин-ского гарнизона, участвовал в разграблении Теджена. В сентябре 1918 года его отряд, двигавшийся песками к Мерву,

был рассеян советскими войсками; остатки отряда присоединились к Джунаид-хану⁷.

В это же примерно время на военном и политическом горизонте появилась фигура ставленника крупных тедженских баев Эзис-хана Чапыкова, мечтавшего о собственном ханстве, собиравшего налоги в свою пользу даже при Советской власти. Спекулируя своими заслугами в восстании 1916 года против царского правительства, используя поддержку духовенства и значительный авторитет среди отсталого дайханства, он собрал крупный конный отряд и выступил против советских войск. 14 байрам-алинских ханов и баев, в том числе Юсуп-хан Нурбердыхан-оглы и Карахан Юсуп-хан-оглы, также с оружием в руках выступили против Советской власти, насильно заставляли дайхан идти в националистические формирования, всячески содействовали, особенно материально, контрреволюционным бандам. Были созданы особые отряды Баба-хана, Юсуп-хана (сын мервской ханши Гюль-Джемал). К концу декабря 1918 года, как информировал Деникина генерал-лейтенант Савицкий, националистам удалось набрать из туркмен 2800 штыков и сабель, а всего в белой армии, без англичан, насчитывалось свыше 5200 человек⁸.

Вначале в белом штабе сформировалось так называемое «туркменское командование». В белогвардейских войсках тон задавали «офицеры школы хана Н. Н. Иомудского с острова Челекен» [\[52\]](#). А тем временем национальные «верхи» Туркменистана при подходе турецких войск к Баку (в конце июля 1918 года) послали к ним делегацию, приглашая «занять Закаспий», «освободить мусульман от русского владычества». Туркофилы строили планы с помощью белогвардейцев занять Чарджуй, свергнуть там Советскую власть, затем низложить белогвардейское правительство и провозгласить Туркменистан самостоятельным ханством. Осуществить это замышлялось с помощью Турции, разумеется став ее вассалом⁹.

Со своей стороны Ораз Сердар не без влияния своих единомышленников тайно связался с эмиром бухарским,

предлагая ему образовать «Союз мусульманских пародов Туркестана», конечно, без всякого участия русских. Эмир ответил, что он, как старый враг «гауров» (иноверцев), вполне одобряет создание такого «Союза» и для осуществления этой цели готов дать сколько угодно денег, но только не может помочь воинской силой, так как не имеет оружия ¹⁰.

Письмо эмира перехватила «Туркестанская военная организация», контролировавшая каждый шаг белогвардейско-националистического правительства и военного штаба. Замыслы туркофилов, их засилье в армии и враждебность ко всему русскому не на шутку встревожили Джунковского. По взмаху его «дирижерской палочки» отношение к националистскому воинству резко изменилось. Им перестали доверять, прекратили снабжение трехлинейными винтовками, на командные должности вместо туркмен начали выдвигать русских офицеров. Джунковский писал Деникину, что при двойной игре националистов пришлось, дескать, «ухватиться за англичан, как за якорь спасения».

В декабре 1918 года генерал-лейтенант Савицкий, обеспокоенный политикой туркестанских националистов, информировал Деникина: «...вместо одного лояльного ашхабадского правительства, весьма вероятно, появятся новые: самаркандское, ташкентское, а может быть, и отдельные ханства (Кокандское, Мервское и другие), которые благодаря напряженной агитации вредных России элементов могут, хотя бы и временно, втянуться в политику грузинских сепаратистов и татарских беков и влиться в союз автономных республик (Азербайджанской, Грузинской и др.) – «Союз освобождения Востока»».

Чтобы устранить такую угрозу, сорвать сепаратистские планы буржуазных националистов, по приказу Джунковского в Ашхабаде были арестованы 12 человек, обвиненных в «немецко-турецком шпионаже». В документах белогвардейской контрразведки отмечалось: «Все это были люди энергичные, образованные, на вид весьма почтенные, часть из них с

паспортами нейтральных держав. Все они вместе с пленными германцами и мадьярами, закованные в цепи, отправлены англичанам, которым их сдали в Мешхеде»¹¹.

Так русская белогвардейщина пыталась обрубить в Закаспии щупальца империалистической Германии и султанской Турции, оградить своих весьма ненадежных партнеров от иноземного влияния с этой стороны.

Появление в Закаспии новых хозяев – англичан лишь накалило страсти, свило в контрреволюционном лагере тугой клубок интриг. Туркменские националисты метались между оккупантами и белогвардейщиной: то вели переговоры с интервентами и угодничали перед Маллесоном, то пресмыкались перед белыми и готовили акт о признании Закаспия территорией командования «добровольческой» деникинской армии и «верховного правителя» Сибири (Колчака). Но это нисколько не мешало националистам организовывать заговоры, собираться на тайный маслахат – совет родовых вождей, крупных ханов, баев, где пантюркистская «партия Овезбаева настаивала на том, чтобы порвать с русскими окончательно, а представители мервской ханши говорили, что без русских туркменам обойтись нельзя». Менялась лишь тактика национальных «верхов», но суть ее оставалась неизменной – покончить в Закаспии с Советской властью, с большевиками, выторговать себе привилегии ценою предательства родины, интересов народа. Ведь недаром английское командование сулило «очистить Туркестан от большевиков» с условием – оккупировать его на 15–25 лет.

Интервенты, верные своей колонизаторской политике, не оставались безучастными к поведению национал-предателей. Генерал Маллесон, которому, видимо, удалось привлечь на свою сторону Ораза Сердара и Хаджи Мурата, установил тесные связи и с Овезбаевым, и с ханом Иомудским, старался повлиять на них, стремился «усилить поворот их политики от панисламистской туркофильской к туркменской самостийности».

Белогвардейцы ревновали англичан к своим «туземным» союзникам. Им мерещилось, что интервенты недостаточно активно вели себя в бою под Каахка и будто они, добиваясь ухода с фронта националистических отрядов, хотят помочь советским войскам разгромить белых. Но зато другие сведения белогвардейской контрразведки были абсолютно точны: англичане готовили столкновение между двумя крупными туркменскими племенами – текинцами и иомудами, чтобы посеять рознь, помешать их объединению.

Судя по белогвардейским документам, англичане с помощью феодально-байской верхушки задумали создать из иомудов партизанские отряды. «Хан Иомудский вел все время переговоры с англичанами, – писал Деникину генерал Лазарев, – причем последние помогли ему в деле организации партизанских отрядов, которое должно было иметь место в районе Атрека и Гюргена... Поверенным у них (англичан. – Р. Э.) больше, чем другие, был хан Иомудский».

Что хан Иомудский пытался создать партизанские отряды, подтверждает и докладная записка советского командования от 25 сентября 1919 года^[53]. Но эта авантюра была обречена на провал: трудовой люд не захотел встать под грязные знамена националистов. В ответ на действия контрреволюционных сил передовые представители туркменского народа стали организовывать в тылу врага красный партизанский отряд.

Белогвардейское командование чрезвычайно раздражали «самостийная пропаганда» англичан «среди туркмен и иомудов», туркофильство Овезбаева и действия хана Иомудского «во вред добровольческой армии», хотя это не мешало Деникину тепло принимать делегацию во главе с ханом Иомудским, прибывшую на Северный Кавказ с целью ознакомиться с «мощью добровольческой армии»¹².

И все же, несмотря на внутренние раздоры, контрреволюцию объединял страх перед нараставшим революционным движением рабочих и дайханских масс, все смелее выступавших за свое освобождение, перед

стремительным наступлением частей Красной Армии, приближавших крах зыбкого альянса реакционных сил.

Таким образом, национальные «верхи», страшась объединения трудящихся масс, в решающий час предают интересы трудового народа. В. И. Ленин, срывая лицемерную маску с национальной буржуазии, изобличая ее роковую роль в революционном движении, писал: «...буржуазия пойдет на все. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы»¹³.

Сформированные феодально-байской верхушкой отряды усилили лагерь контрреволюции, помогли английским интервентам и белогвардейщине задушить на время Советскую власть почти на всей территории Закаспия, расправиться с лучшими сынами революции.

Новый 1919 год разрушил планы туркофильствующих националистов, лелеявших мечту объединиться под протекторатом султанской Турции. Известно, что Турция в сентябре 1914 года на стороне своей союзницы Германии вступила в первую мировую войну, участвовала в брестских переговорах, а затем, нарушив мирный договор, приняла участие в интервенции Антанты против Советской России. Ее войска в сентябре 1918 года вероломно вступили в Баку и устроили там резню и погромы. Это лишь приблизило час кончины Османской империи. Советское правительство 20 сентября 1918 года аннулировало Брестский договор в части, касавшейся Турции. А незадолго до этого турецкие армии были разгромлены англичанами и французами. 30 октября в Мудросе был подписан акт о капитуляции Турции, фактически означавший крах Османской империи. Военный флот Антанты после подписания Мудросского перемирия вошел в Дарданеллы и Босфор, пропик и в Черное море. Английские, французские, греческие, итальянские войска оккупировали многие важные районы Турции, захватили ее колонии. Территория Турции привлекала их и как объект колониальной эксплуатации, и как плацдарм для развертывания антисоветской интервенции.

Конец Османской империи, поднявшаяся в Турции волна крестьянского движения, партизанская борьба против иноземных захватчиков погасили надежды туркменского националистического отребья. Патриотическое движение за национальную независимость Турции возглавила анатолийская национальная буржуазия, которая в отличие от национальных «верхов» Закаспия, шедших на поводу у английских интервентов и белогвардейщины, стояла тогда на революционных антиимпериалистических позициях.

На данном этапе борьбы с иностранной интервенцией интересы Советской России и Турции смыкались.

16 марта 1921 года Советская Россия и Турция заключили Договор о дружбе и братстве. По поводу этого акта двух стран видный государственный и военный деятель Турции Кемаль Мустафа Ататюрк говорил: «Мы с Россией – друзья, ибо Россия раньше, чем кто-либо иной, признала наши права и проявила к ним уважение»¹⁴.

В те дни турецкий официоз – газета «Хакалног Миллие» подчеркивала, что царское правительство было врагом Турции, а «Советское правительство, представляющее русский парод, – первый друг Турции и турок»¹⁵.

Интересы революции, сложившаяся весной 1919 года ситуация, когда усилился натиск контрреволюции на молодую Советскую республику, рост антиимпериалистического движения вызывали необходимость изменить тактику по отношению к непролетарским слоям и группам. Руководством к действию для большевиков Туркестана было указание великого стратега В. И. Ленина о том, что «победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран, – так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе

массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме вообще. Кто не доказал практически... своего умения применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплуататоров. И сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом»¹⁶.

В начале 1919 года в Туркестан приехала «германо-турецкая миссия» во главе с профессором М. Барикатуллой – представителем Германии и капитаном Мухамедом Казим-беем – представителем Турции. Члены делегации совершили поездку в Хиву, Бухару, Ташкент, а Барикатулла и Казим-бей побывали до этого в Афганистане. Они наметили довольно широкую программу действий по борьбе с англичанами: поднять восстание против колонизаторов в Афганистане и Индии, изгнать их прежде всего из Закаспия, Турции, Ирана, сформировать из местного населения 25-тысячное войско. Капитан Казим-бей уверял, что Джунаид-хан и Эзис-хан, выступающие против Советской власти, изменят свои позиции и «примут самое активное участие... по вытеснению англичан из Закаспийской области и далее».

М. Барикатулла, посетивший Москву, в записке правительству Советской России писал, что в январе 1919 года из Бухары делегация отправила письмо Джунаид-хану, а через него и Эзис-хану, в котором советовала им «смотреть па большевиков как па друзей, а па англичан – как на врагов. Оба сардара (Джунаид-хан и Эзис-хан.—Р. 5.), – писал Барикатулла, – приняли наш совет с радостью и прислали своих курьеров за более точными практическими указаниями»¹⁷.

Советское правительство Туркестана в свою очередь направило Джунаид-хану и Эзис-хану официальные послания. Через своих представителей оно выразило согласие на автономию Хивы, предложило помощь, если войска Джунаид-

хана совместно с частями Красной Армии выступят против интервентов [\[54\]](#). Эзис-хану и его отряду в случае перехода на нашу сторону была гарантирована амнистия.

Капитан Казим-бей взял на себя посредничество между Советским правительством Туркестана, Хивой и вождями отдельных туркменских племен. Он также выразил готовность принять участие в боевых операциях на Закаспийском фронте, повести за собой против англичан хивинские войска и новые формирования из туркмен ¹⁸.

Факт встречи советских представителей с «курьерами» Эзис-хана подтверждает и один из его сподвижников, Кизыл-хан Сарыев, перешедший затем на сторону Красной Армии с бойцами бывшего эзисхановского отряда. «Ссора в Мерве между Оразом Сердаром и Эзис-ханом вскоре переросла в большую вражду», – вспоминает он.

Причины этой вражды Кизыл Сарыев видит в инциденте, происшедшем после захвата Мерва белыми войсками. Люди Ораза Сердара начали конфисковывать у населения хлеб и другие продукты. Этому воспротивился Эзис-хаи.

– Не отбирай у народа пшеницу, – сказал он. – Не погибать же им с голоду! Стоило ли воевать, если грабить свой же народ?

– Мне печем кормить войска! – ответил Ораз Сердар.

– Тогда незачем было вести за собой столько людей! – сказал Эзис-хан.

Слово за слово, и между ними вспыхнула ссора. Эзис-хан схватился за оружие, но его удержали.

«Эзис-хан тайно снарядил к красным своих делегатов– Акы Кула из рода амаши и Берды молла из рода сычмаз, – пишет далее К. Сарыев. – С ними передал, что он поссорился с Оразом Сердаром и хочет перейти на сторону красных. Наверное, Ораз Сердар почувствовал в лице Эзис-хаи опасного противника или же прослышал о его намерениях и решил убрать его с дороги.

Вскоре белые арестовали Эзис-хана и, говорят, расстреляли в Красноводске. После его смерти вернулись наши делегаты. Они встретились у красных с Касым-бегом (Казим-бей. – Р. Э.) и

Алим-бегом (возможно, еще один из членов германо-турецкой делегации – Мугамет Алиев или Магомед Али Исмаилов. – Р. 5.), привезли от них письмо»¹⁹.

Истоки распрей между националистическими главарями туркменские историки совершенно справедливо видят в самой их природе – в борьбе за власть. Эзису Чапыкову, стремившемуся создать собственное ханство в Тедженском оазисе, претила служба в подчинении у Ораза Сердара. Последний же, являясь командующим белых войск, сам мечтал стать властителем туркменских земель. Финал этой грызни за власть – арест Эзис-хана в марте 1919 года, а затем расстрел.

Любопытны суждения об Эзис-хане активного участника гражданской войны, члена Политотдела Реввоенсовета Закаспийского фронта И. В. Бухаренко. Он считал, что Кизылхан Сарыев, перейдя с отрядом Эзис-хана на сторону Красной Армии, по сути «осуществил затею Эзиса Чапыкова». После прихода интервентов эзисхановцы покинули фронт белых. Далее И. В. Бухаренко вспоминает: «Чапыков уже тогда имел намерение перейти на сторону советских войск. Советское командование, узнав, что в Агаланге (резиденция Эзис-хана. – Р. Э.) стоит вооруженный отряд, не выявив причины его отхода, не выявив его колебаний и не поискав способов подхода к Эзис-хану, не попытавшись привлечь его на свою сторону, не помню, какого числа конца августа, предпринимает поход советского отряда, чтобы выбить из него (Агаланга. – Р. Э.) отряд Эзис-хана. Эта боевая операция была для нас крайне неудачной. Наши отряды получили сильный отпор, и в этом походе был убит командир Борисоглебского отряда тов. Матвеев. Автор, глубоко подумав об этой операции, пришел к выводу, что это было не только тактической военной ошибкой, но и политической. Не исключена возможность, что Эзис Чапыков мог в то время перейти на сторону советских войск. При обсуждении причин нашего отступления (в конце октября 1918 года советские войска оставили Теджен и весь Мервский оазис. – Р.Э.) тов. Паскуцкий назвал наше наступление на

Агаланг, ставку Эзиса Чапыкова, ошибкой, вместо посылки к нему представителей для переговоров. Командовал в тот период советскими войсками военный комиссар Осипов, который оказался агентом английских интервентов...»²⁰

Очевидец событий И. В. Бухаренко считает, что на отношение Эзис-хана к Советской власти порою влияли чисто случайные факты и события, происходившие в той сложной и противоречивой обстановке. В мае 1918 года в Кушку за оружием приезжал командир крупного красноармейского отряда Степанов, вспоминает Иван Васильевич. Ему поручили поехать в Теджен, встретиться с Эзис-ханом, выявить его настроение и в зависимости от обстановки принять меры²¹. Вероятно, о Степанове пишет и Кизыл Сарыев, называя его «Сарыджа-комиссар» (его фамилию он не помнит): «Эзис-хан рассказал Сарыджа-комиссару, что он раздал населению хлеб, который дала ему Советская власть. Комиссар похвалил Эзис-хана, пообещал вооружить его джигитов»²².

О колебаниях Эзис-хаа, о сложности натуры этого необузданного нрава человека, исполнявшего волю духовенства, крупных баев Теджеи, особенно влиятельных родов амаша и улуглар, рассказывает и участник гражданской войны, делегат X съезда РКП (б) Аннамурад Сарыев [\[55\]](#).

Степанов встретился с Эзис-ханом, рассказывает И. В. Бухаренко, принял от него отряд туркменских джигитов, с которым выехал в Ташкент. Здесь отношение Эзис-хана к Советской власти признали, очевидно, лояльным. Часть туркменского отряда оставили в Ташкенте для охраны туркестанского правительства, другую часть отправили на фронт против белоказацких войск Дутова. На фронте отряд Степанова, в котором теперь служили и туркменские джигиты, встретился с Жлобинским отрядом [\[56\]](#).

Встреча (вернее, столкновение) окончилась трагически. Подоплека дела заключалась в том, что еще в 1917 году в Быхове жлобинцы пытались арестовать верховного главнокомандующего русской армии мятежного генерала

Корнилова. Но этому намерению воспрепятствовал конный туркменский полк, находившийся в охране Ставки верховного. И вот жлобинцы, увидев джигитов, внешне похожих на тех, которые охраняли Корнилова, потребовали, чтобы Степанов разоружил их. Степанов требование не выполнил и был убит. Жлобинцы разоружили весь его отряд, в том числе и туркменских джигитов.

Тем временем в Ашхабаде и Кизыл-Арвате 11–12 июля 1918 года вспыхнул контрреволюционный мятеж, пала Советская власть. 16 июля буржуазные националисты созвали в Безмеине свой «съезд». Ораз Сердар и Овезбаев, играя на честолюбии Эзис-хана, предложили ему примкнуть с отрядом к мятежникам, дескать, тогда его признают ханом все – и беднота, и баи, и аристократы.

Аннамурад Сарыез

Эзис-хан, узнав о разоружении своих джигитов, потеряв в лице красного командира Степанова единственное звено, связывавшее его с Советской властью, посчитал, что и ему угрожает опасность, утверждает И. В. Бухаренко. И тогда Эзис-хан вместе с отрядом мчится в Мерв, примыкает к белогвардейской банде²³.

Когда 12 августа 1918 года английские интервенты перешли границу у станции Артык и в районе Байрам-Али вступили в бой с советскими войсками. Эзис Чапыков отошел в Агаланг и выжидал – чья же возьмет? Части Красной Армии, отражая натиск врага, освободили Мервский оазис, Теджен и, развив успешное наступление, 26 августа подошла к станции Каахка. Здесь завязались ожесточенные схватки с интервентами и белогвардейцами.

Увидев, что красные отступают, Эзис-хан вступил с ними в бой под Душаком, причем советские войска потеряли до 60 человек убитыми. А 15 октября его отряд напал на Теджен, находившийся в тылу Красной Армии. Его мобильную конницу белогвардейское командование использовало то в авангарде своих войск, то в глубоких рейдах по тылам советских частей [\[57\]](#).

От руки Эзис-хана и его молодчиков погибли немало честных, преданных Советской власти людей. Так, по его приказу были убиты организаторы и командиры Тедженского красногвардейского отряда Ага Ханджаев (Ага Дели) и Текс Ходжаев (отряд, сформированный из туркмен, нес охрану местного Совета). Белому фронту Эзис-хан поставил около 1000 джигитов. Его подвижная конница заметно укрепила контрреволюционное воинство²⁴.

Итак, каким же представляется истинное политическое лицо Эзиса Чапыкова, в чем подоплека его действий?

Советское правительство Туркестана и командование Закаспийского фронта в те дни были информированы, что Чапыков «благожелательно относится к ташкентскому советскому правительству. Хан недоверчиво относится к

англичанам и белым» (ашхабадскому правительству) ²⁵. Но, не исключая в принципе возможности перехода Эзис-хана и его отряда на нашу сторону, следует все же констатировать, что в своих действиях он руководствовался прежде всего узкокорыстными, авантюристическими интересами, мечтал образовать «собственное» ханство; фактически же он был послушным орудием духовенства и тедженского байства. Послужив белым, а затем намереваясь порвать с ними, он не успел это сделать. На белогвардейском суде, рассказывают очевидцы, Эзис-хану не инкриминировалась связь с советским командованием²⁶. Очевидно, заигрывание Эзис-хана с Советской властью было каким-то кратковременным тактическим ходом.

Эзис-хан, пользовавшийся в то время большим влиянием среди отсталого населения, особенно среди дайханства, своими действиями во многом напоминал украинского анархиста Махно; это был, можно сказать, его туркменский вариант.

Деникинский Осваг (осведомительное агентство) постоянно информировал своего «шефа», что туркменские националисты, главари различных племен, «стремятся поставить себя в независимое положение», по-прежнему мечтают о «самоуправлении в Туркестане»²⁷. Но Деникин, лелеявший монархическую идею о возрождении «единой и неделимой России», не допустил бы «самостийности» Закаспия, как и любой иной территории. Это понимали наиболее дальновидные представители туркменского народа.

В. И. Ленин отмечал, что «маленькие государства не могут объединиться для борьбы с большевиками, так как они боятся, что в случае их собственной победы и одновременной победы деникинщины восстановится Русская империя, которая снова не будет давать жить мелким народам»²⁸.

В июле 1919 года ЦИК и Крайком партии Туркестанской республики получили из Москвы радиogramму ЦК РКП (б). В пей, в частности, говорилось: «...на основании принятой VIII съездом программы Коммунистической партии в интересах политики рабоче-крестьянской власти на Востоке необходимо широкое,

пропорционально населению, привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии...»²⁹

Выполняя эти указания, местные советские органы и командование Закаспийского фронта привлекали к государственной деятельности не только трудящихся местных национальностей, но и представителей непролетарских слоев населения. Так, 1 августа в Полторацке (Ашхабаде) комиссия в составе турецкого капитана Казим-бея, агента по особым поручениям при Реввоенсовете республики В. Луценко и члена Политотдела Реввоенсовета Закаспийского фронта С. Г. Гейвандова рассмотрела вопрос «о привлечении туркмен Закаспийской области па службу в ряды Красной Армии». Чтобы оказать влияние на широкие массы, комиссия сочла целесообразным использовать отдельных туркменских родоначальников и видных мулл, для чего решила срочно созвать их съезд³⁰.

Еще в июне 1919 года, когда Ашхабад находился под властью белых, в Келята, к Махтумкулн-хану, по заданию советского командования ездил Асмандурды Элеш-оглы. Он ознакомил хана с положением освобожденного Мерва, рассказал о миролюбивом отношении Советской власти и ее войск к туркменскому населению. После освобождения Ашхабада и Бахардена Махтумкули-хан и его соплеменники активно сотрудничали с Советской властью. Они собрали для Красной Армии около 600 верблюдов, много фуража, транспортных средств, помогли организовать запись добровольцев-туркмен, которые с боями дошли до Красноводска вместе с красноармейскими частями.

Советское командование, хорошо осведомленное о лояльности Махтумкули-хана, умело использовало его и в дальнейшем. С помощью этого популярного родового вождя были прекращены разбойничьи действия многих басмаческих шаек, которые нападали па мирное население, вступали в вооруженные схватки с советскими войсками³¹.

Советское командование начало также переговоры с одним из вождей националистической контрреволюции, Сеидмурадом Овезбаевым, и гарантировало ему полную неприкосновенность, если он отдаст «свои познания, энергию и личную инициативу на служение освобождению пролетариата от ига капитала и империализма». Бывший лидер националистов принял эти условия.

29 декабря 1919 года председатель Реввоенсовета Закаспийского фронта Н. А. Паскуцкий предписал Овезбаеву сформировать новый Туркменский конный полк из 600 сабель³².

Но отдельные лидеры националистической контрреволюции до последних дней господства белогвардейщины занимали по отношению к Советам резко враждебную позицию. Ораз Сердар, хан Иомудский и Хаджи Мурат безуспешно пытались набрать на острове Челекен добровольцев для борьбы с советскими войсками. Ничего не добившись, как сообщала разведсводка советского командования от 8 февраля 1920 года, они с отрядом в 70–80 человек бежали в Иран³³.

Бежали за границу и многие представители феодально-байской верхушки аулов.

Молодая власть Советов Закаспия нуждалась в грамотных национальных работниках, пользующихся доверием туркменского населения. Несмотря на выжидательные позиции нетрудовых классов, большевики смело шли на использование в советской работе лояльно настроенной части национальной интеллигенции. Так, 14 января 1920 года председателем уездно-городского ревкома Полторацка Закаспийский областной ревком назначил Сеидмурада Овезбаева. А 21 апреля он объявил амнистию 15 бывшим лидерам националистической контрреволюции, бежавшим вместе с белогвардейцами. Среди тех, кому областной ревком разрешил вернуться на родину и гарантировал полную безопасность, были Ораз Сердар, Хаджи Мурат и хан Иомудский³⁴.

Подлинно демократическая национальная политика Коммунистической партии привлекала многих дальновидных

представителей национальных «верхов», которые, не сразу порывая со своим классом, стали лояльно сотрудничать с Советской властью. Со временем эти люди, убедившись, что Советы открывают для ранее угнетенных царизмом народов широкие горизонты исторического развития, будут добросовестно и активно трудиться в руководящих советских органах Закаспийской области. Мудрость и гуманизм ленинской национальной политики заключались в том, что она постепенно отрывала этих людей от умирающих эксплуататорских классов, сближала их со своим народом, вовлекала в строительство социализма, превратила в честных советских граждан.

2. ПЕРЕХОД ТРУДОВОГО ДАЙХАНСТВА НА СТОРОНУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Первый же бой (28 июля 1918 года под Чарджуем), в котором мятежники потерпели поражение, отрезвил многих дайхан, обманом втянутых в авантюру националистических вожakov. Легкой победы над большевиками, которую посулили баи, ханы и муллы, не получилось³⁵.

В феврале 1919 года, как уже отмечалось ранее, численность националистического воинства достигла своего предела – 4 тысячи бойцов. Большинство составляли представители имущих классов туркменского села, национальных «верхов» и, конечно, забитые нуждой отсталые дайхане, слепо верившие своим родовым вождям. Но это немногочисленное по сравнению с общим туркменским населением воинство ни в коей мере не выражало настроений трудового дайханства, его истинных отношений к Советской власти, к событиям, происходившим в оккупированном англичанами Закаспии.

Большевики не успели установить тесных связей с туркменским селом, что явилось одной из причин временного падения Советской власти в Закаспии. Но они понимали, что прочная победа социалистической революции немыслима без поддержки пролетариата массовым союзником – трудовым крестьянством. Об этом свидетельствует весь опыт революционного движения от Парижской коммуны до наших дней. Ленин писал, что «пролетариат не может победить, не завоевывая на свою сторону большинства населения»³⁶.

Каким же было туркменское дайханство в пору иностранной военной интервенции и гражданской войны? Что способствовало возникновению и подъему революционного движения среди дайханства, даже среди самых его отсталых и забитых слоев? Какую линию вели большевики Закаспия, командование Закаспийского фронта, осуществлявшие политику ЦК РКП (б),

направленную на повышение классового самосознания туркменского дайханства, на вовлечение его в борьбу против внутренней и внешней контрреволюции?

После Октябрьской революции Советская власть в Закаспии пыталась преодолеть серьезные трудности на пути создания и укрепления революционного союза рабочего класса и трудового дайханства. Но здесь борьба за уничтожение феодального землевладения развернулась не так бурно и остро, как в России или на Украине. Социалистическая революция в туркменском селе разворачивалась относительно замедленными темпами.

Феодально-байская верхушка аулов, страшась объединения эксплуатируемых масс, сеяла родовые раздоры, натравливала друг на друга многочисленные туркменские племена. Так же поступали белогвардейские правительства и английские интервенты, набившие руку на стравливании «туземцев» в своих многочисленных колониях.

Советская власть, продержавшаяся в Закаспии после Октябрьской революции немногим более полугода, успела сделать многое для туркменского дайханства, чтобы облегчить его нищенское положение.

Советское правительство, выделив крупные суммы на государственное кредитование дайхан-хлопкоробов, безошибочно определило основное звено новой аграрной политики в Средней Азии, которая должна была покончить с нищетой и малоземельем. Весенняя посевная кампания 1918 года, мероприятия по сохранению и расширению хлопкового клина, в которых местные большевики и рабочие организации приняли активное участие, наглядно продемонстрировали, что Советы стремятся поднять дайханское хозяйство, окончательно и бесповоротно оторвать бедноту аула от «своей» феодально-националистической верхушки.

Но вот советских работников, большевиков, начавших было втягивать аулы в решение земельных и водных вопросов, после мятежа сменили бывшие офицеры, царские чиновники, местные представители власти свергнутого Октябрьской революцией буржуазного Временного правительства, в том числе эсеры.

Широкие трудовые массы туркмен, едва сделавшие первые шаги по пути сближения с Советской властью, были буквально ошеломлены свершившимся контрреволюционным переворотом. В ряде мест – во многих аулах Серахса, Мерва, Байрам-Али, Западного Туркменистана– беднейшие дайхане заявляли, что они за Советскую власть. Однако среднее дайханство, приветствовавшее на первых порах Советскую власть, в критический момент поддалось уговорам родо-племенных вождей и националистических «верхов».

В целом же коренное население Закаспия отнеслось к смене властей отнюдь не безучастно. Это выявилось при первых же попытках белогвардейского правительства провести свои «государственные» мероприятия, в частности при попытке взыскать с дайхан недоимки по налогам и податям за прошлые годы. Так, например, несмотря на письменные и устные приказания властей, старшины Казанджикского комиссариатства не внесли ни одной копейки. Уездный комиссар Мерва приказал даже арестовать всех, кто мешает их сбору. Золин, участковый комиссар Кара-Кала, созвавший 10 сентября 1918 года «съезд представителей от туземного населения», вопрошал:

– Как относится мирное туземное население к борьбе существующей в области власти с большевиками? Если сочувственно, то почему оно до сего времени не принимает в этом активного участия в виде внесения податей и добровольных пожертвований деньгами и натурой? ³⁷

Комментарии, как говорится, излишни.

Как это, так и многие другие мероприятия белогвардейского правительства, не отказавшегося от царской политики реквизиций, ущемляли интересы коренного населения. Если на имущество дайхан власти покушались в «законном» порядке, якобы во имя борьбы с большевиками, то их представители на местах грабили и мародерствовали открыто. Так, начальник красноводской, а затем ашхабадской милиции Алания взломал в доме одного джебельского жителя сундук и присвоил 20 тысяч рублей. Белогвардейские чины нередко задерживали на дорогах

туркмен, обыскивали их, отбирали деньги и продукты, избивали. Интервенты и белогвардейские войска громили санитарные поезда, чинили зверства над мирным населением прифронтовой полосы³⁸.

Чтобы держать эксплуатируемые массы «в узде», не дать им объединиться, правящая верхушка не брезговала ничем – сеяла межплеменную вражду, поддерживала религиозные и домостроевские формы адата и шариата. А русская белогвардейщина не скрывала свои шовинистические чувства даже по отношению к своим партнерам – лидерам национальных «верхов». «В Закаспийской области, – говорилось в одной из докладных на имя Деникина, – необходимо назначение твердой военной власти. Во главе Управления должен стоять непременно русский человек». Так было не только на словах, но и на деле. Ораза Сердара сменил генерал-лейтенант Савицкий. 4 февраля 1919 года упразднили должности помощников управления внутренних дел, и один из них – Махтумкули-хан – остался «за штатом па общем основании». 2 января 1919 года в решении последнего заседания Временного исполкома, создавшего «Комитет общественного спасения», говорилось, что его члены «должны быть русскими по убеждению». Член белогвардейского правительства эсер Курылев с откровенным цинизмом заявлял: «Мы уже потопили восемнадцать этих мерзавцев туркмен, скоро уничтожим и других»³⁹.

Неприкрытый шовинизм в Закаспии воцарился особенно с приходом деникинских войск во главе с монархически настроенными белогвардейскими генералами и офицерами.

Местное население по-разному выражало недовольство антинародной политикой белогвардейского правительства. Дайхане, несмотря на агитацию и угрозы белых, фуража для белогвардейско-националистической конницы не подвозили, а принудительные поборы вызывали их отчаянное противодействие. Иомуды, проживавшие в предгорьях Копетдага, прослышав о реквизиции верблюдов, откочевывали в Иран. Население саботировало распоряжения властей, на

увещевания «содействовать борьбе с большевиками» никак не реагировало. На нефтяных промыслах острова Челекен туркмены портили изоляторы, между Кара-Кала и Чикишляром скотоводы кочевники разрушили телеграфную линию. Туркмены-рабочие отказывались ехать на фронт, на разборку и ремонт железнодорожных путей.

В январе 1919 года власти арестовали старшину Аннатагана Союнчева «за укрывательство лица, положившего рельсу на железнодорожное полотно, каковое лицо ему известно, но указать он его не хочет». Тогда же возле станции Геок-Тепе было похищено около 700 шпал. «Местной туземной администрацией меры не принимаются, – жаловался правительственный чиновник. – Вообще туркмены некоторых прилегающих к полотну железной дороги аулов держат себя вызывающе». 7 января туркмены задержали в Геок-Тепе белогвардейского участкового комиссара, который «подвергся насилию с их стороны» ⁴⁰.

Часть дайханства после кровопролитных летних боев 1918 года, когда погибло немало обманутых туркмен, осознала гибельность политики продажных национальных «верхов», находившихся на услужении интервентов и белогвардейщины. 18 августа в Мерве советское командование приняло делегацию мирного туркменского населения. Как сообщала 20 августа газета «Трудовая мысль», от имени жителей окрестных аулов делегаты заявили, что трудовые люди не хотели и не хотят войны с Советской властью, по их запугивают и насильно мобилизуют в белую армию. По теперь, прозрев, они поняли, какую цель преследовали баи и феодалы. Делегация заверила, что туркмены добровольно разоружатся, возвратятся к мирному труду и к следующему базарному дню доставят для города все необходимые продукты.

Особенно опостылели пароду мобилизации в белогвардейскую армию для ведения ненавистой войны. Против них мужественно выступил вождь рода геркез Аллаяр Курбанов. В Кара-Кала и Кизыл-Арвате в многолюдье он смело

призывал местное население не подчиняться белым властям, не записываться в их армию, не слушаться авантюристов, ввязавшихся в войну с большевиками. В октябре протестовало против мобилизации туркменское население Бахардена. Эти настроения перекинулись и в белую армию, особенно в те части, где служили туркмены: в десяти полках замечалось сильное разложение, участились случаи перехода на сторону советских войск. Много туркмен перешло к красным под Мервом и Тедженем. «Мобилизованные местные жители готовы перейти к нам целыми частями», – говорилось в телеграмме Туркестанского Совнаркома от 18 ноября 1918 года.

Настроения коренного населения красноречиво выразил открытый протест солдата так называемого Ашхабадского добровольческого отряда Акбера Мамедова. Он отказался от нового обмундирования, заявив, что не желает больше служить в белогвардейских войсках, и потребовал отпустить его домой. Арестованный А. Мамедов смело бросил офицеру: «В отряде дисциплина старая... Пусть расстреляют, и то лучше будет».

Деникинское командование пыталось пополнить свое разбежавшееся воинство бывшими джигитами туркменского дивизиона. Но мобилизованные джигиты во всеразбежавшееся воинство бывшими джигитами туркмен.

Среди белогвардейских документов часто встречаются доклады с мест, свидетельствующие о беспомощности властей, об открытом недовольстве масс, о росте их активности. Белогвардейская эсэро-меньшевистская администрация причины неповиновения искала в национальных особенностях туркмен, которые, мол, вообще не признают никакого начальства и авторитета – ни «своего выборного», ни назначенного белогвардейского⁴². Но дело, разумеется, было не в национальных особенностях «туземцев», а в том, что, чем больше изобличало себя белогвардейско-националистическое правительство, реставрировавшее старые порядки, усиливавшее сбор податей, принудительные мобилизации, реквизиции и т. д.,

тем быстрее росла сознательность дайханских масс, тем активнее сопротивлялись они властям.

С конца 1918 года коренное население все чаще и чаще открыто выражало свое враждебное отношение к белогвардейскому правительству. 28 ноября «Голос Средней Азии» отмечал, что отдельные туркмены публично призывали народ не повиноваться властям.

В середине августа в Иолотани взбунтовалось племя сарыков. Джигиты из этого племени, ворвавшись в управление комиссариата, забрали находившееся там оружие, конфискованное у населения. Созданная в аулах милиция не выполняла распоряжения властей. Туркменские всадники, находившиеся па услужении у белогвардейцев, нападали в Байрам-Али на частные лавки, на базар, устраивали погромы. Начальник местной милиции, отчаявшись справиться с ними, обращался за помощью в штаб английских войск.

Убийства представителей белых властей, нападения па них со стороны местного населения совершались столь часто, что белогвардейское министерство внутренних дел ввело специальную систему учета таких явлений. Вот несколько примеров: житель Гасан-Кули Бердыклыч Мамед напал на белогвардейского полковника; люди из иомуд-ского аула Бегельке вблизи местечка Ходжа-кала напали на сельского старосту и ехавших с ним офицеров, один из офицеров был убит; на Кара-Богаз-Голе, в Мангышлакском уезде, туркмены на 25 верблюдах напали па нефтяной промысел, обезоружили сторожей, разгромили казенное хозяйство⁴³.

19 апреля 1919 года следователь военно-полевого суда Ленский, назначенный председателем комиссии по расследованию челекенских событий, докладывал начальству, что вернулся из командировки, длившейся целый месяц. Какие же события, встревожившие белогвардейское правительство, потребовали столь долгого разбирательства?

30 октября 1918 года старшина аула Гасан-Кули Ниязмамед Караев доносил красноводскому «стачкому», что из Кумушдепе

(в Туркменской степи, на территории Ирана) туркмены отправляют в Баку разные товары, а обратно везут винтовки; то же самое делают и туркмены Энзели.

18 ноября того же года Красноводский административно-следственный отдел информировал «стачком» и военный штаб: «По агентурным данным, в ауле Огамана на острове Челекен у туркменского населения имеется масса огнестрельного оружия. Происходит обучение молодежи военному строю. Оружие покупается в Персии и секретно доставляется в аул... Туркменский комитет, которым негласно руководит хан Иомудский, находится якобы в блаженном неведении. Гражданская власть в лице комиссара Малыгина находится в услужении туркмен и числится только номинально. На острове Огурчинском организованы правильные (регулярные. – Я. Э.) контрабандные рейсы. Все отправляется в Баку. Промыслы частных лиц туркменами заняты и считаются ими за свою собственность. Ходят слухи о бывших (побывавших. – Р. Э.) на острове турецких агентах».

Кун обратился в штаб английских войск с просьбой послать на остров Челекен карательную экспедицию «для разоружения».

В феврале, а затем в марте 1919 года челекенский участковый комиссар Урбанович сообщал, что в направлении Джебела ушла парусная лодка, груженная винтовками, а жители островов Челекен и Огурчинского продолжают возить из Баку винтовки и патроны, рубят телефонные столбы, стойки. Белогвардейский комиссар предлагал обыскать все аулы, конфисковать оружие и немедленно выслать с острова хана Иомудского, будто бы виновного во всем, что свершалось на Челекене. А хан Иомудский со своей стороны 7 февраля 1919 года доносил белым властям на старшину аула Гасан-Кули-Караева, обвиняя его в неблагонадежности ⁴⁴.

Чем объяснить столь непонятное на первый взгляд поведение хана Иомудского? То у него под самым носом вооруженное туркменское население обучалось военному строю, привозило оружие из Баку, то он обвинял в неблагонадежности

ревностного старшину Караева, а белогвардейский комиссар требовал немедленно выслать с острова хана Иомудского. Неужели и в самом деле хан Иомудский пребывал «в блаженном неведении»? По всей вероятности, хан Иомудский, вступивший в сговор с английским командованием, рассчитывал из обученных туркмен Челекена сколотить в будущем националистические партизанские отряды и потому не мешал местной молодежи обучаться военному делу.

Как уже говорилось ранее, челекенские туркмены не оправдали надежд главарей национальных «верхов», не встали под их знамена. Местное население отказалось вступить в отряд хана Иомудского, и он сбежал за кордон в феврале 1920 года, когда Красная Армия при активной поддержке местного населения освобождала туркменскую землю от белогвардейской нечисти.

Революционное движение дайханских масс Закаспия в гражданскую войну можно условно разделить на два этапа: начальный – с июля до конца 1918 года, характерный пассивным сопротивлением; завершающий – в период открытой военной диктатуры интервентов и белогвардейщины, отличавшийся активным сопротивлением засилью внешней и внутренней контрреволюции.

Пассивное сопротивление мероприятиям белогвардейского правительства вначале выражалось в отказе от уплаты налогов, поставок хлеба, фуража, транспортных средств и т. д. Уже в первые месяцы хозяйничанья в Закаспии контрреволюционных сил расчетливый дайханин с дотошностью прикидывал, что принесли ему белогвардейские правители, а что дала Советская власть, как было раньше, при Советах, как живется теперь, при белых.

Бесчинства английских батальонов, самоуправство белогвардейской администрации, бесчисленные натуральные повинности – поставки хлеба, фуража, овец, лошадей, верблюдов для белогвардейско-националистической армии – все это превращало туркменский аул в колонию, а дайханина – в раба.

Трудовое дайханство, конечно, не знало о письме генерала Деникина, излагавшего свое кредо по земельному вопросу: «...в основу будущего земельного закона для России положить... сохранение за собственниками их прав на землю»⁴⁵. Но дайхане испытали это на собственном опыте, тем более что феодально-байская верхушка аула, поддерживаемая белогвардейским правительством, непоколебимо стояла за сохранение феодального землевладения и водопользования.

В области национальной политики монархист Деникин твердо держался великодержавного, шовинистического лозунга «единой и неделимой России». А это означало полное отрицание прав народов России, особенно ее колониальных окраин, на какую бы то ни было самостоятельность. Такая ярко выраженная монархическая политика отталкивала от Деникина многих лидеров националистической контрреволюции Закаспия.

Заметно всколыхнули дайханские массы режим террора, установленный на территории Закаспия, и насильственная мобилизация в белую армию. Беднота, трудовое дайханство, испытав «прелести» военной диктатуры интервентов и белогвардейщины, пополняли ряды активных сторонников Советской власти, стихийно превращались в революционную силу.

«...Рабочие и крестьяне теперь поняли на кровавом опыте, – писал В. И. Ленин в 1919 году, – что несет нам власть буржуазии и соглашателей». В том же году Ленин говорил: «...опыт колчаковской и деникинской «демократии»... показал крестьянам, что фразы о демократии и об «учрединке» служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители.

...Действительность показывает, что лишь в долгой и жестокой борьбе тяжелый опыт *колеблющейся* мелкой буржуазии *приводит* её, после, сравнения диктатуры

пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней»⁴⁶.

С приходом деникинской власти, прикрывавшей порку и грабеж красивыми словами, массы трудового крестьянства, в том числе и туркменского дайханства, убеждались, что им «нужна только одна власть: рабоче-крестьянская власть большевиков»⁴⁷.

В октябре 1919 года ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР создали Турккомиссию. В связи с направлением этой специальной комиссии в Ташкент Ленин написал письмо «Товарищам коммунистам Туркестана». Великий вождь пролетариата, придавая установлению правильных отношений с народами национальных окраин «гигантское, всемирно-историческое» значение, призывал местных коммунистов на деле «установить товарищеские отношения к народам Туркестана...»⁴⁸.

Одной из главных задач Советская власть считала борьбу с голодом, разрухой, доставшимися в наследство от хозяйничанья контрреволюции. С этой целью правительство Туркестана принимало все меры, чтобы снабдить беднейшее население, получившее землю, семенами, сельскохозяйственным инвентарем, продовольствием, ссудой. Еще в 1918 году В. И. Ленин подписал декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане. А в 1921 году великий вождь пролетарской революции, придавая огромное значение ирригации, писал: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»⁴⁹.

Эти строки, адресованные коммунистам Кавказа, имеют прямое отношение ко всему советскому Востоку, в частности к туркменскому дайханству, к судьбе каждого туркмена.

Исключительно важное значение в привлечении крестьянства, особенно середняка, на сторону Советской власти имели решения VIII съезда партии и последующие мероприятия Советского правительства. Чтобы упрочить союз с середняком, укрепить классовую основу диктатуры пролетариата в деревне,

была объявлена амнистия крестьянам – рядовым участникам выступлений против Советской власти, предоставлены льготы середнякам по чрезвычайному и натуральному налогам, увеличены пособия семьям красногвардейцев и т. д. *«Насилие по отношению к среднему крестьянству, – говорил Ленин на VIII съезде партии, – представляет из себя величайший вред. Это – слой многочисленный, многомиллионный... Действовать здесь насилием, значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания»*⁵⁰.

Партия считала одной из своих главных задач на данном этапе оторвать середняка от кулака, сделать его надежным союзником рабочего класса, активным участником строительства социализма.

Важную роль в привлечении среднего крестьянства на сторону Советской власти сыграли решения III съезда Коммунистической партии Туркестана, состоявшегося в июне 1919 года. Коммунисты Туркестана, вооруженные Программой партии, принятой VIII съездом РКП (б), по-ленински решили вопрос о работе среди местного населения. Съезд, уделив серьезное внимание привлечению среднего крестьянства на сторону пролетариата в условиях Туркестана, ближайшей задачей партийных организаций считал: забить клин между деревенскими кулаками и баями, с одной стороны, беднотой и средним крестьянством – с другой.

Убеждению дайханских масс в том, что им нужна только рабоче-крестьянская власть большевиков, в немалой степени способствовало успешное наступление Красной Армии, развал партии левых эсеров, прекратившей весной 1919 года свое существование, политическая работа в массах, проводимая Реввоенсоветом, Политотделом фронта и большевистским подпольем Закаспия.

Партия принимала все меры для установления правильных, как говорил Ленин, товарищеских отношений с дайханством. Для сближения с ним коммунисты Туркестана учитывали местные условия и национальные особенности населения. На

территории Средней Азии, к примеру, пришлось отступить от политики военного коммунизма, от продразверстки. Декрет ЦИК Туркестанской республики о хлебной монополии, принятый 4 июня 1919 года, не был проведен в жизнь полностью. В Закаспийской области хлебная монополия и продразверстка, можно сказать, не применялись. В освобожденных районах, где еще не окрепла Советская власть, Реввоенсовет Закаспийского фронта решил вместо продразверстки проводить государственные закупки хлеба и скота на основе товарообмена. Иначе политику хлебной монополии могли использовать в своих антисоветских целях феодально-байские круги, имевшие еще сильное влияние на трудовое дайханство. Продовольственную политику Советской власти трудовое дайханство поддерживало и охотно сдавало излишки своего хлеба продовольственным органам⁵¹.

Большевики Закаспия, Политотдел фронта прилагали всяческие усилия, чтобы вернуть к мирному труду часть населения, поддавшегося ложной пропаганде националистических вожаков, распространявших небылицы о поголовной резне и грабежах, будто бы устраиваемых большевиками. Реввоенсовет рассылал в аулы агитаторов, листовки, письма к старшинам и влиятельным людям, призывая народ вернуться к своим делам.

Атмосферу доверия и дружелюбия создавала и гуманная забота о бедноте, которую проявлял Реввоенсовет Закаспийского фронта, олицетворявший собою Советскую власть. Так, например, в ответ на письмо председателя ревкома из Каахка, сообщавшего, что белые при отступлении ограбили местных жителей, угнали скот, сожгли хлеб, Н. А. Паскуцкий распорядился немедленно помочь пострадавшим.

Советское командование считалось с религиозными чувствами и национальными традициями туркмен, что, разумеется, порождало глубокие симпатии к Советской власти. Весьма примечателен приказ штаба Закаспийского фронта от 31 августа 1919 года, предписывавший командирам войсковых

частей в связи с религиозным праздником курбан-байрам выдать «всем красноармейцам и рабочим-мусульманам» дополнительно мяса, риса, чая, кишмиша, табаку и денег.

Гибкая национальная политика Коммунистической партии укрепила союз трудового дайханства с пролетарской Советской властью, неизмеримо подняла ее авторитет перед всеми трудящимися Средней Азии, открыла глаза некоторой части населения, оказавшейся на поводу феодально-байской верхушки аулов. Благодарное местное население добровольно поставляло для нужд

Красной Армии овец, хлеб, продукты. В Дурунском уезде, например, бедняки по своей инициативе набрала верблюдов для фронта⁵².

Бывший начальник управления тылом Закаспийского фронта И. В. Бухаренко вспоминает, что когда для наступающих частей Красной Армии потребовались верблюды, то заместитель председателя Закаспийского ревкома К. С. Атабаев обратился к мервским данханам с призывом помочь красному фронту. Подчеркивая роль туркменского дайханства в изгнании из Закаспия белогвардейщины, К. С. Атабаев говорил: «Самое важное и существенное в роли дайханства – помощь, которую оно оказывало... фронту. Нужно сказать, что ни одно наше указание, ни один наш призыв не проходил мимо трудящихся масс, они всегда выполнялись по мере сил и возможностей. Поэтому будет совершенно неправильно думать, что дайханство в свое время не поддерживало красный фронт»⁵³. Известно много фактов, подтверждающих эти слова. Так, жители аула Джебсл передали Советской власти прибывший из Хивы на семнадцати верблюдах груз, предназначавшийся для белогвардейцев. Население близлежащих к Джебелу аулов поддерживало все мероприятия Советов, оказывало помощь Красной Армии деньгами и скотом и т. д.⁵⁴

С развертыванием в мае 1919 года наступления Красной Армии, в рядах которой уже служили многие трудящиеся местных национальностей, совпадают переходы па ее сторону

отдельных вооруженных отрядов туркмен. Так, 21 мая при освобождении Байрам-Али на сторону советских войск перешел эскадрон туркмен во главе с Хангельды Вопадар-оглы [\[58\]](#). В дальнейшем он участвовал в боях за Теджен и Каахка, освобождал Ашхабад, принимал участие во многих боевых операциях против белогвардейских войск.

А в ревком освобожденного Мерва обратился некий Тархан (Гайказян), предложивший сформировать кавалерийский отряд из перешедших на сторону Красной Армии белых солдат, главным образом армян. Реввоенсовет дал согласие. В подразделение Тархана влилось и много туркмен. Этот дивизион, прославившийся многими ратными делами, дошел с боями до Красноводска ⁵⁵.

Вскоре после расстрела Эзис-хана Чапыкова с белого фронта бежал его помощник Кизыл-хан Сарыев, с ним было 30 всадников. В песках к нему присоединился другой вооруженный отряд, 41 человек во главе с Аман-мурадом Гельдыевым [\[59\]](#), тоже служившим в бывшем эзисхановском отряде и бежавшим из-под начала Ораза Сердара. Объединившись, они двинулись на аул Ага-ланг, бывшую резиденцию Эзис-хана, где засел белогвардейский отряд. Но белогвардейцы оказали сильное сопротивление, открыв огонь из пулемета. Джигитам пришлось отойти. Они остановились неподалеку от Агаланга.

Уходившие от белых бывшие эзисхановские всадники вливались в отряд Кизыл-хана Сарыева. У него насчитывалось уже 400 конников. 23 мая, в день освобождения Мерва советскими войсками, отряд Кизыл-хана занял Агаланг, где хранились запасы пшеницы. В тот же день военный министр генерал Лазарев предписывал начальнику душакского гарнизона двигать в Теджен эшелонами приведенные в порядок части, вновь занять Агаланг и организовать оттуда подвоз продовольствия ⁵⁶.

26 мая 1919 года яшули – старейшины родов Тед-жена и командир отряда Кизыл-хан Сарыев снарядили в Реввоенсовет фронта, дислоцировавшийся в освобожденном Мерве,

делегацию в составе Молла Берды Овез-оглы, Акмурада Ораз-оглы, Ораза Аррыка. Тедженская делегация привезла с собой письмо, в котором говорилось, что местное население и отряд признают Советскую власть и хотят соединиться с Советской республикой. В письме упоминается имя турецкого капитана Мухамеда Казим-бея, который ранее встречался с двумя представителями Эзис-хана, заверявшими в мирных устремлениях тедженцев.

В ответном письме от 31 мая Реввоенсовет Закаспийского фронта, принимая предложение тедженцев, писал, что «Советская власть Туркестанской республики не считала и не считает беднейшее туркменское население, насильно вовлеченное в войну с пролетариатом Туркестана, своим врагом». В этом документе ярко выражен гуманизм Советской власти, гарантирующей неприкосновенность всем, кто по ошибке или по принуждению воевал на стороне врага⁵⁷.

3 июня Реввоенсовет направил в Агаланг с важным поручением Мухамеда Тачдурдыева и Овезгельды Мамедкурбанова. Советское командование в интересах скорейшего окончания войны советовало Кизыл-хану принять все меры, чтобы туркмены, находящиеся в белой армии, немедленно покинули ее. Было также предложено разобрать железнодорожное полотно между Тедженом и станцией Такир, сжечь мосты на этом перегоне, чтобы отрезать эшелоны врага, заготовить фураж и транспортные средства, пустить воду по арыкам вдоль железной дороги. Реввоенсовет обязывался возместить необходимые для выполнения этих заданий расходы.

Тедженский отряд в силу ряда причин не смог выполнить всех заданий Реввоенсовета. Кизыл-хан не решался всем отрядом покинуть Агаланг, опасаясь, что белогвардейцы захватят хранившуюся там пшеницу. Но тедженцам, в частности Кизыл-хану Сарыеву, удалось связаться с остатками мервского и ашхабадского туркменских отрядов, находившимися в рядах врагов. Они заверили, что воевать с красными не будут и, как только начнутся бои под Тедженом, отступят и перейдут к

Кизыл-хану, а те, кто этого сделать не сумеет, уйдут от белых в Душаке и Каахка. Кизыл-хан сообщил также советскому командованию разведывательные данные о численности белогвардейских войск и о пополнении, прибывшем от Деникина

58.

Кизыл Сарыев

С. П. Тимошков, бывший командующий советскими войсками Закаспийского фронта, вспоминая о тедженской операции, пишет: «Преодолев величайшие трудности, войска обходной группы перед вечером 6 июня вышли на один из арыков... севернее Теджена. К нашей радости, он был наполнен холодной прозрачной водой. Это было сделано заботами командира двухэскадронного туркменского конного отряда под командованием Кизыл-хана (дайханина-середняка), перешедшего на нашу сторону с отрядом в полном составе и со

всем оружием. Трудно найти слова, чтобы передать незабываемую картину, когда все живое прильнуло к воде после такого дьявольски тяжелого похода... Как благодарны были советские воины братьям-туркменам!»⁵⁹

Теджен был занят после шестичасового жаркого боя, и отряд Кизыл-хана Сарыева влился в ряды Красной Армии. Он участвовал в новых боях против белых войск, выполнял важные поручения Реввоенсовета: высылал в районы, еще запятые врагом, агитаторов, которые призывали туркмен покидать вражеский стан, не страшиться Красной Армии, заниматься мирным трудом; разведчики добывали сведения о расположении и силах противника. Многие тедженцы выполняли боевые и хозяйственные задачи, от которых зависело успешное наступление советских войск.

Победа в Теджене вызвала среди коренного населения стремление поскорее изгнать белогвардейцев с родной земли. В Мерв со всего уезда съехались 120 вооруженных конников, готовых выступить по зову Советской власти, было собрано много оружия. В Серахсе, Мяне, Чаче организовались добровольческие отряды белуджей. Крестьяне из поселка Арчигьян – С. И. Сливков и В. П. Богданов – помогли осуществить советскому командованию смелый тактический замысел: с их помощью красные части скрытно прошли по горным тропам, сняли по пути белогвардейскую заставу и внезапно ударили по противнику с юга, откуда их не ждали⁶⁰.

Мобилизованные белыми дайхане покидали фронт большими группами, особенно после взятия советскими войсками Каахка. В сводке штаба Закаспийского фронта говорилось: «Туркмены, бывшие в рядах асхабадцев, почти все разбежались; оставшиеся... дальше Кизыл-Арвата решили не идти»⁶¹.

На сторону Советской власти перешел Ашхабадский туркменский конный отряд, который по собственной инициативе при содействии жителей аула Эррик-Кала преследовал отступавшего противника. 15 июля 1919 года Реввоенсовет

Закаспийского фронта объявил всему отряду и старшине аула Эррик-Кала благодарность.

10 июля, на второй день после освобождения Ашхабада, к советскому командованию явилась делегация от другого туркменского отряда, который, заранее сформировавшись, ждал прибытия Красной Армии. Этот отряд численностью в 900 человек сразу же включился в выполнение боевой задачи: занял станцию Безмеин и оберегал подступы к Ашхабаду.

Советское командование организовало добровольную запись дайхан в Красную Армию, привлекая к этому делу, как уже говорилось, лояльно настроенную часть национальных «верхов». Многие представители местного населения активно участвовали в формировании туркменских конных и пеших частей, сами поднимались на разгром остатков белогвардейских банд⁶².

20 августа 1919 года командир Казанского полка Соколов докладывал Реввоенсовету, что житель аула Беурме Курбанкули Ханов собрал до 100 добровольцев, готовых сражаться за Советскую власть. Население этого аула просило оружие, чтобы поскорее разгромить противника. На борьбу с белогвардейщиной поднялись и туркмены, проживавшие на территории соседнего Ирана. Оттуда на советскую сторону пожелал перейти вооруженный отряд во главе с туркменом Худайбердыевым⁶³.

От берегов Амударьи до побережья Каспия, где еще хозяйничала белогвардейщина, поднимался на борьбу с ней туркменский народ, увидевший в Советах свою власть, близкую и понятную всем трудящимся.

Плечом к плечу с русскими и узбеками, казахами и киргизами, таджиками и представителями других национальностей шли туркмены, по родной земле, освобождая ее от вражеской нечисти. Они вливались в пехотные и артиллерийские подразделения, кавалерийские эскадроны и отдельные отряды славной интернациональной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, рожденной Советской властью.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Стихийная борьба дайханских масс, все смелее выступавших за свое освобождение, явилась питательной средой партизанского движения, зародившегося на юго-западе Закаспия. Напрашивается вопрос: почему именно в этом далеком уголке Туркменистана, очерченном горами и побережьем Каспийского моря, возникло партизанское движение?

Скотоводческо-дайханские массы этих районов всегда отличались своей враждебностью колониальной политике царизма. Их население в силу своего (географического положения испытывало тройной гнет – царских чиновников, иранских правителей, а также «своих» баев и мулл^[60].

Жители этих районов, занимавшиеся скотоводством и рыбным промыслом, гораздо острее других ощущали на себе разорительные военные налоги, реквизиции и самоуправство царских чиновников. Доведенные до отчаяния, скотоводы в 1916 году восстали с оружием в руках. Их отпор царским карателям был наиболее стойким, активным, но, как уже говорилось, они стали жертвой предательства «своих» национальных «верхов».

Приход к власти эсэро-белогвардейских правительств, продолжавших колонизаторскую политику царских поработителей, наиболее ощутимо почувствовали юго-западные туркмены, которые с падением Советской власти вновь попали под тройное ярмо.

Вот почему, на наш взгляд, эти племена были кровно заинтересованы в победе советского строя, который разбил оковы угнетения и эксплуатации.

Известно, что прибрежные туркмены с давних пор, раньше других племен, были связаны с Россией экономически и политически. Не прошло бесследно общение юго-западных туркмен и с трудовыми слоями русских поселений, созданных

царскими властями в пограничных районах как «государева опора». Эти поселения, предназначенные стать социальной базой царизма, не оправдали надежд их создателей, наоборот, в них происходил тот же процесс расслоения крестьянства, что и в России. Малочисленной буржуазно-кулацкой верхушке противостояла всевозраставшая масса бедняков, которая сблизилась с туркменским трудовым дайханством, чего больше всего страшилась царская администрация, а затем и белогвардейско-националистические правительства.

Была и еще одна причина, на наш взгляд, главная, способствовавшая росту революционной активности трудовых масс туркменских племен юго-запада Закаспия, это – близость к Баку, общение с бакинским пролетариатом, оказывавшим на жителей Каспийского побережья большое революционизирующее влияние. И когда на востоке Закаспийской области уже восстановилась Советская власть, принеся свободу трудовому люду, в ее западной части, еще томившейся под властью контрреволюционных сил, естественно, возникла новая волна революционных выступлений, которые местами выросли до партизанской борьбы. Вот примеры.

Жители прибрежных районов проявляли открытую враждебность к белогвардейским властям. Так, 22 сентября 1918 года белогвардейскими властями был схвачен Аннагельды Ач, который руководил разгромом склада боеприпасов и разного интендантского имущества, готовился со своими джигитами напасть на стоявший в Гасан-Кули белогвардейский отряд. Власти, страшась нападения, вывели из аула свои войска.

Арест предводителя не утихомирил иомудов. В конце сентября они захватили лодку, шедшую в Красноводск, арестовали чикишлярского комиссара Артемьева, рыбопромышленника Мольева, рыботорговца Аванесова и держали их в плену в одном из прибрежных аулов. «Иомуды не успокоились, а продолжают выступления против русских» (то есть белогвардейцев. – Р. Э.), – сообщал с тревогой 12 октября 1918 года «Голос Средней Азии».

В начале ноября 1919 года генерал Лазарев слал в деникинскую ставку тревожные телеграммы, будто буржуазное правительство Азербайджана намерено послать сотню или две аскеров (солдат) на туркменское побережье Каспия, чтобы поднять против белогвардейцев туркменские племена. Командующий белыми войсками просил прислать в район Чикишляра военные суда для крейсирования, предупреждая: «Появление в нашем тылу иомудов под руководством турецко-татарских инструкторов создаст громадное затруднение в тылу моего фронта»⁶⁴.

Однако Лазарев располагал не вполне достоверными данными. Буржуазное правительство Азербайджана и его аскеры к событиям на туркменском побережье Каспия никакого отношения не имели: в тылу врага действовали посланцы Бакинского комитета партии большевиков и Реввоенсовета Закаспийского фронта, а также просоветски настроенные рыбаки, скотоводы Гасан-Кули, Чикишляра и других районов.

Вот что рассказывает о событиях тех дней бывший красный партизан Нурмамед Клычев⁶⁵:

Приблизительно в конце 1918 года наш односельчанин Байрикари Абаев, человек по тем временам грамотный, окончивший медресе – духовное училище, хорошо владевший русским языком, поехал в Баку. Это была не первая его поездка. Там па Балаханском базаре он познакомился с большевиками, ходил в политический клуб, получил задание проводить среди жителей Гасан-Кули революционную работу, разъяснить им, за что борются большевики, привлечь на свою сторону всех, кто симпатизирует Советской власти.

Байрикари Абаев вернулся в Гасан-Кули в начале 1919 года и, собрав рыбаков, рассказал о своей поездке, о деятельности большевиков Баку, о том, что мы должны делать, чтобы выполнить указания политического клуба большевиков. Кстати, он рассказал о том, как большевики борются с меньшевиками, англичанами, с мусаватским правительством Азербайджана,

разоблачают продажную роль тех, кто идет против рабочего класса, народа.

С этого времени мы стали считать себя большевиками, сторонниками Советской власти. Повели в народе разъяснительную работу, рассказывали людям, что контрреволюционное закаспийское правительство, объединившись с английскими интервентами, защищает интересы имущих классов, мечтает вновь, как при царизме, закабалить туркмен, посылать их на войну с германским империализмом. Гасан-кулийцы еще хорошо помнили, как царское правительство отправляло рыбаков и крестьян в окопы первой империалистической войны защищать интересы белого царя, помещиков и капиталистов. Против нас выступали волостной старшина, отдельные старейшины родов, выражавшие интересы белогвардейского правительства, местных националистов.

Но агитация сторонников Советской власти, большевиков – как нас стали называть во всей волости – оказалась более убедительной. Большевистские идеи, выражавшие интересы народа, были понятны простым людям, и поэтому к нам шло больше народу. Вскоре при поддержке народа в Чикишляре мы создали аулсовет. А дальше что? Почти все мы, неграмотные люди, не знали, что делать, куда девать энергию трудового люда, требовавшего решительных действий. Мы знали, что надо связаться с командованием советских войск Закаспийского фронта, хотели сообщить ему, что в тылу белых есть мы, гасан-кулийцы, готовые прийти на помощь Советской власти. Тогда мы не видели иных путей связаться с Закаспийским фронтом, как не через Каспий. Приблизительно в первой половине 1919 года, но хорошо помню, что Ашхабад еще не был освобожден советскими войсками, мы решили отпрапуть в Баку на парусной лодке своего представителя – Байрикари Абаева. Дали ему поручение – поезжай в политический клуб, расскажи о наших делах, посоветуйся, что нам делать, как быть дальше. Через несколько недель в Гасан-Кулп приехал человек, представившийся Кара

Багировым^[61]. Он привез с собой много листовок, прокламаций на туркменском, фарсидском, арабском, азербайджанском языках. Конечно, все агитационные листовки мы распространили среди рыбаков, отправили со своими людьми к скотоводам, крестьянам, занимавшимся земледелием в долине Атрека.

22 августа 1919 года на заседании бюро подпольного Бакинского комитета партии большевиков обсуждался вопрос о Закаспии. Приведем эту скупую протокольную запись: «Гого говорит, что в Закаспии образовался вооруженный отряд. Посылаемый раньше туда Сулейман^[62] просит дать ему мандат для возможности вести переговоры с Советской Россией, дать инструкторов для отряда, а также разрешить взять отсюда турецких офицеров и дать средства на дорогу.

После обсуждения принимается – дать мандат для того, чтобы отряд этот соединился с асхабадцами (советскими войсками, освободившими Асхабад. – Р. Э.), дать инструкторов, отправить турецких офицеров, послать с ними человека, чтобы тот потом вернулся с... (далее неразборчиво. – Р. Э.). Секретарь М. Крамаренко»⁶⁶.

В том же месяце Мехти-Заде Салахатин^[63], турецкий офицер, член Турецкой коммунистической партии, вместе с двумя товарищами, с мандатами Кавказского краевого комитета РКП (б) были командированы в Реввоенсовет Закаспийского фронта⁶⁷.

Нурмамед Клычев утверждает, что представители бакинских большевиков приехали в аул Гасан-Кули вместе с Байриками Абаевым^[64]. Посоветовавшись с рыбаками, решили избрать в Гасан-Кули Совет, призвать весь народ помогать укреплять власть рабочих и крестьян. В глубоком тылу врага, несмотря на то что весь Каспий и Красноводск контролировался белогвардейщиной и его флотом, вспоминает Н. Клычев⁶⁸,

«был сформирован Гасан-Кулийский аулсовет, председателем которого стал Торе Мамедораз-оглы, человек

грамотный, хороший организатор, пользовавшийся в народе большим уважением, его заместителями – Байрикари Абаев и я, секретарем – Тангрыкули Кулиев.

В состав президиума Совета вошли Назалн Дурдыев, Аннакули Казиев, Оразберды Аллабердыев.

Под руководством бакинских большевиков все члены президиума были направлены к рыбакам, крестьянам, скотоводам для проведения агитационной работы, организации аульных Советов. Я сам лично организовал несколько таких Советов.

По совету бакинцев мы организовали красный партизанский отряд численностью 32 человека, командиром которого стал Пирмамедов Мамедкурбан. Отряд подчинялся Советской власти в лице Гасан-Кулийского Совета.

Несмотря на нашу малочисленность, отряд красных партизан в 5–6 километрах западнее села Чалюк, в местечке Игдиш-Депе, с помощью местного населения разгромил конный отряд белых численностью в 60 человек.

Архивные документы утверждают, что этот отряд, организованный в сентябре 1919 года, насчитывал в своих рядах 200 человек. 25 декабря 1919 года М. Пирмамедов вместе с Ниязмухамедом Эсеналиевым приехал в Ашхабад. Там в Реввоенсовете Закаспийского фронта они представляли иомудские аулы. Советскому командованию они заявили: «Тактика большевиков действует согласно с нашим мусульманским законом... большинство иомудов стоит на их (большевиков. – Р. Э.) стороне. Хотим ехать на фронт и посмотреть войска; если придется быть в бою, то пойдем в бой»⁶⁹.

С приездом посланцев Баку в политической жизни Гасан-Кули произошло знаменательное событие. Члены так называемой Туркменской национальной партии приняли программу большевистской партии и решили послать в Реввоенсовет делегацию в составе: Молла Гадир, Байры Кары

(Байрикари Абаев), Наги Ага, Молла Таги, Давлет Дурон, Ашир Дурды, Верди Ага – под председательством Салахетдина.

Над Гасан-Кули зареял красный флаг; на берегу моря жители аула вырыли окопы, чтобы в любой момент отразить нападение врага.

К большевикам, в Совет, приходили рыбаки, скотоводы и просили: «Хочу быть большевиком. Запиши меня в большевики!» Из села Карадегиш приехали пять человек, посланцы крупного рода ак атабай. Они заявили, что весь род поддерживает Советскую власть⁷⁰.

Реввоенсовет Закаспийского фронта горячо одобрил решение передовых представителей Гасан-Кули, примявших платформу партии большевиков, и приветствовал в связи с этим все туркменское племя иомудов. Вот текст этого послания, составленный на двух языках, туркменском и русском⁷¹:

От имени Реввоенсовета Закаспийского фронта приветствуем туркменское племя иомудов с принятием платформы Российской Коммунистической партии, стоящей во главе революционного движения в Советской России и всего мира...

Туркменский народ Мерва и Асхабада до сих пор не понимал, на чьей стороне правда, но он теперь понял истину... и пошел с русским бедным людом... Ваши представители передали нам, что вы также стали на нашу сторону.

От всей души желаем вам успеха, приветствуем как братьев и ждем той минуты, когда вы вместе с нами покончите с врагами бедного народа.

22 сентября 1919 года в Реввоенсовет Закаспийского фронта прибыла делегация бакинских большевиков и вместе с ними представители Гасан-Кули, избранные на собрании, принявшем программу РКП (б). Они предложили создать под эгидой Советской власти боевые формирования из иомудов, организовать население Кара-Кала, а также юго-восточного

побережья Каспия на борьбу с деникинскими силами на суше и на море, чтобы скорее завершить войну в Закаспии.

Председатель Реввоенсовета Н. А. Паскуцкий и начальник Политотдела Закаспийского фронта В. В. Мальков, излагая Реввоенсовету Туркестанской республики свои соображения по поводу предложений делегаций Баку и Гасан-Кули, считали целесообразным поддержать и всячески способствовать осуществлению их идеи. Для создания первоначального ядра, вокруг которого предполагалось сконцентрировать формируемые силы, было необходимо послать в Кумбет-Каус (на территории Ирана) небольшой отряд (150 человек) при орудии и пулеметах⁷².

Иомуды почти поголовно вооружены винтовками и выражают желание вступить в ряды предполагаемого к формированию отряда со своими лошадьми и оружием, – говорилось в докладной записке Реввоенсовета Закаспийского фронта. – Мы имеем возможность организовать боевую часть из самого воинственного туркменского племени... Племя способно в очень короткий срок собираться массами в несколько десятков тысяч... Мы считаем долгом предложить правительству принять в этом начинании самое живейшее участие, сделать распоряжение о посылке отряда, ассигновать для этой надобности сумму па первое время не менее пяти миллионов общегосударственных знаков, командировать для организации и обучения инструкторов, которые немедленно должны быть направлены на фронт для дальнейшего следования с отрядом.

Вместе с Салахетдином в Ташкент выехали три человека, другие члены делегации остались в Ашхабаде. Салахетдин повез Туркестанскому комитету РКП (б) докладную записку Бакинского комитета партии большевиков. В пей рассказывалось о политическом положении в Азербайджане, в отдельных районах Закаспия, еще занятых белогвардейцами, о настроениях английских и белогвардейских солдат, о революционном

движении пролетарских масс, поднявшихся на борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией. Бакинские коммунисты, поделившись своими трудностями и сложностями работы в подполье, просили туркестанских большевиков прислать материалы VIII съезда РКП (б), свежую партийную литературу, помочь установить связь с Москвой, а также оказать им материальную помощь⁷³.

8 октября 1919 года Реввоенсовет Туркестанской республики записал в своем решении: «Принять помощь от иомудского пролетариата конницей в числе от двух до четырех тысяч человек». А 27 октября командир отряда рода геркез Аллаяр Курбанов получил указание Реввоенсовета Закаспийского фронта выделить 25 всадников для сопровождения делегации Кавказского краевого комитета РКП (б), отбывающей в Полторацк (Ашхабад) для формирования конных частей⁷⁴.

Чтобы поддерживать регулярную связь с Баку и населением туркменского побережья Каспия, Реввоенсовет Закаспийского фронта создал в Гасан-Кули передаточный пункт, руководителем которого назначили Байрикари Абаева, одного из членов делегации. Вскоре Макбул Эфенди^[65], Раджаб Али, Нури Нияз, Туш Ага Абадан-оглы, Кара Кары-оглы выехали в Баку с секретным поручением Реввоенсовета Закаспийского фронта. В конце декабря 1919 года Макбул Эфенди, выполнив задание, вернулся в Ашхабад⁷⁵.

Белогвардейское командование, прослышав о связях Гасан-Кули с Баку и Ашхабадом, выслало в этот прибрежный аул отряд карателей. В начале декабря военное судно «Ярем-Дунья», выкрашенное в черный пиратский цвет, подошло к аулу, открыло по нему огонь, высадило десант, который занял вырытые рыбаками окопы. Белогвардейцы учинили в ауле грабеж, требовали от его старейшин признания белой власти, арестовали и увезли с собой несколько активистов, содействовавших большевикам.

«Что мы, горстка необученных, плохо вооруженных рыбаков, могли поделаться с численно превосходящим противником? – вспоминает Н. Клычев. – У них были и пушки, и пулеметы, и маузеры. Мы, как и договаривались, отступили, ушли в степь»⁷⁶.

Однако создание иомудских формирований непомерно затягивалось. Вероятно, сказывалась разбросанность иомудских поселений, разобщенность племен, мешавшая их объединению, согласованным действиям^[66]. Сказалось, конечно, и соседство Ирана, на территории которого проживало много туркмен. Реввоенсовет не хотел осложнять взаимоотношений с сопредельным государством.

На наш взгляд, еще одной из причин, помешавших организации иомудских частей, было решение Реввоенсовета Туркестанской республики формировать их в Полторацке, а не на местах. Но главная причина – стремительно развивавшиеся события, успешное наступление советских войск, освобождавших туркменскую землю от белогвардейско-националистической нечисти.

15 января 1920 года штаб фронта направил в район Гасан-Кули и Чикишляра кавалерийский полк. С его прибытием здесь началось формирование нового партизанского отряда, в который вступило около 100 местных жителей. Командиром его стал Тагсин Османов, турок по национальности⁷⁷.

Хотя в начале февраля 1920 года белогвардейцы были изгнаны из Закаспия, но на море еще хозяйничала их флотилия. В течение четырех месяцев действовали красные партизаны, уничтожая остатки белых банд, не позволяя врагам безнаказанно приставать к туркменским берегам Каспия. Затем партизанский отряд распустили, так как белые были разгромлены, англичане изгнаны, Закаспийский фронт ликвидирован.

Рыбаки и скотоводы занялись мирным трудом.

В горах Копетдага, где в каменных теснинах бьется дикий Сумбар, живет легенда о Довлетгельды, русском человеке с туркменским именем. Рассказы о нем в устах аксакалов звучат как дестаны, в которых не всегда отличишь правду от художественного вымысла.

На своем быстроногом коне Мелекуше вездесущий Довлетгельды всегда успевал прийти людям на помощь, был защитником слабых, обездоленных и влюбленных. Отважный воин мог биться с врагом семь дней и семь ночей, и силы ему, как мифическому Антею, придавали земля, скалистые ущелья Копетдага. Говорят, его не брали ни пуля, ни сабля, и все будто бы потому, что носил он на шее чудодейственный амулет, подаренный названным братом-туркменом из рода геркез племени гоклен – потомком великого поэта и отважного воина Махтумкули Фраги.

«Кто друг другу помогает, тот врага одолевает» – эта туркменская мудрость была первой заповедью русоволосого батыра, чье легендарное имя стало в горах символом справедливости, мужества, верности дружбе.

Наука знает, что зачастую легенды – это опозитизированные были и нередко они имеют под собой историческую почву. И сколько ни приходилось беседовать с яшули – почтенными старцами долин Сумбара и Атрека* предгорий Копетдага, никто не смог ответить, кто же: такой Довлетгельды. Выяснилось лишь немного: Довлетгельды, рассказывали, был красным партизаном, русским поселенцем, жившим на границе Ирана и Туркмении.

Настоящее имя Довлетгельды все же удалось выяснить – в Центральном государственном архиве Туркменской ССР⁷⁸. Им оказался сын ротного фельдшера Сергей Петрович Щербаков, который сызмальства рос в пограничном отряде по соседству с туркменскими аулами Койне-Кесир и Дайна (Боголюбовский поселок), граничащими с Ираном.

С. Щербаков свободно владел туркменским, персидским, турецким, азербайджанским и другими языками. Семнадцати

лет, с помощью отца обзаведясь конем, шашкой, красным туркменским халатом и тельпеком (барашковая шапка), пошел добровольно служить в Текинский кавалерийский полк, участвовал в первой империалистической войне, на австрийском фронте, дослужился до чина старшего унтер-офицера.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Сергей Щербаков принял сразу и безусловно. Сказалось влияние родного дяди, Ивана Федоровича Щербакова, большевика-подпольщика, кронштадтского матроса. Твердо определили жизненный путь Сергея Щербакова чтение запрещенной литературы, поездка к дяде в Кронштадт, где он ознакомился с программой и тактикой большевиков.

Октябрьская революция застала С. Щербакова в Белоруссии. Он сразу же установил связь с Гомельским Советом. В значительной мере благодаря его стараниям был разбит Текинский кавалерийский полк, согласившийся проводить генерала Корнилова по белорусским лесам до ставки Каледина. Корнилову удалось бежать, 270 туркмен сдались в плен. Многие из них, осознав свои заблуждения, вместе с Сергеем Щербаковым вступили в ряды Красной гвардии, в 71-й тяжелый артиллерийский дивизион, формировавшийся в Новозыбкове.

Вскоре Сергей Щербаков, списавшись с дядей, подался на родину своего отца в село Осиповку Острогожского уезда Воронежской губернии. Сюда же, в Воронеж, прпехал и Иван Щербаков, курсировавший по железным дорогам на блиндированных платформах с установленными на них морскими пушками.

В селе Осиповке Сергей организовал крестьян на захват помещичьих земель и имущества, разъяснял народу суть первых советских декретов. Отсюда поехал в Ашхабад, вступил там в Красную гвардию, в 1918 году разоружал белоказачьи части, возвращавшиеся из Ирана, распространял среди населения большевистские листовки.

После контрреволюционного мятежа в Закаспии С. Щербаков, находившийся под угрозой ареста, захватив с собой пачку прокламаций, скрылся в горах Копетдага, где в

пограничных селах развернул пропагандистскую работу, призывал дайхан и русских поселенцев не давать властям людей, продуктов, верблюдов. Среди населения белые распространяли слухи, будто красные вооружены лишь берданами, а все хорошее оружие – у белогвардейцев, потому, мол, и победят они. Щербаков разоблачал вражескую ложь, рассказывал правду о Красной Армии, о неизбежной победе Советской власти.

Агитационную работу среди поселенцев и дайхан проводили также помощник командира погранотряда вахмистр Яков Березов, ашхабадские и кизыл-арватские рабочие Антон Насткалич, Денис Барановский, Александр Симанков и другие.

Линию Советской власти в тылу у белых проводили и члены действовавшего Тумановского поселкового Совета Н. Баусов, В. Шереметьев, В. Бабенко. Они установили контакт с Аллаяром Курбановым, с крестьянами соседнего Никольского поселка, не подчинялись властям, не дали белому фронту ни продуктов, ни людей.

Белогвардейцы прислали в аул Чакан-Кала отряд, но подпольщики вовремя скрылись. Щербаков, однако, вернулся в поселок Боголюбовский, где жил его отец. Когда в русские поселения Боголюбовское, Никольское, Тумановское пришел второй приказ о мобилизации на белый фронт поселян и лошадей, крестьяне под влиянием агитации Щербакова и других подпольщиков отказались выполнить распоряжение властей. Тогда белогвардейцы послали карательный отряд, но Сергей Щербаков и его товарищи собрали всех, кто подлежал мобилизации, и вместе бежали в соседнее село Кулим-Кала, на территорию Ирана.

Аллаяр Курбанов

Так образовался партизанский отряд из 40 русских поселенцев, но пока безоружный. Чтобы раздобыть оружие, Щербаков, рискуя быть схваченным, вернулся в Чакан-Кала, где начальником белой заставы был подполковник Каракозов, который по приказу белогвардейских властей разоружил пограничные посты, сочувствовавшие Советской власти. Щербаков с помощью местного населения отбил у белой заставы оружие, которым вооружил свой отряд, а часть роздал местному населению. Затем отряд Щербакова арестовал командира другой белой заставы подполковника Товстолеса и вместо него назначил подпольщика Якова Березова. Тот запретил пограничникам носить погоны и исполнять распоряжения белогвардейских властей.

Белые, прослышав о действиях Щербакова и других русских поселенцев, в частности и о том, что он выехал на установление

связи с родовым вождем геркезцев Аллаяром Курбановым, откочевавшим со своим аулом из 600 кибиток в неприступные Акгаинские горы, выслали в Койне-Кесир карательный отряд. В поселке Боголюбовском каратели арестовали отца Щербакова, но местное население заступилось и освободило его. Якову Березову удалось на время скрыться, а его жену туркменки переодели в национальное платье и спасли от неминуемого расстрела.

Сергей Петрович Щербаков

Героической смертью погиб переводчик заставы Койне-Кесир иохурец Курбансагат Нуралиев, спрятавший от карателей все винтовки, имевшиеся на заставе, призывавший односельчан оказать белогвардейцам сопротивление, держаться до прихода большевиков. Каратели зверски растерзали Нуралиева, а жителям аула пригрозили, что за сочувствие Советской власти и большевикам их могут всех расстрелять. Население не

устрашили ни угрозы палачей, ни грабеж, учиненный ими в горных селениях. Дайханин Клыч Чечен смело бросил в лицо главарю карателей: «Расстреливай нас!»

Давняя дружба связывала местных жителей с соседними русскими поселками. Передовые люди туркменских аулов, особенно Геркеза во главе с Аллаяром Курбановым, увидели в русских поселенцах, трудовом крестьянстве, бедняках своих истинных друзей, также мечтавших об изгнании с туркменской земли белогвардейско-националистических правителей. История сыграла злую шутку с хищными замыслами белого царя. Самодержец России, посылая своих «верноподданных» – русских крестьян на южную границу своей империи, думал, что создаст там оплот для закабаления «диких» туркмен. А посланные им русские мужики побратались с «туземцами», встали с ними в один строй под красные знамена, вместе боролись за Советскую власть.

Аллаяр Курбанов, вооруживший своих сородичей, и Сергей Щербаков договорились действовать против белых сообща, срывая все их планы. Командиром сводного партизанского отряда избрали Аллаяра Курбанова, его помощниками Сергея Щербакова и Николая Баусова, русского поселенца. Но силы были слишком неравны: в горах Копетдага действовали отлично вооруженные белогвардейские отряды, численно превосходившие партизанские силы. Партизаны решили послать к командованию советских войск делегацию с просьбой прислать красные части для совместных действий в тылу белогвардейцев.

Из поселка Сулюкли, куда Щербаков прибыл со своим отрядом, навстречу советским войскам отправились партизаны Николай Баусов, Василий Бабенко и Алексей Лялин. Они прибыли в Ашхабад одновременно с вступлением туда частей Красной Армии. Здесь они встречались с Н. А. Паскуцким и С. П. Тимошковым.

24 июля 1919 года Реввоенсовет Закаспийского фронта решил снарядить в помощь партизанам экспедиционный отряд

во главе с командиром Е. В. Тэлешем [\[67\]](#) и политическим руководителем Морозовым. В состав отряда вошли два эскадрона кавалерийского полка, сотня кавалеристов Ашхабадского туркменского отряда и Мервский туркменский отряд.

С помощью партизан и местного населения советский отряд беспрепятственно зашел в тыл врага. В иранском ауле Кулум-Кала красным воинам устроили торжественную встречу, раздавались возгласы:

– Да здравствует Советская власть!

Согласованными действиями с партизанским отрядом Аллаяра Курбанова, куда влились и русские поселенцы во главе с Сергеем Щербаковым, подразделения красных с боями замяли поселки Николаевский, Тумановский, укрепление Кара-Кала.

Местные дайхане и русские крестьяне активно помогали отряду советских войск. Они были проводниками, разведчиками, снабжали красных продовольствием и фуражом. Содействовало и иранское население, а начальник пограничной стражи соседнего государства разрешил нашему отряду пройти по территории Ирана. Это обеспечило успех задуманной операции – внезапность, скрытность продвижения красного отряда в тылу врага. Англичане, все еще хозяйничавшие в Иране, чтобы помешать нашим войскам, выслали навстречу отряд, а начальника пограничной стражи распорядились арестовать. Но это им не удалось: начальник стражи перешел на нашу сторону, а красный отряд, выполнив задачу, вернулся на свою территорию.

Особенно ожесточенный бой разгорелся 1 августа 1919 года за укрепление Кара-Кала, где наш отряд почти без потерь наголову разгромил белогвардейцев, освободил этот населенный пункт, захватил много пленных, оружия и других военных трофеев. В этом бою, как и во многих схватках, плечом к плечу с красноармейцами сражались и партизаны отряда Аллаяра Курбанова. Кара-Кала и окрестные горные селения не раз переходили из рук в руки, по всякий раз красный отряд при

активной помощи партизан и местного населения выбивал врага из населенных пунктов, нанося ему ощутимый урон, пока не изгнал белогвардейцев из Копетдага.

Интернациональный отряд Е. В. Тэлеша и его политработники успешно справились со своей задачей: провели ряд боевых операций в глубоком тылу врага, вдохновили дайхан, бедноту на активные выступления против контрреволюционных сил, способствовали развитию Па юго-западе Туркменистана партизанского движения.

Партизанской борьбе в горах Копетдага посвящено немало исторической литературы. В основном это воспоминания участников событий или их пересказ вместе с материалами архивных фондов советского командования. Что же касается документов белогвардейского командования, то они в большинстве своем пока не введены в научный оборот.

Между тем в этих документах содержится немало интересных сведений, хотя для них характерно стремление, с одной стороны, приуменьшить потери и критическое положение белых, с другой – умалить успехи и победы красных.

В одном из донесений сообщается, что 1 августа 1919 года кавалерия белых «произвела набег» на Тумановский поселок, где оказалось до 200 конных красных, «из коих 20–30 русских и остальные иомуды». До рассвета шел бой за поселок. Красные начали охватывать противника с фланга, заняли командные высоты. Белые, неся потери и преследуемые красной конницей, оставили Тумановский. Белогвардейцы отступление своих отрядов оправдывали численным превосходством красных. На самом же деле они сами имели до 300 всадников с тремя пулеметами, то есть больше, чем было у красных.

2 августа полковник Игнатьев доносил белогвардейскому командованию, что отряд ротмистра Тутушева намеревался широким фронтом охватить поселки Тумановский и Никольский, занятые советскими войсками и партизанами, но, встретив сильное сопротивление и понеся потери, отступил. На следующий день белогвардейцы, запрашивая подкрепление, писали: «В горах работают партизанскими отрядами шайки

старшины селения Безмеина Кулиева и Кизыл-Хана. К ним присоединяются местные большевики».

9 августа полковник Бурков телеграфировал в Петровск-Порт, что «Кара-Кала захвачена местными большевиками (партизанами. – Р. З.). Приняты меры к обратному обладанию».

Партизаны активизировали свои действия с каждым днем, не давали врагу покоя. 14 августа в районе Ходжа-Кала они напали на обозы белых. В тот же день начальник белогвардейского штаба сообщал: «Противник сбил пас с Бендэссиского перевала».

Белые предприняли попытки захватить Кара-Кала, вернуть утраченные позиции. Из их документов явствует, что за аул Анаур завязался сильный бой. Красные, заняв удобные высоты вокруг укрепления Кара-Кала, выбили из Анаура белых. Оправдывая свое поражение в бою, белогвардейцы писали: «Противник состоит из иомудов, гокленов, русских и других под общим командованием Аллаяра. У него имеется одно горное орудие и пулеметы и от 5 до 10 офицеров». Далее сообщается о мелких боях и стычках, происходивших между партизанами и конными отрядами белых⁷⁹.

Командование белых о некоторых своих поражениях умалчивает. Так, в белогвардейских сводках мы не встретили сведений о бое, в котором партизаны разгромили карательный отряд, снаряженный для покорения жителей аула Геркез. А дело было так. Прослышав о приближении белых, командир партизанского отряда Аллайр Курбанов выбрал удобные позиции над узким ущельем Кошек Учан, по которому пролегает дорога в Кара-Кала. Партизаны расположились по обеим сторонам ущелья, на выгодных высотах. «Белые, ничего не подозревая, попали в ущелье под наш перекрестный огонь, – вспоминает Аллайр Курбанов. – Уйти им было очень трудно, так как мои люди находились на скалах, и впереди, и сзади. При всяком движении белые попадали под пули. Видя это, враги сгруппировались за большим камнем в ущелье. У них был пулемет Люиса, из которого они и стали стрелять очередями то

по правой, то по левой стороне... Но им приходилось стрелять круто вверх, мы были укрыты скалами... После часовой перестрелки из пятидесяти всадников белого отряда тринадцать было убито, остальные бросили убитых и бежали...»⁸⁰

В этом бою (15 июля 1919 года, через педелю после освобождения Ашхабада) партизанский отряд Аллаяра Курбанова получил боевое крещение. Огромная глыба камня в ущелье Кошек Учан и поныне хранит следы партизанских пуль. Все, кто приезжает в Кара-Кала, непременно приходят сюда, посещают места бывших боев, чтобы отдать дань уважения подвигу героев гражданской войны, отважно сражавшихся за Советскую власть. Жители славного аула Геркез – сыновья и внуки красных партизан, гордясь мужеством своих отцов и дедов, охотно водят приезжих по овеянным легендарной славой скалам, немым свидетелям бесстрашных рейдов патриотов по тылам врага.

Партизан Курманмамед Бабаев

О маневренности и подвижности партизанского отряда, вносившего сумятицу в ряды врага, можно судить также по разведывательным сводкам белогвардейцев: «Туркмен Аллаяра, снабдивши своих людей патронами и деньгами, снова ушел в горы, имея задачу работать в нашем тылу... Часть конницы противника под начальством Аллаяра перешла с левого нашего фланга из песков в горы». Агентура подтверждала сообщения о переходе отряда Аллаяра Курбанова из Бами в долину Сумбара. Там командиру партизанского отряда будто бы удалось набрать до 300 всадников⁸¹.

И впрямь – у страха глаза велики: в партизанском отряде Аллаяра Курбанова насчитывалось тогда 122 человека. А добровольных помощников у партизан были тысячи, в каждом ауле, в каждом населенном пункте.

Кровью сынов двух народов скрепилась дружба туркменских джигитов и русских крестьян, живших в долине Сумбара. Плечом к плечу, как единокровные братья, сражались туркмен и русский. Политическим руководителем отряда, верным другом и наставником Аллаяра был Сергей Щербаков.

Когда горы были очищены от врагов Советской власти, партизанский отряд спустился на Прикопетдагскую равнину, участвовал в боях за Кодж, Кизыл-Арват, Аджи. Здесь Аллаяр Курбанов, впервые встретившийся с С. П. Тимошковым, командующим Закаспийским фронтом, получил из его рук почетную награду – генеральскую саблю⁸².

* * *

Таким образом, революционное движение дайханских масс развивалось по двум руслам – стихийному и организованному.

Сначала пассивное, затем активное сопротивление трудового люда антинародной политике интервентов и

белогвардейско-националистических правительств создавало благодатную почву для возникновения партизанского движения. В этом, на наш взгляд, заключается диалектическая взаимосвязь и взаимообусловленность стихийных выступлений против новоявленных контрреволюционных правителей и организованной борьбы за Советскую власть.

Партизанское движение в Закаспии возникло и развивалось на базе стихийной борьбы дайханских масс. В свою очередь успехи партизан вызвали новую волну революционных выступлений дайхан, способствовали их прозрению, вовлечению в ряды Красной Армии, становлению и упрочению Советской власти. Но в отличие от партизанского движения, скажем, в Сибири или на Украине, где оно было связано с большевистским подпольем и действовало под его руководством, здесь, в Закаспии, это движение имело свои особенности. Возникнув как противодействующая контрреволюционному лагерю сила, оно, во-первых, не имело связи с большевистскими подпольными центрами и, во-вторых, окончательное оформление и дальнейшее развитие этого движения происходило при организующей роли Реввоенсовета и Политотдела Закаспийского фронта.

Армейские большевики, руководившие партизанским движением, направляли в ряды партизан, в контролируемые ими районы военных специалистов, с их помощью проводили в массах политическую работу. Партизанский отряд Аллаяра Курбанова, интернациональный по своему составу и духу, движение среди крупного туркменского племени иомудов по созданию партизанских частей были той силой, которая держала в напряжении белогвардейское командование, вселяла в него страх за свой и без того беспокойный тыл.

История борьбы местного населения против контрреволюционных сил красноречиво подтверждает, что основным условием победы Советской власти в Закаспии был союз пролетариата с трудовым дайханством и лояльными элементами национальных «верхов» при экономической,

политической и военной помощи рабочего класса Советской России.

В тяжелую годину испытаний трудящиеся туркменской земли пошли не за Фунтиковым и Деникиным, не за английскими интервентами и феодально-байской верхушкой, а за большевиками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более полувека как восторжествовал в нашей стране Великий Октябрь. Его животворные идеи победно шествуют по всей планете.

В первые годы существования Советского государства свергнутые эксплуататорские классы пытались любой ценой вернуть былое, не остановились даже перед братоубийственной гражданской войной. И в этой тяжелой схватке победу одержали идеи Великого Октября, победили трудящиеся массы, ведомые великой ленинской партией коммунистов.

В. И. Ленин, вскрывая корпс победы Советской власти, говорил: «Мы победили потому, что лучшие люди всего рабочего класса, всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершали чудеса храбрости, переносили неслыханные лишения, жертвовали собой...» «И только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, – только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить»

Заметную роль в разгроме сил внешней и внутренней контрреволюции, в защите завоеваний Октября в Туркменистане сыграли подпольные большевистские организации, сумевшие сплотить вокруг себя сознательную часть трудящихся, способствовавшие революционному подъему масс, который породил и партизанское движение.

Большевики-подпольщики Закаспия, несмотря на свою малочисленность, опираясь в основном на местные кадры

партийных и советских работников, на сознательную часть рабочего класса, успешно разоблачили предательство мелкобуржуазных партий, развили тактику революционной борьбы, творчески использовали богатый идеологический арсенал партии, многие формы и методы организационно-партийной и агитационно-массовой работы. В зависимости от складывающейся ситуации большевики широко прибегали к легальным методам борьбы, сочетая их с нелегальной, строго законспирированной или полуполигальной деятельностью. Это наглядный пример того, как велик был авторитет партии, как жизненны идеи марксизма-ленинизма. Большевики на практике доказали, что даже отдельные, разрозненные звенья их партии, несмотря на разобщенность и невероятные трудности, могут самостоятельно действовать, вести за собой массы, защитить завоевания революции.

Среди старых дореволюционных подпольщиков бытовала поговорка: «Кто продержится год в подполье, тот хороший подпольщик». Большевики Закаспия действовали в подполье полтора с лишним года. Это говорит о высокой их организованности, об умении правильно ориентироваться в обстановке, принимать верные решения, привлекать к революционной борьбе надежных людей. Недаром член ашхабадской подпольной организации Андроник Мелькумов с гордостью отмечал, что в подполье не было предателей².

Хроника события в Закаспии наглядно опровергает буржуазных историков, отрицающих участие местного населения в Октябрьской революции и в борьбе за упрочение Советской власти. В годы гражданской войны подавляющая масса трудящихся коренной национальности по отношению к интервентам и белогвардейщине заняла враждебную позицию и стихийно поднялась на борьбу за освобождение Туркменистана от внешних и внутренних врагов. На базе стихийной борьбы дайханских масс возникло партизанское движение, которое окончательно оформилось и развилось при организующей роли командования советских войск.

Связи большевистского подполья с партизанского движения с большевистскими организациями Баку и Реввоенсоветом Закаспийского фронта придавали революционной борьбе трудящихся масс особенную силу и организованность. Это сказалось прежде всего на активности подпольных организаций и укреплении союза пролетариата с трудовым дайханством, в среде которого зарождалось партизанское движение, всячески способствовавшее успехам Красной Армии.

Деятельность подпольных большевистских организаций, боевые действия партизанских отрядов в Закаспии, несмотря на сложность обстановки и режим кровавого террора, развивались под лозунгом решительного изгнания с туркменской земли интервентов и контрреволюционеров всех мастей, под лозунгом упрочения Советской власти.

В. И. Ленин, выступая 16 апреля 1919 года на конференции железнодорожников Московского узла, пророчески предсказал: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою. Советскую власть – власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»³.

Ленинская правда победила, утвердив невиданную в истории дружбу народов, рожденную Великим Октябрем и навеки сплотившую нашу Советскую Родину в единую братскую семью. Животворные идеи марксизма-ленинизма помогали советскому народу выстоять в нелегких битвах за торжество социализма, претворить в

Жизнь мудрые предначертания нашей родной Коммунистической партии. Они ведут нас к успешному решению фундаментальных задач, которые поставила перед советским народом Коммунистическая партия, – к торжеству коммунизма и вечного мира на планете.

Окрыленный большим и светлым братством социалистических наций, великой дружбой партии и народа,

являющих собой единое целое, как равный среди равных, живет, борется и торжествует победы Туркменистан – кровная, органическая часть великой Советской державы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Введение

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 47.

² ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 77, л. 48, 76.

³ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 2, л. 139.

⁴ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана». Ашхабад, 1965, стр. 159; ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 32, л. 109; «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)». Сборник документов. Ашхабад, 1957, стр. 260.

⁵ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 26; д. 130, л. 189; д. 223, л. 22, 23.

⁶ «Юность», 1968, № 6, стр. 90.

⁷ Цит. по: А. И. Микоян. Дорогой борьбы, кн. 1. М., 1971, стр. 292.

⁸ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 35.

Глава I

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 37, стр. 264.

² Н. Равич. Молодость века. Воспоминания. М., 1972, стр. 243.

³ «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 4.

⁴ Там же.

⁵ Н. Равич. Указ. соч., стр. 244.

⁶ «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 5.

⁷ «История КПСС», т. 3, кн. 2. М., 1968, стр. 69–80.

⁸ «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 43–44.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 123.

¹⁰ Там же, стр. 371.

¹¹ Партархив ТФ ИМ Л, ф. 1, оп. 2, д. 559, л. 43.

¹² «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 81.

¹³ Там же, стр. 111.

¹⁴ Л. Сунгуров. Большевики Ашхабада. – «Туркменская искра», 22 октября 1966 г.

¹⁵ Ю. Е. Пермяк. Девять ашхабадских комиссаров. – Архив газеты «Правда». Октябрьская группа, 25 марта 1967 г.

¹⁶ А. Мелькумов. Материалы революционного движения в Туркмении. Ташкент, 1924, стр. 117; «Война в песках». Материалы по истории гражданской войны. ОГИЗ, 1935, стр. 353; Партархив АзФ ИМЛ, ф. 303, оп. 1а, д. 25, л. 30.

¹⁷ «Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана». Баку, 1963, стр. 305–306.

¹⁸ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана». Ашхабад, 1965, стр. 143.

¹⁹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 559, л. 43–47; д. 564, л. 7–9.

²⁰ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 270, л. 199–200; ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 32, л. 115.

²¹ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 223, л. 22.

²² «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 143; А. Мелькумов. Указ. соч., стр. 154; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 565, л. 177; ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 32, л. 115.

²³ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 270, л. 199; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 553, л. 46–48, 239.

²⁴ «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 263;

Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 553, л. 253; д. 565, л. 38, 128.

²⁵ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 147.

²⁶ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 402, л. 44; д. 562, л. 55; оп. 4, д. 402, л. 49.

²⁷ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 147; «Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении», т. I. Ашхабад, 1937, стр. 37.

²⁸ «Красная летопись Туркменистана», 1923, № 1–2, стр. 106–107.

²⁹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 73.

³⁰ «История КПСС», т. 3, кн. 2, стр. 132.

³¹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 564, л. 34.

³² А. А. Росляков. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов (1917–1918). Ашхабад, 1961, стр. 283, 291.

³³ «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане», т. I. Алма-Ата, 1963, стр. 391.

³⁴ «За Советский Туркменистан». Ашхабад, 1963, стр. 108.

³⁵ ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 55, л. 14.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 349–350.

³⁷ «Дейли уоркер», 25 января 1965 г.; ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 1476.

³⁸ «История КПСС», т. 3, кн. 2, стр. 163.

³⁹ Там же, стр. 186.

⁴⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 40, стр. 125.

⁴¹ «История КПСС», т. 3, кн. 2, стр. 136–140.

⁴² Цит. по: «История КПСС», т. 3, кн. 2, стр. 136.

⁴³ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 553, л. 239; д. 565, л. 190, 231; ЦГА ТССР, ф. 171, оп. 1, д. 7, л. 90; д. 20, л. 79; А. Мелькумов. Указ. соч., стр. 157; «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 79; А. Мухамедов. Славный путь. Ашхабад, 1965,

стр. 14; Г. С. Козлов. Англичане в Закаспии. – «Туркменоведение», 1928, № 7–8, стр. 37.

⁴⁴ «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 111.

⁴⁵ Партархив АзФ ИМЛ, ф. 303, оп. 1а, д. 25, л. 33–34.

⁴⁶ «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 74–75; ЦГА ТССР, ф. 520, оп. 1, д. 9, л. 104; ЦГА ТССР, СБ 43, л. 159.

⁴⁷ ЦГА ТССР, ф. 520, оп. 1, д. 3, л. 107; «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 143.

⁴⁸ «Красная летопись Туркестана», 1923, № 1–2, стр. 107.

⁴⁹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 65–66.

⁵⁰ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 402, л. 38–39.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 119.

⁵² ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 278, л. 199.

⁵³ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 137; ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 134, л. 44; д. 141, л. 2–4; ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 206, л. 42–43.

⁵⁴ ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 134, л. 5–6.

⁵⁵ ЦГА ТССР, ф. 386, оп. 1, д. 141, л. 3, 23.

⁵⁽³⁾ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 206, л. 42–43.

⁵⁷ ЦГА ТССР, СБ 43, л. 213–214.

⁵⁸ «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 110.

⁵⁹ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 130, л. 189; «За Советский Туркменистан», стр. 275.

⁶⁰ ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 141, л. 23.

⁶¹ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 206, л. 43.

⁶² А. Мелькумов. Указ. соч., стр. 154; «За Советский Туркменистан», стр. 37; «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 81; ЦГА ТССР, ф. 8, оп. 4, д. 135, л. 2; д. 141, л. 1, 4; «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана»,

стр. 149; «История рабочего класса Советского Туркменистана (1917–1965 гг.)». Ашхабад, 1969, стр. 68.

⁶³ А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 443.

⁶⁴ А. Мелькумов. Указ. соч., стр. 157.

⁶⁵ «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 110.

⁶⁵ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 37–38; ЦГА ТССР, ф. 637, оп. 1, д. 3, л. 59.

⁶⁷ А. Мелькумов. Указ. соч., стр. 156; ЦГА ТССР, ф. 205, оп. 1, д. 13, л. 6; Партархив ТФ ИААЛ, ф. 1, оп. 2, д. 559, л. 52.

⁶⁸ Партархив АзФ ИМЛ, ф. 456, оп. 16, д. 20, л. 1–5; «Юность», 1968, № 6, стр. 90.

⁶⁹ ЦГА ТССР, СБ 45, л. 440; СБ 59, л. 20; ф. 520, оп. 1, д. 3, л. 107; ф. 542, оп. 1, д. 1, ч. I, л. 25; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 559, л. 51; д. 565, л. 188; д. 568, л. 114.

⁷⁰ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 553, л. 46, 47.

⁷¹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 568, л. 116; ф. 51, оп. 7, д. 57, л. 36–37; ЦГА ТССР, СБ 43, л. 159; СБ 53, л. 238; СБ 59, л. 20; СБ 69, л. 94; ф. 580, оп. 1, д. 2, л. 482; «Воина в песках», стр. 344.

⁷² Партархив ТФ ИМЛ, ф. I, оп. 4, д. 402, л. 40; «Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении», т. I, стр. 38; ЦГА ТССР, СБ 59, л. 47.

⁷³ «Трудовая мысль», 8 сентября 1918 г.; «Голос Средней Азии», 31 декабря 1918 г.

⁷⁴ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 73–74; ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 158, л. 4.

⁷⁵ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 559, л. 49; д. 565, л. 172, 173; ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 80.

⁷⁶ «Союз рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917–1920 гг.)». Документы и материалы. Ашхабад, 1957, стр. 273; ЦГА ТССР, ф. 637, оп. 1, д. 3, л. 38; «Очерки истории Коммунистической партии

Туркменистана», стр. 149; «История рабочего класса Советского Туркменистана (1917–1965 гг.)», стр. 71.

⁷⁷ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 80–81.

⁷⁸ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 553, л. 241, 257; д. 559, л. 49–60; д. 565, л. 177–180; ЦГА ТССР, ф. 520, оп. 1, д. 3, л. 107; СБ 2, л. 61; СБ 43, л. 308; СБ 44, л. 37, 415; СБ 62, л. 60; Ш. Ташлиев. Военная интервенция и гражданская война в Туркменистане (на туркм. яз.). Ашхабад, 1959, стр. 107.

⁷⁹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 565, л. 183, 188; ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 48, л. 2, 11, 19, 38.

⁸⁰ ЦГА ТССР, ф. 525, оп. 1, д. 1, л. 87, 88, 120, 159; СБ 45, л. 437; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 559, л. 44; «Голос Средней Азии», 9, 28, 30 ноября 1918 г.; «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 110.

⁸¹ ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 111, л. 16; д. 175, л. 2; СБ 69, л. 52.

⁸² Ш. Ташлиев. Установление и упрочение Советской власти в Туркменистане. Ашхабад, 1957, стр. 97; ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 59, 65, 88, 89.

⁸³ ЦГА ТССР, СБ 62, л. 29; «Голос Средней Азии», 28 сентября 1918 г.

⁸⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 44, стр. 348.

⁸⁵ ЦГАОР АзССР, ф. 1134, оп. 1, д. 57, л. 33, 46, 51; «Война в песках», стр. 344–345; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 553, л. 143.

⁸⁶ ЦГА ТССР, ф. 118, оп. 1, д. 4, л. 5, 7.

⁸⁷ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 565, л. 182; д. 568, л. 37.

⁸⁸ ЦГАОР АзССР, ф. 1134, оп. 1, д. 57, л. 33, 42; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 402, л. 44–45; ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 137, л. 76–77.

⁸⁹ ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 197, л. 5, 76.

⁹⁰ ЦГАОР АзССР, ф. 1134, оп. 1, д. 57, л. 33, 42; «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 147; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 402, л. 45; ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 197, л. 78; ф. 637, оп. 1, д. 5, л. 77, 79.

⁹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 54.

⁹² Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 402, л. 38–10.

⁹³ «Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении», т. I, стр. 39; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 402, л. 41.

⁹⁴ ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 31.

⁹⁵ ЦГА ТССР, ф. 110, оп. 1, д. 6, л. 186.

⁹⁶ Партархив ТФ ИМЛ, ф. '1, оп. 4, д. 402, л. 42–43; ЦГА ТССР, ф. 205, оп. 1, д. 13, л. 110; «Бакинский рабочий», 15 апреля 1926 г.

⁹⁷ «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 76–77, 184; А. Мелькумов. Указ. соч., стр. 159; «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 146.

⁹⁸ «Заря Востока», 30 сентября 1924 г»

Глава II

¹ «Голос Средней Азии», 7 января 1919 г.; А. Мелькумов. Указ. соч., стр. 160; С. Я. Тимошков. Борьба с интервентами» белогвардейцами и басмачеством в Средней Азии. М., 1941, стр. 73.

² «Голос Средней Азии», 7 января 1919 г.; ЦГА ТССР, ф. 520, оп. 1, д. 3, л. 110; ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 88.

³ «Заря Востока», 30 сентября 1924 г.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 374.

⁵ «Всемирная история», т. 6. М., 1959, стр. 27–28, 44–45.

⁶ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948, стр. 31.

⁷ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 20, стр. 67.

⁸ ЦГА ТССР, СБ 44, л. 38; ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 195, л. 29; ф. 515, оп. 1, л. 2; ф. 640, оп. 1, д. 5, л. 17, 94.

⁹ ЦГА ТССР, ф. 38, оп. 1, д. 1, л. 1; ф. 502, оп. 1, д. 13, л. 245–248.

¹⁰ «Туркменоведение», 1928, № 7–8, стр. 53; ЦГА ТССР, ф. 502, оп. 1, д. 4, л. 11–12.

¹¹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 553, л. 165.

¹² ЦГА ТССР, ф. 205, оп. 1, д. 11, л. 10; ф. 542, оп. 1, д. 5, л. 45; ф. 611, оп. 1, д. 6, л. 271.

¹³ ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 34, л. 1; ф. 611, оп. 1, д. 7, л. 123, 368; ф. 637, оп. 1, д. 4, л. 146; «Красная летопись Туркестана», 1923, № 1–2, стр. 108.

¹⁴ ЦГА ТССР, ф. 611, оп. 1, д. 7, л. 28; СБ 153, л. 269, 316.

¹⁵ ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 16, 84, 130 а.

¹⁶ «Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. 1918–1920 гг.». Документы и материалы. Баку, 1967, стр. 210; ЦГА ТССР, СБ 44, л. 37, 38.

¹⁷ ЦГА ТССР, ф. 611, оп. 1, д. 10, л. 5; ф. 640, оп. 1, д. 5, л. 17; СБ 50, л. 388.

¹³ Рукописный фонд ТФ ИМЛ, д. 136, л. 72.

¹⁹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 565, л. 116; «Война в песках», стр. 354; ЦГА ТССР, СБ 44, л. 34.

²⁰ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 562, л. 15, 16; «Война в песках», стр. 35; «Голос Средней Азии», 23 февраля 1919 г.

²¹ ЦГА ТССР, ф. 611, оп. 1, д. 7, л. 247, 274; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 562, л. 16, 17; д. 565, л. 117; ф. 1, оп. 2, д. 571, л. 34.

²² ЦГА ТССР, СБ 48, л. 136.

²³ Партархив АзФ ИМЛ, ф. 276, оп. 3, д. 155а, л. 78, 80.

²⁴ Там же, л. 79.

²⁵ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 565, л. 117.

²⁶ «Голос Средней Азии», 28 марта 1919 г.

- ²⁷ ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 130 б.
- ²⁸ ЦГА ТССР, ф. 118, оп. 1, д. 19, л. 149–150.
- ²⁹ ЦГА ТССР, ф. 542, оп. 1, д. 1, ч. I, л. 116.
- ³⁰ ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 88, 130 б.
- ³¹ ЦГА АзССР, ф. 1134, оп. 1, д. 35, л. 1.
- ³² К. А. Гусейнов, М. И. Найдель. Очерки истории профдвижения в Азербайджане. Баку, 1966, стр. 134; ЦГАОР АзССР, ф. 1134, оп. 1, д. 37, л. 4; Партархив АзФ ИМЛ, ф. 276, оп. 3, д. 151, л. 2.
- ³³ ЦГАОР АзССР, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 14.
- ³⁴ «Юность», 1968, № 10, стр. 93.
- ³⁵ ЦГА ТССР, ф. 118, оп. 1, д. 7, л. 140; д. 19, л. 187.
- ³⁵ С. А. Гусейнов, М. И. Найдель. Указ. соч., стр. 136–137.
- ³⁷ Партархив АзФ ИМЛ, ф. 276, оп. 3, д. 155 а, л. 5, 22, 26, 83; ЦГАОР АзССР, ф. 1134, оп. 1, д. 57, л. 33–51, 55–58.
- ³⁸ «Юность», 1968, № 10, стр. 101.
- ³⁹ Партархив АзФ ИМЛ, ф. 276, оп. 3, д. 155 а, л. 82.
- ⁴⁰ Там же, л. 213.
- ⁴¹ ЦГАОР АзССР, ф. 1134, оп. 2, д. 43, л. 108, 114, 121.
- ⁴² Партархив АзФ ИМЛ, ф. 276, оп. 3, д. 155а, л. 237.
- ⁴³ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 562, л. 56; оп. 4, д. 402, л. 46, 48, 52.
- ⁴⁴ ЦГА ТССР, СБ 48, л. 142; СБ 153, л. 383, 384; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 565, л. 177–180.
- ⁴⁵ «Последние дни комиссаров Бакинской коммуны». Баку, 1938, стр. 153.
- ⁴⁶ «Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана», стр. 306–307; К. А. Гусейнов, М. И. Найдель. Указ. соч., стр. 145–146.
- ⁴⁷ ЦГА ТССР, СБ 44, л. 35.
- ⁴⁸ Цит. по: К. А. Гусейнов, М. Я. Найдель. Указ. соч., стр. 147.

⁴⁹ Рукописный фонд ТФ ИМЛ, д. 136, л. 65; «Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении», т. I, стр. 40.

⁵⁰ ЦГА ТССР, ф. 486, оп. 1, д. 195, л. 3.

⁵¹ ЦГА ТССР, ф. 38, оп. 1, д. 26, л. 489; «Последние дни комиссаров Бакинской коммуны», стр. 141; «Туркменская искра», 14 марта 1928 г.; «Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении», т. I, стр. 40.

⁵² ЦГА ТССР, ф. 118, оп. 1, д. 4, л. 86, 86 а; д. 19, л. 187.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 371.

⁵⁴ «Последние дни комиссаров Бакинской коммуны», стр. 141.

⁵⁵ ЦГА ТССР, ф. 38, оп. 1, д. 3, л. 291.

⁵⁶ Рукописный фонд ТФ ИМЛ, д. 136, л. 46.

⁵⁷ ЦГА ТССР, ф. 118, оп. 1, д. 4, л. 86 а.

⁵⁸ «Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении», т. I, стр. 39–40.

⁵⁹ А. Мелькумов. Указ. соч., стр. 162; Партархив ТФ ИМЛ, ф. I, оп. 2, д. 553, л. 253, 256; д. 568, л. 114; оп. 4, д. 402, л. 45–46.

⁶⁰ ЦГА ТССР, ф. 503, оп. 1, д. 40, л. 19.

⁶¹ «Красная летопись Туркестана», 1923, № 1–2, стр. 107; Ш. Ташлиев. Военная интервенция и гражданская война в Туркменистане, стр. 101.

⁶² ЦГА ТССР, ф. 611, оп. 1, д. 7, л. 153, 313, 319; СБ 45, л. 437.

⁶³ А. Мелькумов. Указ. соч., стр. 162; Рукописный фонд ТФ ИМЛ, д. 136, л. 46.

⁶⁴ Ш. Ташлиев. Указ. соч., стр. 123; ЦГА ТССР, ф. 637, оп. 1 д. 3, л. 264; д. 5, л. 75; ЦГА ТССР, СБ 72, л. 36.

⁶⁵ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 35, 36.

⁶⁶ Там же, л. 62.

⁶⁷ ЦГА ТССР, СБ 44, л. 118; СБ 45, л. 437; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 553, л. 143; ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 32, л.

115; ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 26, л. 103.

⁶⁸ А. Микоян. Мысли и воспоминания о Ленине. М., 1970, стр. 78.

⁶⁹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 75.

⁷⁰ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 220, л. 29; д. 223, л. 16–17.

⁷¹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 562, л. 55–57; д. 565, л. 118. «Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении», т. I, стр. 30, 39, 90.

⁷² ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 74, л. 40; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 402, л. 53, 58.

⁷³ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 565, л. 118; ЦГА ТССР, ф. 503, оп. 2, д. 1, л. 196.

⁷⁴ «Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. 1918–1920 гг.», стр. 265.

⁷⁵ ЦГА ТССР, ф. 118, оп. 1, д. 4, л. 73.

⁷³ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 402, л. 53.

⁷⁷ «Воспоминания участников гражданской войны в Туркмении», стр. 53; М. Языкова. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Западном Туркменистане (1917–1920 гг.). Ашхабад, 1957, стр. 102; ЦГА ТССР, ф. 118, оп. 1, д. 24, л. 39. ⁷³ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 224, л. 27, 32; ЦГА ТССР, ф. 171, оп. 1, д. 6, л. 14.

⁷⁰ «Сборник статей и воспоминаний участников гражданской войны в Туркмении», т. 1, стр. 76; ЦГА ТССР, ф. 38, он. 1, д. 10, л. 7.

⁸⁰ ЦГА ТССР, ф. 542, оп. 1, д. 4, л. 145, 165, 167.

⁸¹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 402, л. 58; ЦГА ТССР, ф. 503, оп. 1, д. 36, л. 117; ф. 583, оп. 1, д. 1, л. 91; ЦГАСА. ф. 125, оп. 1, д. 224, л. 128.

⁸² ЦГАСА, ф. 25859, оп. 2, д. 49, л. 25.

⁸³ А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. 4. Берлин, 1925, стр. 12.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 69.

⁸⁵ ЦГА ТССР, СБ 44, л. 118.

⁸⁶ ЦГАОР СССР, ф. 446, оп. 2» д. 56, л. 147 6.

⁸⁷ ЦГА ТССР, ф. 499, оп. 1, д. 8, л. 275.

⁸⁸ ЦГА ТССР, СБ 53, л. 123; ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 221, л. 69.

⁸⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 69.

⁹⁰ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 221, л. 71; ЦГА ТССР, СБ 44, л. 170; СБ 52, л. 7.

⁹¹ ЦГА ТССР, СБ 52, л. 5.

Глава III

¹ Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918 (Воспоминания). Тифлис, 1925, стр. 165; ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 4.

² «Материалы XXII съезда КПСС». Москва, 1961, стр. 354–355.

³ А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 446; «Восстание 1916 года в Туркмении». Документы и материалы. Ашхабад, 1938, стр. 16–17, 21–23

⁴ ЦГА ТССР, СБ 45, л. 162; ф. 520, оп. 2, д. 2, л. 3; «За Советский Туркменистан», стр. 342.

⁵ ЦГА ТССР, ф. 520, оп. 2, д. 2, л. 3–4, 10, 11; ЦГА ТССР, СБ 45, л. 163; «За Советский Туркменистан», стр. 35, 343, 345.

⁶ ЦГА ТССР, СБ 45, л. 163; СБ 59, л. 58; ф. 205, оп. 1, д. 1а, л. 1; «Туркмеиоведение», 1928, № 1 (5), стр. 14.

⁷ «Трудовая мысль», 2 августа и 11 сентября 1918 г.; «Голос Средней Азии», 27 сентября 1918 г.; ЦГАСА, ф. 110, оп. 23, д. 609, л. 262.

⁸ А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 363, 434; «Союз рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917–1920 гг.)». Документы и материалы. Ашхабад, 1957, стр. 174; ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 55, л. 13; д. 56, л. 6.

- ⁹ ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 55, л. 14, 15; д. 56, л. 130 б.
- ¹⁰ ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 55, л. 15.
- ¹¹ Там же, л. 16; д. 56, л. 5.
- ¹² ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 55, л. 16, 89, 92; д. 56, л. 65, 77, 78, 115, 154; ЦГА ТССР, ф. 580, оп. 1, д. 2, л. 278; ЦГАСА, ф. ПО, оп. 23, д. 3, л. 536.
- ¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 330.
- ¹⁴ «Известия», 16 марта 1971 г.
- ¹⁵ «Совет Туркменистаны», 16 марта 1971 г.
- ¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 55.
- ¹⁷ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 130, л. 125; ЦГА ТССР, СБ 50, л. 140; СБ 51, л. 200.
- ¹⁸ ЦГА ТССР, СБ 51, л. 201.
- ¹⁹ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 92; Ш. Ташлиев. Военная интервенция и гражданская война в Туркменистане. Ашхабад, 1959, стр. 108.
- ²⁰ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 35–52.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, л. 90.
- ²³ Там же, л. 35–52.
- ²⁴ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана». Ашхабад, 1965, стр. 134, 137; «История Туркменской ССР», т. II. Ашхабад, 1957, стр. 130; ЦГА ТССР, СБ 43, л. 224.
- ²⁵ ЦГАСА, ф. 110, оп. 23, д. 609, л. 262.
- ²⁶ Рукописный фонд ТФ ИМЛ, д. 136, стр. 87. 27 ЦГА ТССР, СБ 46, л. 178.
- ²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 68.
- ²⁹ «Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане», т. I, стр. 135–136.
- ³⁰ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 206, л. 161.
- ³¹ ЦГА ТССР, СБ 168, л. 72; ф. 520, оп. 2, д. 2, л. 14; ЦГА УзССР, ф. 39, оп. 1, д. 306, л. 226.

³² ЦГА ТССР, СБ 50, л. 324; ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 303, л. 211.

³³ ЦГАСА, ф. 25859, оп. 2, д. 49, л. 55, 72.

³⁴ ЦГА ТССР, ф. 12, оп. 2, д. 2, л. 15; д. 5, л. 50.

³⁵ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 134; В. Карпыч. Революционный путь Туркменистана. – «Туркменоведение», 1928, № 1 (5), стр. 14.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 14.

³⁷ «Союз рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917–1920 гг.)», стр. 177, 186, 210.

³⁸ ЦГА ТССР, ф. 118, оп. 1, д. 7, л. 167; оп. 3, д. 1, л. 74; ф. 503, оп. 3, д. 1, л. 23; «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 134.

³⁹ ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 147 6; ЦГА ТССР, ф. 515, оп. 1, д. 1, л. 15; ф. 520, оп. 1, д. 3, л. 110; «Туркменоведение», 1928. № 7–8, стр. 58.

⁴⁰ ЦГА ТССР, СБ 43, л. 197; ф. 38, оп. 1, д. 26, л. 517, 522, 524; ф. 542, оп. 1, д. 1, ч. II, л. 349.

⁴¹ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 223, л. 10; ф. 137, оп. 1, д. 29, л. 99; ф. 486, оп. 1, д. 171, л. 2; СБ 59, л. 40; СБ 168, л. 72.

⁴² «Союз рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917–1920 гг.)», стр. 171.

⁴³ Там же, стр. 171, 186; ЦГА ТССР, ф. 38, оп. 1, д. 10, л. 7; д. 26, л. 443; ф. 503, оп. 2, д. 1, л. 77, 79.

⁴⁴ ЦГА ТССР, ф. 118, оп. 1, д. 4, л. 48; д. 7, л. 19; д. 23, л. 101; оп. 3, д. 1, л. 31, 74; ф. 486, оп. 1, д. 211, л. 16.

⁴⁵ ЦГАОР, ф. 439, оп. 1, д. 41, л. 2, 4.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 17.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 88.

⁴⁸ Там же, стр. 304.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 200.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 200.

⁵¹ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана». стр. 168–171.

⁵² ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 9, л. 40; д. 17, л. 346; д. 69, л. 34; д. 143, л. 7; ф. 25898, оп. 1, д. 80, л. 59; ЦГА ТССР, СБ 50, л. 425.

⁵³ Ш. Ташлиев. Жизнь, отданная народу. – «Известия АН ТССР», 1967, № 6, стр. 6.

⁵⁴ Ш. Ташлиев. М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев в Туркменистане. Ашхабад, 1966, стр. 60 (на туркм. яз.); «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 156–158.

⁵⁵ ЦГА ТССР, ф. 171, оп. 1, д. 5, л. 54; СБ 45, л. 213; «За Советский Туркменистан», стр. 76.

⁵⁶ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 158; ЦГА ТССР, ф. 171, оп. 1, д. 5, л. 29, 30; Партархив ТФ ИЛ\Л, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 92; ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 157, л. 80.

⁵⁷ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 158; ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 30, 32.

⁵⁸ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 32, 43, 45; д. 58, л. 25.

⁵⁹ «За Советский Туркменистан», стр. 298, 299. ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 9, л. 7, 38, 39, 461; д. 26, л. 147; д. 278, л. 65; «За Советский Туркменистан», стр. 280.

⁶¹ ЦГА ТССР, СБ 44, л. 118; ЦГАСА, ф. 25859, оп. 3, д. 11, л. 4.

⁶² «За Советский Туркменистан», стр. 321; «Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.)», стр. 276; ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 1, л. 446; д. 9, л. 372; д. 206, л. 161; ЦГА ТССР, СБ 45, л. 213.

⁶³ ЦГА ТССР, СБ 50, л. 378; ЦГАСА, ф. 25859, оп. 2, д. 16, л. 379.

⁶⁴ ЦГА ТССР, ф. 580, оп. 1, д. 2, л. 277.

⁶⁵ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 53–62.

⁶⁶ Партархив АзФ ИМЛ, ф. 2, оп. 22, д. 120, л. 28.

⁶⁷ ЦГАСА, ф. 110, оп. 23, д. 3, л. 535; ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 175; Партархив АзФ ИМЛ, ф. 8041, оп. 1, д. 10, л. 28; ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 176, 308.

⁶⁸ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 56, 57.

⁶⁹ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 224, л. 144.

⁷⁰ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 176; д. 224, л. 144; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 56.

⁷¹ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 243.

⁷² ЦГАСА, ф. 110, оп. 23, д. 3, л. 535; ф. 125, оп. I, д. 75, л. 93.

⁷³ ЦГАСА, ф. 110, оп. 23, д. 3, л. 535, 536; Партархив АзФ ИМЛ, ф. 276, оп. 3, д. 197, л. 1–3.

⁷⁴ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 20, л. 139; ф. 25859, оп. 2, д. 13, л. 243.

⁷⁵ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 42, л. 393; д. 57, л. 273, 297.

⁷⁶ ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 224, л. 144; Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 58, 59.

⁷⁷ Партархив ТФ ИМЛ, ф. 51, оп. 7, д. 51, л. 61, 62.

⁷⁸ ЦГА ТССР, ф. 117, оп. 3, д. 38, л. 1; ф. 171, оп. 1, д. 6, л. 95; д. 64, л. 114; ф. 520, оп. 1, д. 2, л. 93; оп. 2, д. 2, л. 19, 20, 32, 35, 37–39, 53, 54, 57, 58, 78, 79, 80–87; СБ 45, л. 161, 165, 166; СБ 63, л. 11, 19.

⁷⁹ ЦГА ТССР, ф. 171, оп. 1, д. 6, л. 95; д. 64, л. 116; ф. 520, оп. 1, д. 4, л. 9, 10; СБ 168, л. 91; ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 842, л. 40, 52, 55–59, 61–64; оп. 19, д. 24, л. 5, 13, 20; ф. 125, оп. 1, д. 124, л. 24.

⁸⁰ «За Советский Туркменистан», стр. 347.

⁸¹ ЦГАСА, ф. 110, оп. 3, д. 24, л. 19; д. 842, л. 25, 33; ф. 125, оп. 1, д. 129, л. 40.

⁸⁴ «Когда братство – обычай». – «Правда», 24 декабря 1969 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 232, 240.

² Партархив ТФ ИМЛ, ф. 1, оп. 2, д. 559, л. 52.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

94 коп.

Издательство
·МЫСЛЬ·

notes

Примечания

До 17 июля 1919 года город назывался Асхабад, затем – Полторацк, в память о народном комиссаре труда Туркестанской республики. С 1927 года – Ашхабад. Павел Герасимович Полторацкий – типографский рабочий, один из руководителей Коммунистической партии Туркестана, член Военно-политического штаба республики. Направленный Туркестанским Совнаркомом в Закаспий для подавления белогвардейского мятежа, он попал в руки врагов и в ночь с 21 на 22 июля 1918 года расстрелян в Мерве. Его письмо, написанное перед смертью и чудом проникшее на свободу сквозь тюремные решетки, – образец высокой гражданственности и мужества, звонкая песня о несгибаемости духа коммуниста, безграничной веры в дело рабочего класса.

Павел Герасимович, зная, что через считанные часы его поведут на расстрел, писал: «...погибая от рук белой гвардии, я, как революционер, ничуть не страшусь смерти». Он был уверен, что ему на смену «придут новые товарищи, более сильные, более крепкие духом, которые станут и будут вести начатое святое дело, дело борьбы за полное раскрепощение рабочего люда от ига капитала». Не страшась своих палачей, он срывал лицемерную маску с тех, кто обманом вовлек трудящихся в авантюру против Советов, призывал рабочих не идти па поводу контрреволюционеров всех мастей – врагов рабочего класса, Советской власти.

Названные имена ни в каких других документах нам больше не встречались. Возможно, это псевдонимы.

По профессии рабочий-строитель, О. А. Лидак не раз арестовывался, в 1914 году за принадлежность к РСДРП (б) был сослан в Сибирь. В феврале 1918 года, после ухода советских войск из Прибалтики, был оставлен для подпольной работы на территории, занятой немецкими оккупантами. Сражался на Оренбургском фронте, был секретарем военного комиссариата, членом Оренбургского комитета РКП (б). После отступления советских войск из Оренбурга командирован в Москву. Ехал через Закаспий, охваченный контрреволюционным мятежом. В Ашхабаде задержан, заключен в тюрьму, просидел пять месяцев. После освобождения был мобилизован в белую армию, где нес гарнизонную службу.

Артак Стамболцян, старый большевик, ветеран революционного движения в Закаспии, был прислан Бакинским комитетом партии для выяснения судьбы 26 бакинских комиссаров.

Топуридзе – работник Бакинского комитета партии, старый, коммунист, командированный в Закаспий для организации побега арестованных бакинских большевиков.

«Гичак» – армянская мелкобуржуазная партия, возникшая в 1887 году в Женеве. Ее организация в России вела раскольническую политику в рабочем движении и выродилась в националистические группировки.

Материалы ЦГАОР приводятся по фотокопиям, хранящимся в фондах ЦГА ТССР.

Об этом более подробно см.: «История коммунистических организаций Средней Азии». Ташкент, 1967, стр. 222–264; «Очерки истории Компартии Туркменистана». Ашхабад, 1965, стр. 97—117.

Бейли, матерый английский разведчик, был связан с контрреволюционными организациями Туркестана, руководил ими, снабжал деньгами, оружием. Разоблаченный советской контрразведкой в Ташкенте, он скрылся, пять раз менял документы и внешность. Бежал в Бухару, находившуюся под властью эмира, затем с небольшой группой своих агентов ушел в Иран.

И. А. Кунаев родился в Симбирске (Ульяновске) и жил там после гражданской войны. В этом городе он и умер. В газете с «Ульяновская правда» печатались материалы о нем.

С. П. Гаудиц – эсер, председатель «Закаспийского союза фронтовиков», начальник боевой дружины эсеров, в прошлом офицер 3-го Смоленского уланского полка.

В рукописном фонде Туркменского филиала ИМЛ хранится партийный билет № 2, выданный Кукаеву, за подписями – председатель Ястребов, секретарь Орел. Имеется отметка об уплате членских взносов за апрель – май 1919 года («Вечерний Ашхабад», 30 июня 1919 года). Фотография точно такого же членского билета за № 12 на имя Дулина помещена в газете «Туркменская искра» от 7 ноября 1927 года.

11 декабря 1919 года, после освобождения Казанджика советскими войсками, здесь состоялось организационное собрание рабочих и служащих, «состоявших в прошлом году в местной организации Российской коммунистической партии (большевиков)». Реввоенсовет Закаспийского фронта, приняв на учет 16 коммунистов, восстановил казанджикскую организацию РКП (б) «в составе старых партийных работников». В списке ее членов значатся Н. Кузнецов, Я. Малиновский, П. Бурментьев, К. Зубарев и другие активные участники подполья (ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 10, л. 54).

Белогвардейцы, захватив власть в Красноводске. 16 июля 1918 года создали «правительство», так называемый Временный стачечный комитет во главе с правым эсером В. Куном. Вскоре вывеску сменили на «правраском», то есть «Правительственно-распорядительный комитет».

Джунковский, бывший помощник генерал-губернатора Туркестана, с установлением Советской власти возглавлял так называемую «Туркестанскую военную организацию» – шпионскую, заговорщическую организацию белогвардейского офицерства, меньшевиков и правых эсеров, созданную английскими империалистами в Ташкенте (см. Ш. Ташлиев. Установление и упрочение Советской власти в Туркестане. Ашхабад, 1957, стр. 97). Многие ярые враги Советской власти – махровые контрреволюционеры, палачи бакинских и ашхабадских комиссаров – не ушли от справедливого возмездия. Алания, бывшего начальника красноводской, а затем ашхабадской милиции, в 1920 году революционный военный трибунал приговорил к высшей мере наказания – расстрелу. Через год выездная сессия революционного военного трибунала Туркестанского Фронта рассмотрела дело Германа, Яковлева, Седова, Баклеева, Долгова, Юсупова и других участников казни бакинских и ашхабадских комиссаров.

В январе 1925 года вдали от Туркменистана, на одном из хуторов Нижневолжского края, чекисты арестовали Фунтикова. Бывший эсеровский лидер, даже скрываясь от людей и правосудия, остался верен себе до конца: здесь он исправно вел кулацкое хозяйство. В апреле 1926 года в Баку выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР, признав экс-главу контрреволюционного правительства Закаспия, палача бакинских и ашхабадских комиссаров Фунтикова виновным, приговорила его к высшей мере наказания – расстрелу. 5 мая того же года приговор был приведен в исполнение.

Железнодорожный инженер Кун, по свидетельству Маллесона, главы британской военной миссии в Ашхабаде, – властный, безжалостный человек. Держался весьма независимо от ашхабадского правительства (ЦГА ТССР, СБ 44, л. 155).

Чувствовавший себя «царьком» Красноводска, тщеславный Кун был выразителем интересов мелкой буржуазии, мечтал о безраздельной личной власти, хотя на самом деле английское командование отводило ему лишь роль обычной марионетки. По определению английского генерала Денстервиля, «красноводское правительство, возглавляемое Куном... придерживалось твердой антибольшевистской позиции и пользовалось репутацией англофилов» (Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии (1917–1918) Тифлис, 1925, стр. 156).

В 1908 году Маллесон, будучи в звании подполковника, числился на должности генерал-квартирмейстера при штабе главнокомандующего в Индии, а на самом деле возглавлял разведку по сопредельным странам, в том числе и по Азиатской России. В начале 1914 года полковник Маллесон и его помощник капитан Сидней Фредерик Муспрат просили министерство иностранных дел России разрешить им проехать из Индии в Москву и Варшаву через Верный (Алма-Ата), Чимкент, Ташкент, якобы с целью «поохотиться в китайских владениях». Путешествие было разрешено, но под негласным контролем царской контрразведки. Поездка не состоялась из-за начавшейся первой империалистической войны ЦГАСА, ф. 25859, он. 2, д. 19, л. 40–41). Такой опытный разведчик возглавлял войска оккупантов, такого серьезного противника имело большевистское подполье в лице Маллесона.

С. Д. Дружкин – сын ташкентского ювелира, начальник военной контрразведки белогвардейского правительства, один из соучастников убийства 26 бакинских комиссаров, авантюрист и провокатор. Даже Фунтиков писал о нем с неприязнью: дескать, Дружкин «фуксом пролез» в так называемый Комитет общественного спасения, «по просьбе Тиг-Джонса» (капитан английской разведки) ('«Заря Востока», 30 сентября 1921 г.).

В октябре 1927 года Г. А. Степкин по просьбе Туркменского истпарта направил в Ашхабад свои личные документы, относящиеся к 1917–1918 годам, в том числе членский билет РСДРП (б) и билет члена подпольной организации (Партархив ТФ НМЛ, ф. 1, оп. 4, д. 399, л. 97).

Бехаизм – космополитическое религиозное учение, отражавшее интересы буржуазии. Бахаисты, на словах отрицая классовую борьбу, на деле идут в услужение к правящим реакционным кругам.

Карры Кулиев (1887–1938) – рабочий, член партии с 1920 года, председатель волостного исполкома Кизыл-Арвата, член ТуркЦИКа, председатель Полторацкого уездного исполкома, ответственный секретарь обкома КПТ, заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции по Средней Азии, нарком социального обеспечения Туркменской ССР.

Борис Тузин – большевик; как и Иван Очередько, в январе 1918 года V областным съездом Советов был избран в состав Закаспийского Совнаркома (коллегии комиссаров). Его революционную деятельность положительно оценил VII съезд Советов Закаспийской области (А. А. Росляков. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов, стр. 357).

Михаил Григорьевич Ананьев, член КПСС с марта 1917 года, родился в 1894 году в семье каменщика в Азербайджане. Юность провел в Ашхабаде. С 1912 года жил в Баку, учился в марксистском кружке, которым руководил старый большевик А. Акопян (впоследствии народный поэт Армянской ССР). Состоял в рядах большевистских дружин, член Совдепа, защищал Баку от восставших мусаватистов, политработник Кавказской Красной Армии.

Зыков – бывший царский пристав Тахта-Базара, ярый контрреволюционер. После контрреволюционного переворота в Ашхабаде белогвардейцы предложили гарнизону крепости Кушка сдаться. Защитники крепости не сложили оружия. Тогда контрреволюционное правительство Закаспия направило для осады крепости отряд полковника Зыкова, к которому присоединились конные банды местных феодалов.

Защитников крепости – рабочих депо, служащих и жителей Кушки, крестьян двух соседних поселков – возглавил Военный совет, руководимый коммунистами Г. С. Моргуновым, И. Н. Цибизовым, И. М. Карандой и комендантом гарнизона генерал-лейтенантом старой армии Востросаблиным. Отважные кушкинцы отстаивали крепость в течение месяца, до подхода частей Красной Армии 20 августа 1918 года. В конце октября наши части отошли к станции Равнина, оставили Кушку. Но богатый арсенал Кушки не достался врагу: все орудия и боеприпасы были своевременно вывезены. Семь месяцев Кушка находилась под властью врагов. 24 мая 1919 года над самой южной точкой страны взвился красный флаг – Кушка была окончательно освобождена советскими войсками.

7 апреля 1928 года Президиум ЦИК Туркменской ССР отметил героизм кушкинцев, наградив гарнизон крепости орденом Красного Знамени.

Подпольную деятельность С. И. Суматохина и Н. А. Саркисова подтверждают и архивные документы (ЦГА ТССР, ф. 171, оп. 1, д. 24, л. 126).

Ораз Сердар – член контрреволюционного правительства Закаспия, главарь туркменских националистов, ставленник английских интервентов, командующий белогвардейскими войсками.

Виноградов – член Временного военно-революционного комитета в Ашхабаде, возглавлявшегося неггибаемым большевиком Василием Батминовым. В мае 1918 года этот комитет пришел на смену ашхабадскому меньшевистско-эсеровскому Совету (А. А. Росляков. Указ соч. стр. 359; «Война в песках», стр. 344–345).

Есть основание утверждать, что в ашхабадской типографии, где почти все работавшие состояли в профсоюзе печатников, действовала самостоятельная подпольная организация, которая до сего времени известна как одна из групп большевистского подполья. Об этом красноречиво свидетельствует докладная эмиссара (агента) бюро печати при Туркестанском Совнаркоме Суздальцева, застигнутого в Закаспии белым мятежом. Утверждая, что партия коммунистов ведет подпольное существование и насчитывает около 60 человек, он уточняет, что 30 августа посетил «типографию единственной в городе газеты, где и познакомился с т. Рындиным, оказавшимся товарищем председателя партии коммунистов...» (ЦГА ТССР, ф. 580, он. 1, д. 2, л. 479–484). К сожалению, других документов о существовании подпольной организации печатников обнаружить пока не удалось.

Н. Г. Ссорин – один из коммунистов, создавших в конце октября 1917 года большевистскую организацию в Ашхабаде, помощник редактора «Известий», первой большевистской газеты в Закаспийской области (М. Д. Аннакуров. К истории коммунистической печати в Туркменистане. Ашхабад, 1958, стр. 34–35).

Югатов – командир отряда, свергнувшего Советскую власть в Красноводске и Казанджике (ЦГА ТССР, СБ 153, л. 266). Гаудиц, по всей вероятности, отец С. П. Гаудица – убийцы ашхабадских комиссаров, начальника боевой дружины эсеров.

Л. Н. Афанасьев с декабря 1917 года возглавлял Главный железнодорожный комитет, ставший основным меньшевистско-эсеровским центром, который через свою газету «Асхабад» вел антисоветскую пропаганду, отравлял сознание рабочих и солдат (А. А. Росляков. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов (1917–1918), стр. 348). В годы гражданской войны Л. И. Афанасьев под влиянием большевистских идей порвал с лагерем контрреволюции, стал сторонником Советской власти, одним из организаторов большевистского подполья («Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 147).

В июле 1919 года Н. И. Кузнецов был арестован вновь, томился в красноводской плавучей тюрьме, откуда в числе 35 заключенных совершил дерзкий побег и, проделав долгий и мучительный путь через Каракумы, добрался до станции Бами, в расположение советских войск.

Руководители Совета профсоюзов предлагали увеличить количество членов «Комитета общественного спасения», намереваясь ввести туда представителей рабочих. Это предложение поддержали и буржуазные националисты, которые в свою очередь замыслили провести в «Комитет» своих людей (ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 1306).

Здесь и далее приводятся документы, обнаруженные нами в архивах Баку; большинство из них пока еще не были в научном обороте.

Плешаков Михаил Григорьевич (1886–1938) – член КПСС с 1904 года, член Балаханского районного комитета РСДРП. В мае 1907 года был арестован. В годы реакции деятельность подпольщика сочетал с легальной работой в союзе нефтепромысловых рабочих. После Февральской революции – председатель Балаханского Совета. В 1919 году – член Бакинского подпольного комитета партии большевиков, руководил формированием боевых рабочих отрядов. После победы Советской власти в Азербайджане – член Бакинского ревкома, председатель райсовета, председатель ЦКК АзКП(б) («Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. 1918–1920 гг.». Документы и материалы. Баку, 1967, стр. 517).

Делегация намеревалась выехать затем в Кизыл-Арват, но власти разрешения на выезд не дали («Бакинский рабочий», 20 апреля 1926 г.).

В «Очерках истории Коммунистической партии Туркменистана» (стр. 148) ошибочно указано, что съезд состоялся в марте; кроме того, в качестве участников съезда от профсоюзов Казанджика названы большевики Тихонов и Павелкин (по воспоминаниям П. Васильева). В действительности представителей большевистского подполья Казанджика на съезде профсоюзов Кавказа и Закаспия не было, во всяком случае в архивных документах (в частности, в протоколах съезда), хранящихся в фондах ЦГАОР Азербайджанской ССР и Азербайджанского филиала НМЛ при ЦК КПСС, они не упоминаются.

Из Красноводска прибыли четыре делегата, но мандатная комиссия съезда не признала полномочия одного из них, вагонного мастера Д. Домашнева. Основанием для такого решения послужило письмо, которое подписали 29 рабочих. Они разоблачали Д. Домашнева как сподручного красноводского правителя Купа, члена так называемого правительственного распорядительного «комитета («правраскома»», «избранного» делегатом по воле белогвардейских властей. А его брат, В. Домашнев, состоял при Куне в качестве секретаря «правраскома». Достоверность сведений, сообщавшихся в письме, подтвердил выступивший на съезде красноводский делегат большевик С. Кривоносое (в феврале 1920 года, вскоре после освобождения Красноводска, С. Кривоносов был избран заместителем председателя профкома железнодорожников) (ЦГА УзССР, ф. 39, оп. 1, д. 306, л. 28).

В Кизыл-Арвате еще долго сказывалось эсеро-меньшевистское влияние. Так, в 1921 году в железнодорожных мастерских из 700 рабочих только 40 состояли в партии большевиков. Различные враждебные элементы нередко разворачивали антисоветскую пропаганду на транспорте (*В. Г. Мелькумов. Очерки истории парторганизации Туркменской области Туркестанской АССР. Ашхабад, 1959, стр. 101*).

Арестованные в январе 1919 года 22 члена подпольной организации, среди которых многие состояли в партии большевиков, были отправлены в Энзели. Среди них (в кавычках – строки из белогвардейских документов следствия):

Евгений Рабинович – бывший председатель Дербентского Совета, приехал из Баку. В Красноводске «вошел в местную партию большевиков, организовал ее и своими действиями дал этой партии известное направление, выразившееся в активном выступлении членов партии». Умелый конспиратор.

Борис Тузин – бывший комиссар Закаспийского Совнаркома. «Человек, имеющий большое влияние на рабочих как хороший партийный работник, опасен своей популярностью». Находясь в тюрьме, поддерживал связь с подпольной организацией. С его приездом в Красноводск работа подполья «стала принимать более реальное направление».

Ковалевский – большевик, рабочий. Через свою жену поддерживал связь с арестным домом, в частности с Б. Тузиным.

Углов – один из молодых деятельных членов подполья. «На него, как на решительного человека», организация «возлагает большие надежды».

Горелов – большевик, бывший член Красноводского Совета. «Присутствовал от местной дружины на последнем секретном заседании большевиков». Вел в местном лазарете агитационную работу.

Трофим Горбачев – вместе с женой-сторожихой проживал в здании «правраскома». Вел работу среди солдат, пользовался среди них большим авторитетом.

Блодек – большевичка, работница почты. Проводила агитационную работу среди почтовых работников. «Была на последнем заседании... требовала применения вооруженной силы к уничтожению лиц, ныне стоящих у власти».

Варламов – большевик, вел агитационную работу.

Абрамов – большевик, по национальности армянин, работавший в Красноводске по заданию Бакинского комитета партии. «У него на квартире задержана известная деятельница, большевичка Соте-ник Карыкян», приехавшая из Баку.

Михаил Богатых – активный деятель подполья, «вместе с доктором Эдельманом основал особую «военную коллегия», своими выступлениями восстанавливал всех солдат против начальства».

Осип Вартагерович Авакимов, 1878 года рождения, член партии большевиков с 1905 года, буровой мастер, долгое время вел партийную работу в Баку, был работником Политотдела XII армии, где готовился для подпольной работы в Баку. По распоряжению председателя РВС Закаспийского фронта Н. А. Паскуцкого был прикомандирован к штабу. В 1920 году, после освобождения Азербайджана, вернулся в Баку (ЦГАСА, личное дело 66223, л. 1, 9).

Сохранился подлинник мандата О. В. Авакимова (ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 62). Документ отпечатан на узкой полоске тонкой шелковистой бумаги, которую можно зашить в одежду или в случае опасности проглотить. На копии имеется расписка О. В. Авакимова в получении мандата.

Только в Ашхабаде белогвардейцы имели 11 контрразведок – военных и гражданских (ЦГА ТССР, СБ 51, л. 304). К примеру, их создали так называемая Туркменская секция, партия эсеров, окружной суд, «Комитет спасения», и, наконец, у самого Зимина для охраны его личности имелись даже две контрразведки, одной он не доверял (ЦГАОР СССР, ф. 446, оп. 2, д. 56, л. 102, 130 6). О многочисленности этого карательного органа писал и сам генерал Деникин: «Никогда еще этот институт не получал такого широкого применения... Его создавали у себя не только высшие штабы, но и военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политические организации, даже... отдел пропаганды» (Л. Деникин. Поход на Москву. Очерки русской смуты. М., 1928, стр. 42).

В память Павла Ивановича Успенского, негибаемого большевика, мужественно перенесшего пытки в белогвардейском застенке, не выдавшего партийную тайну врагу, названа одна из улиц Ашхабада.

Основные силы интервентов ушли из Закаспия в начале апреля 1919 года. 4 августа того же года англичане увели свой последний отряд из Красноводска.

В Красноводском подполье, возглавляемом П. Я. Бешапочным, работали его жена Мария Ивановна и ее сестра Анна – родные сестры казанджикского большевика-подпольщика Н. И. Кузнецова, томившегося в плавучей тюрьме. Ныне Анна Ивановна – персональная пенсионерка, живет в приволжском городе Камышине («Туркменская искра», 10 января 1970 г.).

Архивные документы белогвардейцев утверждают, что из плавучей тюрьмы убежали не 35, а 27 человек.

П. Я. Бесшапочный, 1882 года рождения, родом из Воронежской губернии, по происхождению крестьянин. С 1916 года служил в армии, в учебной команде Ашхабада. После Февральской революции вошел в состав солдатской делегации, избранной, чтобы принять власть от начальника Закаспийской области. Делегаты были арестованы. В начале 1918 года в Ташкенте вступил в партию большевиков, на Бухарском фронте командовал красногвардейским отрядом.

Всех этих подпольщиков, как и 24 других рабочих, белогвардейцы зверски расстреляли под станцией Ягман.

25 июня 1916 года царское правительство издало указ о наборе местного населения на тыловые работы. Это переполнило чашу терпения закабаленных туркмен и других народов Туркестана, ответивших открытым вооруженным восстанием. Имущие классы, чьи интересы указ не затрагивал, охотно пошли на выполнение воли колониальных властей. Но чтобы сохранить свое господство над народами, не ссориться с царским правительством, феодальнобайская верхушка аула па первых порах развития дайханского движения попыталась встать во главе масс. Цель у нее была одна– направить движение в более умеренные рамки, в рамки «законности» и постоянных компромиссов. А когда в конце декабря 1916 года юго-западные туркмены потерпели в боях с царскими солдатами жестокое поражение, состоятельные ханы, старейшины переметнулись к карателю генералу Мадритову, выдали ему остатки мужественно сопротивлявшихся отрядов. Царские войска, воспользовавшись предательством феодально-байской верхушки, доконали разрозненные силы восставших, потопили в крови движение дайханских масс.

Ораз Сердар Дыкма Сердаров, выходец из родовитой семьи, окончил в Петербурге Николаевское кавалерийское училище. После Октябрьской революции – глава Областного мусульманского комитета, решавшего вопрос об автономии Туркестана, объявленной правительством РСФСР, с позиций туркменской феодально-клерикальной знати. После разгона в феврале 1918 года этого комитета Ораз Сердар скрывался в районе Бахардена, требовал, чтобы дайхане вносили налоги ему, а не советским органам. После контрреволюционного мятежа был назначен командующим белогвардейско-националистических войск.

Сеидмурад Овезбаев происходил из небогатой семьи, туркестанским генерал-губернатором Куропаткиным был отдан учиться в кадетский корпус.

Хаджи Мурат (Ходжа Гельды Ходжа Мурадов) – представитель феодальной знати. После установления Советской власти во главе группы туркменских интеллигентов, бывших солдат и офицеров перешел на ее сторону, в середине мая 1918 года стал членом областного Совнаркома. Летом 1918 года, после контрреволюционного мятежа, опять оказался в антисоветском лагере.

Небезынтересна характеристика, которую дал этим людям генерал Джунковский, возглавлявший комитет так называемой «Туркестанской военной организации»:

Ораз Сердар – «совершенно бесхарактерный... коварный».

С. Овезбаев – «только и мечтает о карьере Энвер-паши (турецкий офицер, авантюрист, подвизавшийся в Средней Азии в годы гражданской войны. – Р. З.), не особенно родовит, но энергичен, действует через Сердара. Человек очень пылкий и невожатый на язык, получил от комитета два миллиона рублей на формирование конного отряда».

Хаджи Мурат – «более уравновешенный, но чрезвычайно хитрый и коварный, является вторым помощником командующего». Как и Овезбаев, пользуется влиянием на Ораз Сердара (А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 433–434; ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 55, л. 14–15).

Махтумкули-хан – сын Нурберды-хана и пасынок мервской ханши Поль-Джемал, владелец крупных земельных и водных угодий. Управлял Тедженским уездом, имел чин офицера царской полиции.

Род Нурберды-хана объединял значительную часть туркменского народа. После Октябрьской революции по отношению к Советской власти Махтумкули-хан держался лояльно.

«Туркестанская военная организация», чтобы склонить влиятельного родового вождя выступить на стороне белогвардейцев, пыталась сравнить его с Оразом Сердаром, будто бы замышлявшим арестовать Махтумкули-хана и ханшу Гюль-Джемал (А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 433; ЦГАОР СССР, ф. 446, оп. 2, д. 55, л. 16).

После Великого Октября Аллаяр Курбанов был избран первым председателем Совета аула Юванкала. После гражданской войны с оружием в руках принимал участие в упрочении Советской власти. В 1921 году – председатель Кара-Калинского волостного исполкома (ЦГА ТССР, ф. 8, он. 1, д. 155, л. 65).

Николай Николаевич Иомудский – подполковник царской службы. До контрреволюционного мятежа возглавляемый им Совет мусульманских депутатов Красноводского уезда сотрудничал с Советской властью. Но характеристике Е. Джунковского, «человек чрезвычайно коварный, утративший престиж среди большевиков, туркменских племен и опиравшийся на свою многочисленную родню. При большевиках был комиссаром. Красноводский стачком выслал его на о. Челекен как вредного человека. В 1913 году он был также выслан генерал-губернатором из пределов края на один год» (А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 433; ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 55, л. 14).

Докладная записка Реввоенсовету Туркестанской
республики подписана председателем Реввоенсовета
Закаспийского фронта Н. Л. Паскуцким и заведующим
Политотделом В. В. Мальковым,

Это предприятие с Джунаид-ханом, фактически возглавлявшим Хивинское ханство, потерпело неудачу. В начале марта 1919 года он отправил в Закаспий в помощь англо-белогвардейским войскам крупный отряд, напал на отряды советских войск, на мирное население. 9 апреля 1919 года в местечке Тахта между РСФСР и хивинским правительством был заключен мирный договор, который вскоре Джунаид вероломно нарушил («История Туркменской ССР», т. 11. Ашхабад, 1957, стр. 151–152). Английский агент Джунаид-хан, вооруженный и вдохновляемый британским империализмом, до последних дней своей жизни оставался непримиримым врагом Советской власти, всех народов Средней Азии.

Аннамурад Сарыев, персональный пенсионер республиканского значения, проживает ныне в Тедженском районе Туркменской ССР. Жизнь привела А. Сарыева в отряд Эзис-хана, но, когда его конники вступили в схватку с красными, А. Сарыев бежал, скрывался, вместе с Кизыл-ханом Сарыевым перешел на сторону Красной Армии. За участие в подавлении кронштадтского мятежа награжден орденом Красного Знамени. Долгие годы служил в советской милиции, боролся с басмачеством.

Бойцы этого отряда, сформированного в Жлобине, отличались буйностью нравов, крайней недисциплинированностью, «сверхреволюционностью», граничившей с анархизмом. В сентябре 1918 года, после гибели под Каахка командира отряда Я. Розенберга, бойцы окончательно разложились и были отозваны с передовой позиции в тыл для переформирования.

По свидетельству Е. Джунковского, «туркменский конный отряд Эзис-хана (из Теджена, по-настоящему он не хан. Туркмены любят украшать себя не принадлежащими им титулами) хотя и делал глубокие обходы и производил разведку, но вся эта работа была очень слаба и непроизводительна» (ЦГАОР, ф. 446, оп. 2, д. 55, л. 13).

По утверждению А. Сарыева и К. Сарыева, Эзис Чапыков, дайханин-середняк, был аульным мирабом; отец его, Чапык Сердар, – родом из села Эррик-Кала, что под Ашхабадом, участвовал в аламанских набегах на Иран. Анархически настроенный Эзис-хан доставлял немало хлопот белогвардейским правителям, беспощадно расправлялся с неугодными ему людьми независимо от их политических взглядов. Захватив, к примеру, Серахс, он объявил, что там устанавливается его власть и все «русские учреждения ликвидированы». А когда фунтиковское правительство обязало тедженцев сдать хлеб по разверстке, Эзис-хан запретил это делать (ЦГА ТССР, СБ 46, л. 178; ф. 142, оп. 2, д. 1, л. 146; ф. 205, оп. 1, д. 1, л. 49).

После освобождения Ашхабада Хангельды Вопадар-оглы стал командиром Туркменского красного эскадрона, членом коллегии Реввоенсовета, ему было поручено формирование туркменских частей (ЦГА ТССР, ф. 171, он. 1, д. 5, л. 54).

В июне 1919 года Н. А. Паскуцкий отправил Аманмурада Гельдыева и красноармейца Абдуллу Мирзоева в занятый белыми Ашхабад с разведывательными целями и для установления связи с тамошней подпольной организацией. Явка была назначена в пекарне депо, но встреча с подпольщиками не состоялась. Зато разведчики выполнили другую, не менее важную часть задания – добыли ценные сведения о противнике, о положении его тыла. «Приехавший со мной туркмен сделал два или три рейса и больше не являлся, – вспоминает А. Мирзоев, – возможно, что погиб» («Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны», стр. 271–274).

Нет, Аманмурад Гельдыев не погиб. После доклада Н. А. Паскуцкому Гельдыева назначили начальником особого отряда по борьбе с бандитствующими остатками белых войск. В конце 1932 года Паскуцкий в письме в Центральный комитет по делам бывших красногвардейцев и красных партизан просил отметить через соответствующие организации заслуги Аманмурада Гельдыева, проживавшего тогда в Теджене (ЦГА ТССР, ф. 171, оп. 1, д. 5, л. 28–30).

Земли, населяемые двумя туркменскими племенами – иомудами и гокленами, при установлении границы между Россией и Ираном в 1884–1886 годах были поделены пополам.

Позже, в декабре 1919 года, Кара Багиров – работник Политического отдела 1-й Туркестанской стрелковой дивизии (ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 42, л. 407).

Гого – Леван Гогоберидзе, член Кавказского краевого комитета РКП большевиков. Нури Сулейман – турецкий офицер, коммунист.

Правильно – Муфти-Заде Салахетдин. С ним должны были ехать Ариф Икмет и Али Гани-оглы. По архивным документам в числе приехавших в Закаспий их фамилии не значатся. Вместе с Салахетдином приехал коммунист Ага Киши Алишап, или Ага Киши Шукуров, по национальности лезгин (ЦГАСА, ф. 125, оп. 1, д. 57, л. 176, 308).

На съезде «Красного Иомудистана», то есть населения юго-восточного побережья Каспия и юго-запада Туркменистана, проходившем 1–2 октября 1920 года, Байрикари Абаев избирался заместителем председателя этого съезда (ЦГА УзССР, ф. 39, оп. 1, д. 350, л. 49).

Макбул Эфенди – Эфендиев Абид Мамед-оглы (1878–1946), родился в Азербайджане, в Нухе. В 1901 году переехал в Асхабад, в годы первой русской революции участвовал в организации забастовок железнодорожников, в 1914 году сослан в Самарскую губернию. Активный участник борьбы за установление Советской власти в Закаспии. В 1918 году вступил в большевистскую партию, один из основателей мервского отделения организации «Гуммет».

По заданию мусульманской секции Политотдела Закаспийского фронта вел большую организаторскую и политическую работу в районах Закаспийской области. В октябре 1919 года был командирован в Гасан-Кули для политической работы среди туркменского племени иомудов. Эфендиев по заданию Реввоенсовета Закаспийского фронта с секретными документами переправился на рыбацкой лодке через Каспий в Баку («Активные борцы за Советскую власть в Азербайджане». Баку, 1957, стр. 188, 189).

По сведениям Реввоенсовета Закаспийского фронта, туркменское племя иомудов насчитывало 25 родов, нередко совершавших набеги друг на друга или на соседние народности (ЦГАСА, ф. 110. оп. 23, л. 536).

Е. В. Тэлеш с марта 1919 года – старший адъютант командующего войсками Закаспийского фронта, участвовал в глубокой разведке вниз по Амударье в составе сводного конного отряда, работал заведующим оперативным подотделом штаба советских войск.